

УТОПИЯ XIX ВЕКА

ПРОЕКТЫ РАЯ

Э. Беллами
Э. Бульвер-Литтон
У. Моррис

✦ ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА ✦

Зарубежная классика (АСТ)

Эдвард Бульвер-Литтон

Утопия XIX века. Проекты рая

«Издательство АСТ»

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Бульвер-Литтон Э. Д.

Утопия XIX века. Проекты рая / Э. Д. Бульвер-Литтон —
«Издательство АСТ», — (Зарубежная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-114687-0

Вдохновенный поэт и художник-прерафаэлит Уильям Моррис, профессиональный журналист Эдвард Беллами, популярный писатель Эдвард Бульвер-Литтон представляют читателю три варианта «прекрасного далёко» — общества, поднявшегося до невероятных вершин развития и основанного на всеобщем равенстве. Романы эти, созданные в последней трети XIX века, вызвали в обществе многочисленные жаркие дискуссии. Всеобщая трудовая повинность или творческий подход к отдельной личности? Всем всё поровну или следует вводить шкалы потребностей? Возможно ли создать будущее, в котором хотелось бы жить каждому?

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-114687-0

© Бульвер-Литтон Э. Д.
© Издательство АСТ

Содержание

Эдвард Бульвер-Литтон	6
I	6
II	8
III	10
IV	11
V	12
VI	17
VII	18
VIII	22
IX	23
X	28
XI	30
XII	31
XIII	33
XIV	34
XV	35
XVI	39
XVII	42
XVIII	48
XIX	52
XX	54
XXI	56
XXII	59
XXIII	63
XXIV	64
XXV	72
XXVI	76
XXVII	77
XXVIII	79
Эдвард Беллами	81
Предисловие	81
Глава I	82
Глава II	87
Конец ознакомительного фрагмента.	89

**Эдвард Беллами, Уильям
Моррис, Эдвард Бульвер-Литтон
Утопия XIX века. Проекты рая**

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Перевод с английского *Н. Соколовой, Ф. Зинина, А. Каменского*

Эдвард Бульвер-Литтон Грядущая раса

I

Я уроженец города... в Соединенных Штатах Америки. Предки мои переселились сюда из Англии еще в царствование Карла II; дед мой не без отличия участвовал в войне за освобождение. Поэтому наша семья уже по своему происхождению занимала довольно видное общественное положение; мои родные были к тому же людьми состоятельными, но почему-то считались непригодными для общественной службы в нашей свободной стране. Мой отец как-то пробовал попасть в конгресс, но потерпел жестокое поражение, и на выборах восторжествовал его портной. После этого он мало интересовался политикой, и большую часть времени проводил в своей библиотеке. Я был старшим из трех сыновей; шестнадцати лет меня послали в старую страну отчасти для окончания моего образования, а также, чтобы я приучился к коммерческому делу в конторе одной знакомой ливерпульской фирмы. Отец мой умер вскоре после того, как мне минул двадцать один год; и так как я был хорошо обеспечен и питал склонность к путешествиям и всяким приключениям, то, бросив на время погоню за всемогущим долларом, я совершенно отдался бесцельным странствованиям по всему свету.

В 18, проезжая местечко, я встретился с одним знакомым мне горным инженером, который предложил мне осмотреть рудник, находившийся в его заведывании.

Читатель, вероятно, догадается еще до окончания моего рассказа, почему я скрываю название той местности, где происходили описываемые мною события, и может быть поблагодарит меня за то, что я воздержался в своем рассказе от всяких указаний, которые послужили бы ключом к ее открытию.

Буду по возможности краток и скажу только, что я сопровождал инженера в глубины рудника; мрачные чудеса этого подземного мира до того очаровали меня и я так заинтересовался исследованиями моего приятеля, что продлил срок моего пребывания в этой местности, и каждый день в течение нескольких недель спускался в эти подземные галереи и пещеры, – частью пробитые руками человека, частью созданные самою природою. По мнению инженера, самые богатые залежи минеральной руды должны были обнаружиться в новой, начатой им шахте. Во время работ по ее углублению мы однажды дошли до глубокой трещины с изорванными и, видимо, обугленными краями, как будто разрыв породы произошел здесь под действием вулканической силы в какой-нибудь отдаленный геологический период. В эту трещину инженер приказал рабочим опустить себя в «корзине», испробовав предварительно посредством предохранительной лампы состояние ее атмосферы. Почти целый час он оставался в пропасти. Когда его подняли, он был бледен как смерть, и на его лице было какое-то беспокойное, сосредоточенно-задумчивое выражение, которое не имело ничего общего с его обыкновенным бодрым, веселым взглядом.

Он сказал только, что спуск показался ему небезопасным и не привел ни к каким результатам. После того он тотчас остановил работы по углублению шахты, и мы перешли к другим, более знакомым частям рудника.

Весь этот день инженер казался поглощенным одною какою-то мыслью. Он сделался молчаливым, и в его глазах было какое-то испуганное, растерянное выражение, точно у человека видевшего привидение. Вечером, когда мы сидели в нашей общей квартире близ шахты, я обратился с вопросом к моему приятелю:

– Скажите откровенно, что такое вы видели в пропасти? Я уверен – что-нибудь странное и ужасное. Вас, наверное, мучит какое-то сомнение. В таком случае два ума лучше одного. Поверьте мне вашу тайну.

Инженер долго пытался уклониться от прямого ответа на мой вопрос; но по мере того, как во время нашего разговора он машинально подливал себе в стакан из стоявшей на столе фляжки с ромом, – а обыкновенно это был человек крайне воздержанный и не привыкший к употреблению спирта, – его сдержанность постепенно исчезала. Тот, кто желает сохранить про себя свои мысли, должен уподобиться бессловесным существам и пить одну воду. Наконец он обратился ко мне со следующими словами:

– Я расскажу вам все. Корзина моя остановилась на краю довольно глубокого обрыва, спускавшегося в наклонном положении; бывшая со мною лампа не могла осветить наполнявший его мрак. Но из глубины его, к моему величайшему удивлению, исходил луч ровного, яркого света. Неужто это был огонь вулкана? Но тогда я ощущал бы теплоту. Как бы там ни было, всякое сомнение на этот счет грозило неминуемою опасностью нашему руднику. Я тщательно осмотрел стороны обрыва и убедился, что могу рискнуть спуститься хотя бы на некоторую глубину по выдающимся с боков его неровностям и выступам. Я вылез из корзины и стал спускаться. По мере того как я приближался к замеченному мною свету, расщелина становилась все шире, и наконец я увидел, к своему невыразимому удивлению, в глубине пропасти долину, с широкою ровною дорогой, освещенной на всем ее протяжении, насколько мне было видно, правильно расставленными фонарями, как на улице большого города; до меня также смутно доносился шум точно человеческих голосов. Мне хорошо известно, что в этой местности не существует других рудников. Кому же принадлежали эти голоса? Что за люди провели эту дорогу и расставили по ней фонари?

Мне невольно стали приходить в голову суеверия рудокопов о гномах и подземных демонах. Под влиянием охватившего меня ужаса я еле решился спускаться далее навстречу этим таинственным подземным жителям. Да к тому же у меня не было и веревки, без помощи которой нельзя было достигнуть дна пропасти, так как стороны ее с этого места представляли совершенно гладкую вертикальную поверхность. С большим трудом я вскарабкался наверх. Теперь вы все знаете?

– Вы спуститесь опять!

– Я должен, но в то же время я колеблюсь.

– С верным товарищем путь наполовину короче, да и смелость удваивается, Я отправлюсь вместе с вами. Мы возьмем с собою надежные веревки достаточной длины – и... простите меня – вам не следует больше пить сегодня. Нужно, чтобы на завтра у нас были твердые руки и ноги.

II

С наступлением утра расстроенные нервы моего приятеля успокоились, и любопытство его было настолько же возбуждено, как и мое. Пожалуй, еще более; потому что он верил в свой рассказ, а я ощущал изрядное сомнение: конечно, не в том, чтобы он намеренно погрешил против истины; но мне казалось, что он был под влиянием одной из тех галлюцинаций, которым иногда подвергаются наши нервы и мозг в уединенных неведомых местах, причем мы видим несуществующие формы и слышим воображаемые звуки.

Мы выбрали шестерых опытных рудокопов, которые должны были следить за нашим спуском; так как в корзине мог поместиться только один человек, то инженер спустился первым, и как только он достиг того выступа, где останавливался в первый раз, корзину подняли за мною. Я скоро присоединился к нему. Мы взяли с собой связку крепких веревок.

Я был поражен не менее моего приятеля тем светом, который исходил из глубины наклонно идущей расщелины. Он напоминал мне ровно разлитый свет нашей атмосферы; он нисколько не походил на отблеск огня, но был мягкий, серебристый, подобно лучам полярной звезды. Мы вылезли из корзины и сравнительно легко спустились по уступам скалы до той небольшой площадки, где остановился в первый раз мой приятель и где было как раз настолько места, что бы мы могли стоять рядом друг с другом. Отсюда расщелина шла вниз, быстро расширяясь, точно дымовой выход гигантской паровой трубы, и я отчетливо увидел долину, дорогу и фонари, ранее описанные моим товарищем. Он ничего не преувеличил в своем рассказе. Я слышал те же звуки – точно отдаленный смешанный шум человеческих голосов и людских шагов.

Напрягая мое зрение, я даже разглядел в дали очертания какого-то большого строения. Это не могла быть скала: для этого она была слишком правильной формы; виднелись громадные колонны, напоминающие египетские храмы; и все это освещалось каким-то внутренним светом. У меня была с собой подзорная труба, и при помощи ее я мог различить поблизости от строения две фигуры, похожие на людей, хотя я и не был вполне уверен в этом. Во всяком случае, это были живые существа, потому что они двигались и потом исчезли внутри строения. Мы тотчас начали укреплять, посредством железных скоб и крюков, с помощью захваченного с собою инструмента, конец веревки к тому маленькому выступу, на котором стояли.

Ни один звук не прерывал нашу работу. Мы работали молча, как люди, которым было страшно вымолвить слово. Укрепив один конец веревки к уступу скалы, мы привязали камень к другому концу и спустили его вниз, до земли, на глубину почти пятидесяти футов. Я был моложе и ловчее моего товарища; к тому же мальчиком мне приходилось служить на корабле; так что предстоящий нам способ передвижения был мне привычнее. Шепотом я потребовал, чтобы он предоставил мне спуститься первому, и я таким образом мог бы придержать для него нижний конец болтающейся веревки. Я благополучно добрался до земли, и теперь настал черед инженера. Но едва он спустился на десять футов от уступа, как наши крепления, которые казались такими надежными, сдали под его тяжестью вместе с частью самой скалы, и несчастный полетел вниз к моим ногам с обломками камня, одним из которых, – к счастью мелким, – ударило меня по голове, и я потерял сознание. Когда я пришел в себя, я увидел лежащую около меня безжизненную, обезображенную массу, представляющую все, что осталось от моего товарища. В то время как я склонился с невыразимым ужасом и горем над его трупом, я услышал поблизости от себя какой-то странный, шипящий звук; машинально повернувшись по направлению звука, я увидел высовывающуюся из темной трещины в скале громадную ужасную голову, с открытой пастью и неподвижными голодными глазами, какого-то чудовищного пресмыкающегося, вроде аллигатора или крокодила, но по величине далеко превосходившего все, что мне приходилось видеть во время моих путешествий. Я вскочил на ноги и бросился

бежать вниз по долине. Наконец мне сделалось стыдно моего бегства, я остановился и пошел назад к тому месту, где я оставил труп моего приятеля. Его уже не было; без сомнения, чудовище успело втащить его в свою нору и пожрало. Вербка с привязанным на конце крюком лежала на том же месте, куда упала, но я не мог ею воспользоваться: не было никакой возможности снова прикрепить ее к верхнему выступу скалы, и нечего было думать влезть наверх по этой гладкой каменной поверхности, которая высилась надо мною. Итак, я оставался теперь совершенно один в этом неведомом мире, в недрах земли.

III

Медленно и со страхом я шел по освещенной фонарями дороге, направляясь к описанному уже мною зданию. Сама дорога напоминала Альпийский проход, огибающий горную цепь; причем скала с расщелиною, через которую я спустился, представляла одно из ее звеньев. Далеко внизу по левую руку перед моими удивленными глазами открывалась обширная долина с несомненными признаками культуры. Виднелись поля, покрытые странной растительностью, подобной которой я никогда не видел на земле; она была не зеленая, но скорее тускло-свинцового или красно-золотого цвета.

Я видел озера и речки с возделанными берегами; в некоторых из них была чистая вода, другие блестели как поверхность нефти. По правую руку открывались горные проходы между скалами, очевидно, созданные искусством и окаймленные группами деревьев, большею частью походивших на гигантские папоротники, с удивительно разнообразною перистою листвою и стволами как у пальм; другие походили на сахарный тростник, но гораздо выше и были покрыты массою цветов. Наконец некоторые из них имели вид громадных грибов с толстым коротким стволом, поддерживавшим куполообразную крышу, с которой поднимались вверх или опускались тонкие длинные ветви. Вся открывавшаяся предо мною местность во всех направлениях, насколько мог охватить глаз, сверкала бесчисленным множеством фонарей. В этом мире, лишенном солнца, было так же светло и тепло, как в Италии во время летнего полудня, но воздух был менее удушлив, и не чувствовалось жары. Открывавшаяся предо мною картина также не была лишена признаков жилья человеческого. Я видел вдали, по берегам озер и речек или на склонах гор, утопающие в растительности строения, которые, несомненно, были обитаемы человеком. Я даже мог различить, хотя очень далеко,двигающиеся посреди этого ландшафта фигуры, похожие на людей. В то время как я остановился в немом созерцании этой картины, я увидел с правой стороны нечто быстро пронесившееся в воздухе – точно маленькая лодка с парусами, похожими на крылья. Она скоро скрылась из вида и опустилась в чащу леса. Надо мною не было неба, но высился свод необъятной пещеры. Свод этот, казалось, подымался все выше и выше, и, с увеличением расстояния, наконец совершенно исчезал в туманах верхних слоев атмосферы.

Продолжая мою прогулку, я спугнул из куста, похожего на запутанную массу морских водорослей, перемешанных с листьями растения вроде папоротника, и другого, похожего на алоэ, какое-то животное, напоминавшее по размеру и виду оленя. Отпрыгнув на несколько шагов, существо это с видимым любопытством уставилось на меня, и тут я заметил, что оно нисколько не походило на существующие теперь на земле виды этого животного, но живо напомнило мне гипсовый слепок одной исчезнувшей разновидности оленя, который я видел где-то в музее и который жил в прежние геологические периоды. Существо это казалось совершенно ручным и, посмотрев на меня, спокойно продолжало щипать траву с этого удивительного пастбища.

IV

Я теперь приблизился к самому строению. Да, это действительно была работа рук человеческих, хотя часть его была выдолблена в громадной скале. С первого взгляда оно напоминало ранние образцы египетской архитектуры. По фасаду его возвышался ряд громадных колонн, постепенно сужающихся от основания кверху, причем я заметил, приблизившись к постройке, что капители их были украшены более изящными орнаментами, чем в египетских постройках. Подобно тому, как капитель коринфского ордена является подражанием листьям *Acanthus*'а, так орнаменты на капителях этих колонн подражали листьям окружающей растительности: некоторые из них походили на алоэ, другие – на папоротник. Наконец в дверях здания показалась фигура... человека? Она остановилась на дороге и, окинув взглядом окрестность, увидела меня и стала приближаться. Она подошла ко мне на расстояние нескольких шагов; при виде ее какой-то неведомый ужас и трепет охватили все мое существо, и я почувствовал себя прикованным к месту. Она напоминала мне те символические изображения гениев или демонов, которые мы видим на этрусских вазах или в виде барельефов на древних памятниках Востока: по очертаниям они походят на человека, но в то же время принадлежат к другой расе. Фигура была самого высокого роста, достигаемого человеком; но ее нельзя было назвать гигантом.

Ее главное одеяние состояло, по-видимому, из двух больших крыльев, сложенных на груди и спускающихся до колен; остальную часть ее одежды составляла туника и покровы для ног, сделанные из какой-то тончайшей ткани. На голове ее был надет род тиары, сверкавшей драгоценными камнями; в правой руке она держала тонкий металлический посох, блестящий как полированная сталь. Но лицо!.. Оно-то и приводило меня в трепет. Это было лицо человека, но по типу не похожее ни на одно из существующих племен. По очертаниям и выражению оно ближе подходило к изваянному лицу сфинкса: та же строгая правильность и покой, та же таинственная красота. Цвет кожи более всего напоминал краснокожее племя, хотя колер был гораздо нежнее и красивее; под изогнутыми дугою бровями светились полные мысли большие черные глаза. Лицо было без бороды; но что-то необъяснимое в его исполненном покое выражении, в этих чудных по красоте очертаниях пробуждало такой же инстинкт близкой опасности, как появление тигра или змеи. Я чувствовал, что этот человекоподобный образ обладал силами, враждебными человеку.

Когда он приблизился ко мне, холодная дрожь пробежала по всему моему телу. Я упал на колени и закрыл лицо руками.

V

Я услышал звуки голоса, весьма мягкого и музыкального; и хотя слова были для меня совершенно непонятны, но страх мой прошел. Я открыл лицо и поднял глаза. Незнакомец (мне еще трудно было признать в нем человека) окинул меня взглядом, читавшим, казалось, в самом моем сердце. Потом он положил мне на голову свою левую руку и слегка прикоснулся своим посохом к моему плечу. Действие этого прикосновения было магическое. Чувства покоя, радости и доверия к стоявшему предо мною существу сменили мой первый ужас. Я поднялся и заговорил на моем языке. Он, видимо, слушал меня со вниманием, хотя с некоторым удивлением на лице; потом он покачал головою, как бы давая знать, что не понимает меня. Затем он взял меня за руку и, не говоря ни слова, повел к строению. Вход в него был открыт: дверей не существовало. Мы вошли в громадный зал, освещенный тем таинственным светом, как и вся окружающая местность, но разливавшим при этом самый тонкий аромат. Пол состоял из больших мозаичных плит, сделанных из драгоценных металлов, и был местами покрыт особыми плетеными коврами. Повсюду разносились тихие звуки музыки какого-то невидимого инструмента, составлявшей как бы одно целое с этим местом, подобно тому, как журчание ручья неразрывно связано с гористым пейзажем или пение птиц – с тенистою рощею.

Фигура, в такой же одежде как мой путеводитель, но из более простого материала, стояла неподвижно у порога. Мой спутник дважды прикоснулся к ней своим посохом, и она стала быстро и неслышно двигаться, точно скользя по полу. Разглядев ее внимательнее, я убедился, что это не живое существо, а механический автомат. Через две минуты после того как последний исчез в полузавешенной занавесью двери на другом конце зала, в ней показалась фигура мальчика лет двенадцати, очень похожего на моего спутника: очевидно, это были отец и сын. Увидев меня, ребенок испустил крик и поднял с угрожающим жестом бывший у него в руках посох, как и у его отца; но тотчас же опустил его по знаку последнего. Они обменялись несколькими словами, все время не спуская с меня глаз. Ребенок прикасался к моему платью и с видимым любопытством гладил меня по лицу, издавая при этом звук, похожий на наш смех, но гораздо мягче. В это время потолок залы в одном месте открылся, и через отверстие опустилась платформа, построенная по тому же принципу, как и наши элеваторы в гостиницах и складах, для подъема в разные этажи.

Незнакомец вместе с ребенком встал на платформу и знаком пригласил меня следовать за ним; мы быстро поднялись и остановились в середине коридора с дверями по обеим его сторонам.

Через одну из таких дверей меня ввели в комнату, убранную с восточною роскошью; стены ее были отделаны мозаикой из драгоценных металлов и камней; по стенам были расставлены мягкие диваны; отверстия в наружной стене, доходившие до полу, но без стекол, выходили на просторные балконы, откуда открывался вид на освещенный окрестный ландшафт. В клетках, привешенных к потолку, сидели птицы неизвестного мне вида, с ярко окрашенными перьями; при нашем входе послышался целый хор их песен, причем они пели в тон и с соблюдением известного ритма. Самый тонкий аромат распространялся в воздухе из золотых изящного рисунка курильниц. Несколько автоматов, подобных уже виденному мною, стояли неподвижно вдоль стен. Незнакомец посадил меня около себя на диване и опять заговорил со мной; я отвечал ему, но безуспешно: мы не понимали друг друга.

Только теперь я сильно почувствовал последствие удара, полученного при падении осколка камня. Меня охватила страшная слабость вместе с мучительною болью в голове и шее. Откинувшись на диван, я всеми силами старался подавить стон; при этом ребенок, до тех пор смотревший на меня с каким-то подозрением, опустил около меня на колени, чтобы поддержать; взяв мою руку между своими, он приблизился губами к моему лбу и слегка подул на него.

Страдания мои почти моментально прекратились; на меня стала находить какая-то сладкая успокаивающая дремота, и я крепко заснул.

Не знаю, сколько времени я находился в этом состоянии, но когда я проснулся, я чувствовал себя совершенно бодрым. Открыв глаза, я увидел целую группу молчаливых фигур, сидевших вокруг меня со спокойною и серьезною важностью жителей востока и походивших на моего первого незнакомца: те же сложенные на груди крылья, тот же покрой одежды и те же похожие на сфинкса лица, с черными глубокомысленными глазами и медно-красною кожею. Но все они, хотя того же близкого человеку типа, однако неизмеримо выше его по сложению и величию осанки, – возбуждали во мне такое же необъяснимое чувство ужаса, как и мой первый спутник. В лицах их было кроткое и спокойное выражение и даже доброта. Отчего же мне казалось, что именно в этом выражении непоколебимого спокойствия и благосклонной доброты скрывалась тайна того ужаса, который внушали мне эти лица. В них отсутствовали те линии и тени, которые горе, страсти и печали кладут на лицах людей, и они скорее походили на изваяния богов и напоминали то выражение мира и покоя, которое христиане видят на челе своих умерших.

Кто-то положил мне руку на плечо; это был ребенок. В глазах его было выражение жалости и сострадания, напоминавшее то, с которым смотрят на раненую птичку или помятую бабочку. Я отпрянул от этого прикосновения и отвернулся от этого взгляда. У меня было неясное представление, что этот ребенок нисколько не задумался бы убить меня, подобно тому как человек убивает птицу или бабочку. Ребенок, видимо огорченный моим отвращением, оставил меня и отошел к одному из окон. Другие вполголоса продолжали свой разговор, и, судя по их взглядам, я догадывался, что разговор шел обо мне. Один из них с особенною настойчивостью что-то предлагал относительно меня моему первому путеводителю, и последний, судя по его жестам, уже готов был согласиться с ним, когда ребенок быстро отошел от окна и, став между мною и другими фигурами, как бы защищая меня, заговорил с особым жаром и возбуждением. Я инстинктивно догадался, что этот ребенок, возбуждавший ранее во мне такой ужас, явился теперь моим защитником. Он еще не кончил, когда в комнату вошел другой незнакомец. Он казался старше прочих, хотя еще не был преклонных лет; в лице его, более оживленном, чем у других, хотя отличавшемся такими же правильными чертами, мне казалось, я мог уловить нечто более близкое к человеку. Он спокойно выслушал сперва моего первого спутника, потом двух других и, наконец, ребенка; потом он обратился ко мне и старался передать мне свой вопрос знаками. Мне показалось, что я его понял, и я не ошибся в этом предположении. Он, как мне казалось, спрашивал, каким образом я попал сюда.

Я протянул руку и указал по направлению дороги, которая вела от расщелины в скале; тут меня осенила, новая мысль. Я вынул из кармана свою записную книжку и набросал на одном из ее листков грубый рисунок уступа в скале, веревки и висящего на ней человека; потом скалистую пещеру с расщелиной, из которой высовывалась голова чудовища, и, наконец, безжизненное тело моего друга. Я подал этот иероглифический ответ моему судье; он внимательно посмотрел на рисунок, потом передал его своему соседу, и так он обошел всю группу. После того мой первый спутник произнес несколько слов, и ребенок, который также приблизился и посмотрел на рисунок, кивнул головой, выражая тем, что понял его значение; затем он вернулся опять к окну, расправил привязанные крылья, взмахнул ими несколько раз и понесся в пространство. Я вскочил в изумлении и бросился к окну. Ребенок уже парил в воздухе, поддерживаемый своими крыльями; он не махал ими как птица, но они были распростерты над его головой и, по-видимому, несли его к цели без всяких усилий с его стороны. Полет его по быстроте равнялся орлиному, и я заметил, что он направился к той самой скале, где я спустился и которая чернела своею массою в этой светящейся атмосфере.

Через несколько минут он вернулся, влетев через то же отверстие окна в комнату, и бросил на пол веревку с крюком, которую я оставил при спуске из расщелины. Присутствующие

обменялись несколькими словами; один из группы прикоснулся к автомату, который двинулся с места и исчез из комнаты; после того незнакомец, обращавшийся ко мне с вопросом, взял меня за руку и повел в коридор. Там уже ожидала нас платформа элеватора, и мы спустились на ней в прежний зал. Мой новый спутник, все еще не оставляя моей руки, вывел меня на улицу (если ее можно так назвать), которая тянулась на большое расстояние, с постройками по обеим сторонам, разделенными садами с ярко окрашенными деревьями и чудными цветами. Среди этих садов, отделенных друг от друга низкими стенами, а также по дороге, я видел множестводвигающихся живых существ; подобных тем, с которыми я только что встретился. Некоторые из прохожих, заметив меня, подходили к моему спутнику и, видимо, обращались к нему с вопросами обо мне.

Вскоре около нас собралась целая толпа, рассматривавшая меня с таким же интересом, как редкое, невиданное до того животное. Но даже при всем своем любопытстве они сохраняли свою сдержанную, серьезную манеру, и после нескольких слов, сказанных моим спутником, которому, видимо, не нравились такие остановки, они оставили нас с легким наклоном головы, и с невозмутимым спокойствием продолжали свой путь. Пройдя некоторое расстояние по улице, мы остановились у одного здания, отличавшегося от других, виденных на пути. Оно охватывало с трех сторон громадный двор, по углам которого стояли высокие пирамидальные башни; посреди двора был колоссальный круглый фонтан, выбрасывающий сверкающую искрами струю какой-то жидкости, которая показалась мне огнем. Мы вошли в здание через открытую дверь; она вела в громадную залу, где мы увидели группы детей, занятых работою, как на большом заводе. В углублении стены помещалась огромная машина в полном действии, с разными колесами и цилиндрами, и вообще напоминающая наши паровые двигатели, с тою разницею, что вся она была украшена драгоценными камнями и металлами, и от нее распространялся какой-то бледный, синеватый и колеблющийся свет. Многие из детей были заняты какою-то непонятною мне работою у разных машин, другие что-то делали за столами. Но спутник мой не дал мне времени ознакомиться с их занятиями. Не слышно было ни одного детского голоса, ни одно юное лицо не повернулось к нам. Все они работали в молчании и не обращали на нас никакого внимания.

По выходе из зала мой путеводитель провел меня через галерею, стены которой были расписаны картинами с примесью золота к краскам, что производило не особенно изящное впечатление и напоминало картины Луи Кранаха. Сюжеты картин, покрывавших стены галереи, должны были, как мне казалось, иллюстрировать историю того народа, среди которого я находился. Изображенные на них фигуры большею частью походили на виденные мною существа, хотя несколько отличались по одежде, и не у всех были крылья. Я видел также изображения совершенно неизвестных мне животных и птиц. Насколько позволяло судить мое ограниченное знакомство с искусством, все эти картины отличались правильностью рисунка и яркостью колорита, при хорошем понимании перспективы. Но в расположении деталей они далеко не соответствовали правилам композиции, усвоенным нашими художниками: в картинах не хватало центра, около которого группировались бы фигуры; так что получалось какое-то неясное, сбивчивое впечатление, точно отрывки из бреда художника.

Мы вошли теперь в средней величины комнату, где сидели за накрытым столом члены семейства моего путеводителя, как я узнал впоследствии. Это были его жена, дочь и два сына. Я тотчас же заметил разницу между двумя полами; хотя женщины были выше ростом и более крупного сложения, чем мужчины, и в их лицах, пожалуй, отличавшихся и более правильным очертанием, не хватало той мягкости и нежности выражения, которые составляют главную прелесть в лице нашей женщины на поверхности земли. Жена моего хозяина не носила крыльев; у дочери же они были длиннее, чем у мужчин.

Мой хозяин произнес несколько слов; после чего все поднялись со своих мест и с тою особою мягкостью в выражении и манере, которую я уже заметил ранее и которая составляет

отличительную черту этого внушительного по виду племени, по-своему приветствовали меня. Каждый из них прикоснулся правой рукой к моей голове и одновременно с этим издавал шипящий звук «С-си», что соответствовало нашему «здравствуй».

Хозяйка дома посадила меня около себя и наложила на стоявшую передо мною золотую тарелку какого-то яства с одного из блюд.

Пока я ел (и хотя кушанья эти были совершенно чужды мне, я был поражен тонкостью их вкуса), хозяева мои тихо разговаривали между собою, и сколько я мог заметить, с необыкновенною деликатностью избегали всякого движения или жеста, по которому я мог бы догадаться, что говорилось обо мне. Между тем они в первый раз видели человека моей расы, и, конечно, я представлял для них крайне любопытное и ненормальное явление. Но грубость была совершенно неизвестна этому народу, и с малых лет они уже научались презирать всякое резкое выражение своих чувств. По окончании обеда мой хозяин опять взял меня за руку и, возвратившись со мною в галереи, прикоснулся рукою к металлической доске, покрытой какими-то неизвестными знаками, и которая, я догадывался, по назначению своему соответствовала нашему телеграфу. Опять спустилась платформа элеватора; но этот раз мы поднялись на значительно большую высоту, чем в другом доме, и очутились в небольшой комнате, по обстановке своей отчасти напоминавшей то, к чему мы привыкли в надземном мире.

По стенам ее тянулись полки с книгами; но большая часть из них самого мелкого формата, как наши издания *duodecimo*. По виду они также походили на наши книги, но были переплетены в тонкие металлические дощечки. В комнате стояли также какие-то непонятные мне механизмы, по-видимому, модели, которые можно найти в кабинете ученого механика. Механические автоматы, которыми этот народ заменяет нашу прислугу, стояли неподвижно, как фантомы, в каждом углу. В особой нише в стене помещался низенький диван с подушками, служивший постелью. Окно с отдернутой занавесью из какой-то волокнистой ткани выходило на широкий балкон. Мой хозяин вышел туда, и я последовал за ним. Мы были в верхнем этаже одной из пирамидальных башен. Подо мною открылась картина, дикая, таинственная красота которой просто не поддается описанию: величественные массы скалистых гор, составлявшие ее фон, промежуточные долины, покрытые этою фантастическою растительностью самых разнообразных цветов, вода, сверкавшая местами как розоватое пламя, мягкий успокаивающий свет, который разливали повсюду мириады фонарей – все это вместе составляло одно целое, впечатление которого я не могу передать никакими словами. Но в этом чудном, неподражаемом ландшафте было в то же время что-то мрачное и наводившее ужас.

Но внимание мое было скоро отвлечено от этого подземного ландшафта. Снизу, вероятно с улицы, до меня донеслись звуки веселой музыки; вслед затем в пространстве поднялась крылатая фигура; как бы в погоню за ней пронеслась другая; за ними непрерывною вереницею следовало множество новых фигур; и наконец я увидел целый сонм крылатых гениев, парящих в воздухе, чудные волнообразные движения которых невозможно было описать. Они, казалось, были заняты какой-то игрой; то разделялись на отдельные группы, то рассыпались в пространстве, то группа налетала на группу, поднимаясь вместе и опускаясь, соединяясь в самых причудливых комбинациях и разлетаясь опять; все это происходило под звуки чудной музыки, доносившейся снизу, и напоминало фантастический танец сказочных пери.

Почти с ужасом я обратился к моему товарищу и невольно прикоснулся рукою к сложенным на его груди крыльям; при этом я почувствовал легкий удар, как бы от электрической машины, и в страхе отпрянул от него. Хозяин мой улыбнулся и, чтобы удовлетворить мое любопытство, медленно распустил свои крылья. Тут я заметил, что находившаяся под ними одежда надулась, как пузырь, наполненный воздухом; руки его при этом как бы проскальзывали в крылья. Через мгновение он уже поднялся в светящийся воздух и парил в вышине с распростертыми крыльями, подобно орлу, купающемуся в лучах солнца. Потом, с быстротою того же орла, он низринулся в одну из групп, пролетел через нее и опять поднялся в вышину.

После того три из крылатых фигур, в одной из которых я, казалось, узнал дочь моего хозяина, отделились от прочих и полетели за ним, подобно играющим между собою птицам. Ослепленный блеском лучезарного воздуха и ошеломленный видом летающих фигур, я уже не мог следить за их дальнейшими движениями; вскоре после того хозяин мой отделился от толпы других и приблизился ко мне.

Все виденное мною было до того невероятно, что мысли мои стали путаться. Хотя я не был склонен к суеверию и до сих пор не допускал возможности общения человека с демонами, но меня охватили тот ужас и волнение, которые, вероятно, испытывал средневековый пилигрим, уверивший себя, что он видел шабаш ведьм и злых духов. Мне смутно помнится, что с помощью бессвязных слов и жестов в форме заклинаний я пытался оттолкнуть от себя моего доброго и снисходительного хозяина; что он делал попытки успокоить меня; что, наконец догадавшись о причине моего страха, вызванного разницею в наружной форме между нами и особенно в способе движения посредством крыльев, он с кроткою улыбкою на лице старался успокоить меня и, сбросив свои крылья на пол, показывал, что это был лишь простой механизм. При этом ужас мой только увеличился: крайнее чувство страха доводит нас иногда до отчаянной храбрости, и я в полном самозабвении, как дикий зверь, бросился на него и хотел схватить его за горло. Но моментально, как бы пораженный электрическим ударом, я упал на землю, и в последней картине, которая пронеслась перед моим потухающим сознанием, я видел склонившимся около себя моего хозяина, с рукою, положенною мне на лоб, и чудное, спокойное лицо его дочери, устремившей на меня свои большие, глубокие, полные неведомой мысли глаза.

VI

В продолжение многих дней, даже недель, по нашему счету времени, как мне сообщили потом, я находился в бессознательном состоянии. Когда я пришел в себя, то увидел, что нахожусь в незнакомой мне комнате, окруженный семейством моего хозяина; но представьте мое удивление, когда его дочь обратилась ко мне со словами на моем собственном языке, в котором, впрочем, слышался слегка иностранный акцент.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила она.

Прошло несколько мгновений пока в моем крайнем изумлении, я мог выговорить несколько слов:

– Ты... знаешь мой язык? Как? Что вы такое?

Хозяин улыбнулся и подал знак одному из своих сыновей, взявшему со стола несколько металлических листков, на которых были изображены разные фигуры: домов, деревьев, зверей, человека и пр.

Я узнал свои собственные рисунки; под каждой фигурой было написано моей рукой и на моем языке ее название, а под ним другая рука написала какие-то неведомые мне слова.

– Так мы начали, – сказал хозяин, – и моя дочь Зи, которая принадлежит к коллегии ученых, была одновременно и твоею, и нашею учительницею.

Зи положила передо мной множество других металлических пластинок, на которых были написаны моей рукой, – сперва отдельные слова, а потом целые фразы. Под каждой была надпись на неизвестном мне языке. Собрав свои мысли, я понял, что таким способом был составлен грубый словарь наших языков. Неужто это было сделано, пока я находился в забытии?

– Теперь довольно, – сказала Зи повелительным тоном, – отдохни и подкрепи себя пищею.

VII

Мне отвели особую комнату в громадном здании, с очень красивой, причудливой обстановкой, но без всяких украшений из золота или драгоценных камней, которые я видел в других публичных залах. Стены ее были покрыты разноцветными матами, сплетенными из стеблей и волокон растений; на полу были настланы ковры из того же материала.

Кровать была без занавесок, и ее железные ножки опирались на хрустальные шары; одеяло было из какой-то белой, тонкой ткани, похожей на бумагу. По стенам виднелось несколько полок с книгами; закрытая занавесью дверь сообщалась с громадной нишей, наполненной певчими птицами, из которых ни одна не походила на наших, кроме прелестного вида голубя, хотя и этот отличался от надземных большим хохлом из синих перьев. Все эти птицы были выучены петь множество разных музыкальных пьес, в известных гармонических сочетаниях; так что, слушая их голоса, раздававшиеся из моего aviaria, можно было представить себя в опере: оттуда слышались дуэты, трио, квартеты и целые гармонические хоры. Если я хотел быть в тишине, мне стоило только задернуть занавес, и, очутившись в темноте, птицы прекращали свое пение. Другое отверстие в стене, впрочем без стекла, заменяло окно; но стоило только прикоснуться к пружине, как спускалась ширма из какого-то полупрозрачного вещества, через которое в смягченных тонах открывался вид окрестного пейзажа. Это окно выходило на большой балкон или, скорее, на целый висячий сад, где росло множество чудных растений с ярко окрашенными цветами. Отведенная мне комната со всею ее отчасти странною обстановкою все же несколько подходила к нашим понятиям о роскоши и привела бы в восхищение английскую герцогиню или модного французского романиста. До моего появления в ней жила Зи, и она великодушно уступила ее мне.

Через несколько часов после моего пробуждения, описанного в последней главе, я лежал на своей кровати, стараясь собраться с мыслями и уяснить себе, какой породы и какого происхождения были те странные существа, в среде которых я так неожиданно очутился, когда в комнату вошел мой хозяин вместе со своею дочерью Зи. Продолжая выражаться на моем языке, первый с большою вежливостью спросил меня, желаю ли я говорить с ним, или предпочту остаться один. Я отвечал, что почту за большое счастье поблагодарить его за тот радушный прием, который я встретил в этой незнакомой для меня стране, и что мне хотелось бы настолько познакомиться с их нравами и обычаями, чтобы не впасть через непонимание свое в ошибки, могущие оскорбить их.

Говоря это, я, разумеется, встал с кровати; но Зи, к моему большому смущению, потребовала, чтобы я лег опять; в кротком выражении ее глаз и мягком голосе было нечто, требовавшее беспрекословного повиновения. После этого она спокойно села у меня в ногах, а отец ее опустился на ближайший диван.

– Но из какой же части света ты явился, – спросил мой хозяин, – если мы можем казаться такими странными существами друг другу? Я видел представителей почти всех племен, отличающихся от нас, за исключением первобытных дикарей, которые живут в самых отдаленных и диких местах невоздланной природы, не знают другого света, кроме огня вулканов и довольствуются жалкой жизнью во мраке, подобно многим из пресмыкающихся и летающих животных. Конечно, ты не можешь быть членом этих варварских племен; но в то же время ты, по видимому, не принадлежишь к цивилизованным народам.

Последнее замечание затронуло мое самолюбие, и я отвечал, что принадлежу к одной из самых цивилизованных наций на земле и что, хотя я плачу дань удивления тому искусству, с которым, не взирая на расходы, мой хозяин и его соотечественники умудрились осветить эти места, куда никогда не проникает луч солнца, но что в глазах человека, видевшего светила небесные, искусственный свет их никогда не выдержит сравнения с первыми.

Но ведь мой хозяин упомянул, что он видел представителей всех других рас, за исключением первобытных дикарей. Неужели же он никогда не был на поверхности земли или слова его относились только к подземным жителям?

Он оставался некоторое время в молчании; на лице его выражалось сильное удивление, столь редкое между членами этой расы, даже при самых исключительных обстоятельствах. Но Зи была сообразительнее и воскликнула:

– Вот видишь, отец – есть доля правды в старом предании: во всяком предании, вера в которое распространена между разными племенами, – всегда скрывается такая доля правды.

– Зи, – возразил с кротостью ее отец, – ты член коллегии ученых и должна быть умнее меня; но, как глава Свето-Хранительного Совета, я обязан не принимать ничего на веру, пока в этом не убеждены мои собственные чувства.

Потом, обратившись ко мне, он задал мне несколько вопросов о поверхности земли и светилах небесных, на которые я отвечал ему, как мне казалось, самым обстоятельным образом; но ответы мои, по-видимому, его не удовлетворили и не убедили. Он тихо покачал головой и, сразу переменяя разговор, стал меня расспрашивать, каким образом я попал к ним из другого света, как он называл нашу землю. Я стал рассказывать ему о рудниках, находящихся под поверхностью земли, откуда мы добываем разные минералы и металлы, необходимые для наших потребностей и промышленности. Потом я вкратце объяснил ему, каким образом, исследуя один из таких рудников, мы с моим злосчастным приятелем случайно открыли существование этого нового мира, куда спустились вдвоем, и как этот спуск стоил ему жизни. В подтверждение правдивости моего рассказа я указывал на веревку с крюком, доставленные ребенком в тот дом, где меня в первый раз приняли.

После того мой хозяин спросил меня о нравах и обычаях племен, населяющих верхний слой земли; особенно же тех, которые считались между ними самыми цивилизованными. При этом он определил цивилизацию, как «искусство сделать доступным всему обществу то довольство и покой, которым пользуется добродетельный и благоустроенный семейный дом». Естественно, мне хотелось представить в самом розовом свете тот мир, в котором я родился, и потому я коснулся только слегка и в смягченном виде некоторых из отживающих учреждений Европы и распространился о настоящем величии и предстоящем первенстве Американской республики, которая должна покорить весь старый мир¹. Чтобы дать представление об общественной жизни Америки, я остановился на самом передовом нашем городе и подробно описал нравы и обычаи Нью-Йорка. Заметив по выражению лиц моих слушателей, что мой рассказ не произвел ожидаемого впечатления, я стал распространяться о благах демократических учреждений Америки...

Выслушав мой рассказ, старик слегка покачал головой и сильно задумался, сделав перед этим знак рукой, чтобы мы с его дочерью не прерывали его размышлений. Через несколько времени он сказал искренним и торжественным тоном:

– Если ты действительно считаешь себя нам обязанным, как говоришь, за наш радушный прием, я заклинаю тебя ни говорить ни одного слова кому-либо из нашего народа без моего согласия о том мире, из которого ты пришел. Исполнишь ли ты мою просьбу?

– Конечно, я даю в том мое слово, – воскликнул я, несколько удивленный, и протянул мою руку.

Но, вместо того, чтобы пожать ее, он положил ее себе на голову, а свою правую руку приложил к моей груди.

Такова у этого народа обычная форма клятвы. Затем, обращаясь к своей дочери, он сказал:

---

¹ Следует помнить, что автор, иронизируя, говорит здесь от лица американца, не чуждого шовинизма, как многие из его соотечественников; хотя теперь подобное самовосхваление встречается значительно реже. (Прим. пер.).

– А ты, Зи, не должна повторять никому того, что слышала или услышишь от этого чужестранца о другом мире.

Зи приблизилась к отцу и, поцеловав его в виски, сказала:

– Хотя бы Гай² и были слабы на язык, но любовь может сковать его. Если тебя беспокоит, отец, что случайно произнесенное слово может грозить опасностью нашему народу, возбудив в нем желание познакомиться с неведомым для него миром, то разве хорошо направленная волна вриля не может бесследно смыть даже самых воспоминаний о том, что мы слышали от чужеземца?

– Что такое вриль? – спросил я.

Зи пустилась в объяснения, из которых я, однако, понял очень мало, потому что, сколько я знаю, ни в одном из известных языков не существует слова, равнозначного слову «вриль». Я назвал бы его электричеством, если бы выражение «вриль» не соединяло в себе понятия о разных других формах энергии, известных в науке под именами магнетизма, гальванизма и пр. Этот народ считает, что с открытием вриля он нашел тот общий источник энергии, соединяющий в себе все разнообразные проявления сил природы, которого, как известно, уже давно доискиваются наши ученые и которого, со свойственной ему осторожностью, касается и Фарадей, употребляя при этом термин «соотношение»³⁴.

«Вместе со многими друзьями естествознания я долго держался мнения, – говорит этот знаменитый исследователь, – почти переходящего в убеждение, что все различные формы, в которых проявляются силы природы, имеют один общий источник; или, другими словами, имеют такое прямое соотношение между собою и находятся в такой взаимной зависимости, что могут превращаться одна в другую и сила их действия может быть выражена одним общим эквивалентом».

Эти подземные ученые утверждают, что действием вриля, в одном случае (и Фарадей назвал бы это атмосферным магнетизмом), они могут влиять на изменения температуры, или, просто говоря, на перемену погоды; что в других его применениях, посредством научно построенных проводников, они могут оказывать такие влияния на ум человека, на всякое проявление животной и растительной жизни, которые по результатам не уступят самым причудливым фантазиям вымысла. Все эти разнообразные проявления физической энергии известны у них под именем вриля. Зи спросила меня, известно ли в нашем мире, что все способности ума могут быть возбуждены до высшей степени посредством транса или магнетического сна, во время которого идеи одного мозга могут сделаться достоянием другого, причем происходит быстрый обмен знаний. Я отвечал, что у нас ходит много рассказов о таких видениях и что я сам не один раз был свидетелем разных опытов магнетизма, ясновидения и проч.; но что за последнее время все подобные упражнения стали выходить из употребления и были в пренебрежении; частью потому, что они сделались предметом самого грубого обмана, а также и по той причине, что хотя в некоторых случаях, при воздействии на известных ненормальных субъектов и получались действительные результаты, но, по ближайшем исследовании, они не могли быть приняты за основания для каких либо систематических выводов; не говоря уже о том вреде, который они приносили, распространяя разные суеверия между доверчивыми людьми.

Зи слушала меня с самым благосклонным вниманием, и заметила, что подобные же примеры обмана и злоупотреблений легковерием знакомы и им, когда наука находилась у них еще в периоде детства, и не были точно исследованы все разнообразные свойства вриля; но что, по ее мнению, лучше оставить дальнейшие рассуждения по этому предмету, пока я не

---

² На языке подземных жителей слово Гай обозначало женщину. (Прим. пер.)

³ correlation

⁴ Фарадей и его открытия. (Воспоминания Джона Тиндаля.) (Прим. пер.)

буду лучше подготовлен для них. Она добавила в заключение, что именно благодаря действию вриля во время моего продолжительного сна, я познакомился с началами их языка; но что она с отцом своим, близко следившим за этим опытом, за то же время приобрела еще большие познания в моем языке; отчасти потому, что последний был гораздо проще, не будучи приспособлен для выражения сложных идей; а также и вследствие превосходства их организации, более моей подготовленной путем наследственной культуры к усвоению знания. В глубине души я далеко не соглашался с этим последним мнением; я никак не мог допустить, чтобы организация моего мозга, всячески изошренного в практической жизни дома и во время моих путешествий, сколько-нибудь уступала мозгу этих людей, которые проводили всю свою жизнь в потемках, освещаемых фонарями. Но пока я раздумывал об этом, Зи коснулась своим указательным пальцем моего лба и опять усыпила меня.

VIII

Когда я вторично проснулся, у постели моей стоял тот самый ребенок, который принес веревку с крючком в дом, где меня приняли в первый раз и который, как я узнал впоследствии, принадлежал главе этого племени. Ребенок этот, по имени Таэ, был его старшим сыном. После пробуждения мне показалось, что мое знание их языка увеличилось настолько, что я уже мог разговаривать на нем со сравнительною легкостью.

Ребенок был замечательно красив, даже для этого отличавшегося своею красотою племени; лицо его казалось мужественным для его лет, и в его выражении было более живости и энергии, чем я мог уловить в спокойных, бесстрастных лицах мужчин этой расы. Он принес мне тот самый лист бумаги, на котором я представил способ моего спуска, а также набросал страшную голову зверя, прогнавшего меня от трупа моего приятеля. Указывая на последнюю часть рисунка, он задал мне несколько вопросов о размерах и форме чудовища и пещере, в которой оно скрывалось. Он так заинтересовался моими ответами, что они на время отвлекли его от прямых вопросов обо мне. Но, наконец, к моему большому затруднению (я помнил торжественное обещание, данное мною моему хозяину), он обратился ко мне с вопросом, откуда я, когда на мое счастье в комнату вошла Зи и, услышав его слова, сказала:

– Таэ, ты можешь отвечать на все вопросы нашего гостя; но сам никогда не должен спрашивать его. Отвечать на вопросы, откуда он родом и зачем он здесь, было бы нарушением того правила, которое мой отец положил для всего нашего дома.

– Да будет так, – сказал Таэ; и с тех пор, до последней нашей встречи, этот ребенок, которого я очень полюбил, никогда не касался запрещенного предмета.

IX

Только по прошествии некоторого времени, когда, путем периодически повторяемых трансов, если их можно так назвать, ум мой сделался наконец более способным к обмену идей с моими хозяевами и к пониманию их нравов и обычаев, я мог, наконец, собрать следующие подробности о происхождении и истории этого подземного народа, составлявшего одну из отраслей великой расы, носившей название Ана.

На основании древнейших преданий, отдаленные предки расы жили когда-то на поверхности земли. Мифические легенды этого периода еще сохранялись в их архивах, и в этих легендах говорилось о верхнем своде над землею, в котором сияли светила, зажженные нечеловеческою рукою. Но такие легенды признавались большей частью ученых комментаторов за аллегорические басни. По этим преданиям, сама земля в те отдаленные времена, хотя и не была в периоде своего первого образования, но находилась в переходной стадии прогресса от одной формы развития к другой и подвергалась многим сильным переворотам. В один из таких переворотов часть поверхности земной, населенной предками этой расы, была постепенно затоплена водой, и все они погибли, за исключением небольшой кучки. Данные, приводимые их писателями, расходятся с общепринятыми мнениями наших геологов; так как они устанавливают время появления человека на земле задолго до образования новейших формаций, приспособленных к существованию млекопитающих. Небольшая уцелевшая кучка людей, спасаясь от вторжения воды, нашла себе убежище в пещерах высоких гор, и, блуждая по разным расщелинам и горным выемкам, постепенно углубилась в недра земли и навеки потеряла из виду мир, освещенный солнцем. Великий переворот совершенно изменил прежний характер земной поверхности: где была вода – сделалась суша и обратно. Во внутренности земли, как меня уверяли, можно было находить остатки человеческих жилищ – не хижины и пещеры, а громадные города, развалины которых свидетельствуют о цивилизации народов, живших задолго до того и которых не следует смешивать с дикими племенами, знакомыми только с употреблением кремня.

Беглецы унесли с собою в недра земли и всю существовавшую тогда между людьми культуру и цивилизацию. Их первою потребностью под землею, конечно, был утраченный ими свет; и не было такого периода (даже легендарного) в истории этого подземного народа, когда бы они ни были знакомы с искусством добывания света из разных газов, соединений марганца или из петролее. Уже в своей прежней жизни на поверхности земли они привыкли к борьбе с природою; во время их последней долгой борьбы с победоносным океаном, продолжавшейся целые столетия, они изошрились в искусстве сдерживать воду посредством плотин и каналов. Этому искусству они были обязаны и своим спасением в их новой жизненной среде.

– В продолжение многих поколений, – сказал мой хозяин тоном некоторого отвращения и даже ужаса, – эти первобытные прародители, как говорит предание, унижали свое человеческое достоинство и сокращали свою жизнь употреблением в пищу мяса животных, многие из видов которых, подобно им самим, нашли себе спасение от потопа в недрах земли; другие виды животных, неизвестные на поверхности, как полагают, уже ранее существовали под землею.

Когда в жизни этого народа наступил так называемый исторический период, племена Ана уже жили в правильно сложившихся гражданских обществах и достигли той степени цивилизации, какой обладают самые передовые нации из живущих теперь на поверхности земли. Им была известна большая часть наших механических изобретений, включая применение пара и газа. Все эти общества были в страшной вражде между собою. Народ Ана (к одному из племен которого принадлежали мои друзья) теперь смотрел на это как на одно из грубых, темных явлений того времени, когда политическая наука была еще в своем детстве. Это был век

зависти и вражды, жестоких страстей, постоянных общественных переворотов, борьбы между разными сословиями, кровавых войн между государствами.

Этот период общественного развития, продолжавшийся, однако, в течение многих веков, постепенно пришел к концу, по крайней мере, в среде более одаренных и развитых наций, благодаря постепенному открытию чудодейственных свойств, скрытых в этой все проникающей жидкости, которую они называли врилем.

По объяснениям Зи, которая в качестве одного из светил коллегии ученых была ближе знакома с предметом, чем другие члены ее семейства, урегулированное действие этой жидкости является одним из самых могучих агентов, подчиняющих своему влиянию все виды материи, как одушевленной, так и неодушевленной. Она убивает подобно удару молнии и в то же время, примененная иным способом, возбуждает жизнь, исцеляет и сохраняет, и на ее чудотворном действии основаны все их методы лечения, сводящиеся к простому восстановлению равновесия в силах больного, причем исцеление уже достигается самою природою. С помощью этого могучего агента они пробивают самые твердые горные породы, открывая новые культурные долины в этой подземной пустыне. Она же является для них источником света, более постоянного, приятного для глаза и здорового, чем добывавшийся ранее из разных воспламеняющихся материалов.

Но наиболее замечательные результаты, оказавшие влияние на самое социальное устройство, получились при открытии той истребляющей силы, которая скрывалась во вриле. По мере того как становилась известной эта истребляющая сила и они научились ею пользоваться, война между племенами, открывшими свойства вриля, стала невозможной и прекратилась сама собою; потому что при этом искусство истребления было доведено до такого совершенства, что численность, дисциплина и военные знания враждующих армий уже не имели никакого значения. Все разрушающий огонь, скрытый в пустоте палочки, направляемой рукою ребенка, мог уничтожить сильнейшую крепость или уложить целую армию. Два враждебных войска, одинаково знакомых с употреблением этой страшной силы, могли только взаимно истребить друг друга. Таким образом, прошел век войны, а вместе с этим произошли громадные перемены и в общественном строе страны...

Таким образом, раса людей, открывшая употребление вриля, с течением времени мирно распалась на множество небольших отдельных обществ. Численность того племени, среди которого я находился, ограничивалась 12 000 семейств. Каждое племя занимало определенного размера территорию, достаточную для его потребностей, и через известные промежутки избыток населения отправлялся в поиски новых земель и, поселившись там, основывал новые общественные группы. Таких добровольных переселенцев, преимущественно из молодежи, всегда было достаточно, и никакого принудительного выбора эмигрантов при этом не требовалось.

Эти отдельные, маленькие по размеру, территории, населения и государства все были членами одной громадной семьи. Население их говорило одним языком, хотя слегка отличавшимся в диалекте; они постоянно вступали в браки между собою; держались тех же законов и обычаев, и общее им всем знакомство с употреблением вриля составляло такую неразрывную связь между ними, что слово А-вриль было синонимом цивилизации, а Вриль-я, обозначавшее «цивилизованные нации», было общим названием всех отдельных племен, знакомых с употреблением этой удивительной жидкости; в чем и состояло их главное различие от других отраслей народа Ана, пребывавших еще в состоянии сравнительного варварства.

Система правления племени Вриль-я, среди которого я находился, хотя, по-видимому, и сложная, в сущности, была очень проста. Она была основана на принципе, давно уже признанном теориею, хотя пока остающемся почти без применения в практике у нас на поверхности земли. А именно: что общая задача почти всех систем философской мысли состоит в достижении единства или в постепенном переходе через все многосложные, промежуточные

лабиринты к простоте одной первой причины или начала. Это оригинальное общество выбирало из своей среды одного верховного правителя, носившего название Тур. За отсутствием войны не существовало армий. То, что мы называем преступлением, было совершенно неизвестно во Врилье; не существовало также и судов. Если в редких случаях возбуждались какие-нибудь споры, то их разрешали третейские судьи, выбранные каждою из споривших сторон, или последние в таком случае обращались в коллегия ученых, которую мы опишем далее. Адвокатов по профессии также не было; да и самые законы представляли как бы дружеские соглашения, потому что как же можно было привести в исполнение постановление суда против какого-нибудь нарушителя закона, когда одним мановением своего жезла, заряженного врилем, он мог уничтожить всех своих судей.

Существовали обычаи и правила, с которыми сроднилось и к которым привыкло население в течение многих веков. В том случае, если какой-нибудь отдельный член общества находил их стеснительными для себя, он выходил из общества и селился в другом месте. В сущности, между этим народом существовал такой же негласный договор, какой мы видим в отдельных семьях и который мог бы выразиться такими словами, обращенными к одному из ее взрослых членов: «Оставайся с нами или уходи, если тебе не подходят наши обычаи и порядки». Но хотя у них и не существовало писаных законов, в том смысле как мы понимаем это слово, не было народа, который бы исполнял их с такою строгостью. Подчинение правилам, усвоенным всем обществом, сделалось между ними как бы инстинктом, вкорененным самою природою.

Мягкость, которую отличалось у них всякое проявление власти, как в общественном, так и в домашнем быту, лучше всего характеризуется тем общепринятым между ними выражением, однозначным с нашими словами «не законно» или «воспрепятствуется»; в таких случаях они говорили или писали: «просят» и т. д. Бедность была настолько же неизвестна между народом Ана, как и преступление, хотя земля и не составляла общей собственности, и между ними не было абсолютного равенства во владении или в домашней обстановке жизни; но так как разница в имущественном отношении и в роде занятий несколько не влияла на общественное положение или звание лица, – в этом у них существовало полнейшее равенство между гражданами, – то каждый занимался излюбленным им делом и жил сообразно своим склонностям, не возбуждая ничьей зависти или стремления превзойти его. Благодаря такому отсутствию соревнования и пределам, положенным чрезмерному увеличению населения добровольною эмиграцией, представлялось невозможным, чтобы какая-нибудь семья впала в бедность, тем более что спекуляция или погоня за богатством ради достижения высокого общественного положения или привилегированного звания здесь совершенно отсутствовали.

Без сомнения, в каждом из первоначальных поселений земля была поделена равными участками; причем некоторые из более предприимчивых и энергичных поселенцев расширили свои владения в пределы окружающей их пустыни или путем разных усовершенствований увеличили производительность своих полей и таким образом сделали богаче своих сограждан. Но при этом ни абсолютно бедных, ни чувствовавших недостаток в чем-либо необходимом между ними не могло появиться; от этого их всегда спасала эмиграция; и в крайнем случае, без всякого стыда и с полной уверенностью в успехе, они могли обратиться за помощью к своим более состоятельным согражданам, потому что все члены этого общества считали себя как бы детьми одной большой дружной семьи. Я еще не раз коснусь этого обстоятельства при дальнейшем развитии моего рассказа.

Главною заботою правителя страны был надзор за несколькими отделами администрации, которым были поручены разные отрасли общественной службы. Самою важною из них было сохранение света, и во главе его стоял мой хозяин, Аф-Лин. Другой отдел, который можно было назвать иностранным, входил в постоянные сношения с соседними родственными государствами, главным образом, для получения сведений о всех новейших изобретениях, которые

передавались для испытания и исследования в третий отдел и после того уже делались достоянием всего общества. В связи с этим третьим отделом находилась уже упомянутая коллегия ученых, членами которой состояли большею частью бездетные вдовцы и вдовы, а также молодые девушки. Из числа их выдавалось своею деятельностью Зи, и если бы слава или знаменитость признавались этим народом, то, конечно, она считалась бы в числе самых знаменитых из членов коллегии. Здесь, в области чистых наук, особенно отличались женщины, хотя им не были чужды и другие отрасли знания, имеющие практическое значение. Самою важною из них было дальнейшее исследование свойств вриля, для чего по их более тонкой нервной организации особенно подходили женщины. Из числа членов этой коллегии, правитель страны, Тур, избирал своих советников (числом не более трех) в тех редких случаях, когда он затруднялся решением какого-нибудь нового вопроса или на решение его представлялось какое-нибудь новое, непредвиденное обстоятельство.

Было еще несколько других отделов меньшей важности; но вообще все дела по управлению велись так спокойно и тихо, что с первого взгляда трудно было подозревать о существовании какого-нибудь правительства в стране, и общественный порядок являлся здесь как бы результатом непрерывно действующего закона природы. Машины имели здесь громадное применение, как в земледелии и промышленности, так и в домашнем быту, и один из главных отделов управления только и заботился об том, как бы расширить их применение и внести в них всякие усовершенствования. В этой стране почти все делается машинами, уход и наблюдение за которыми поручается детям, с той поры, как они выходят из-под надзора матерей, до самого брачного возраста, – шестнадцать лет для женщин (Джай-и) и двадцать – для мужчин (Ана). Эти дети разделяются на группы, с выборными предводителями из числа их же, и каждый ребенок занимается тем делом, которое ему больше нравится или к которому он чувствует себя более пригодным. Некоторые избирают ремесло или земледелие, другие – домашнюю работу и, наконец, есть такие, которые предпочитают единственную здесь деятельность, сопряженную с некоторыми опасностями.

Во главе последних следует поставить те внезапные подземные перевороты – обвалы, вторжение воды, подземные бури и выходы газов, – которые иногда угрожают этому народу. На границах их территории и во всех местах, где могут грозить такие явления, расположены сторожевые станции, сообщенные телеграфом с одной из зал коллегии, где заседают по очереди избранные из среды ее ученые. Наблюдение в таких сторожевых станциях поручается мальчикам старшего возраста, в том предположении, что в этот период у человека наиболее развита наблюдательность и подвижность. Вторая, хотя менее опасная, общественная служба – истребление всех животных, угрожающих не только жизни обитателей страны Ана, но и продуктам их земледельческого труда. Самыми опасными из них являются гигантские пресмыкающиеся, окаменелые останки которых мы видим в наших музеях, и громадные летучие ящерицы. В обязанности детей входит истребление таких животных, а также ядовитых змей. В этом случае Ана пользуются тем инстинктом бессознательного истребления, который проявляется у маленьких детей. Существует еще другой класс животных, не подлежащих поголовному истреблению, и на эту службу назначаются дети уже промежуточного возраста; животные эти не грозят жизни человека, но уничтожают продукты его труда; к числу их принадлежит разновидность оленя или лося и маленький зверек, похожий на нашего кролика, но более его вредящий посевам. Назначенные для этого дети сперва стараются приручить более понятливых из этих животных и заставить их уважать ограждающие поля изгороди, валы и другие преграды; и истребляют их только в том случае, когда все эти попытки оказываются неудачными. Ничто живое не убивается людьми Ана для употребления в пищу или ради охоты; но они не щадят ни одно животное, сколько-нибудь вредное им.

Одновременно с этими физическими и другими порученными им работами идет умственное образование детей до начала юношеского возраста. По общепринятому обычаю,

они прослушивают потом определенный курс в коллегии ученых; причем кроме общеобразовательных предметов, изучают какую-нибудь специальность или известную отрасль науки, к которой обнаруживают склонность. Некоторые из них, однако, предпочитают посвятить этот подготовительный период путешествиям или прямо берутся за сельское хозяйство или ремесло; другие – эмигрируют. Каждый здесь действует по своей склонности.

Х

Слово Ана (несколько растягиваемое при произношении) соответствует нашему множественному «люди»; Ан (произносимое кратко) значит «человек». Гай – обозначает женщину; но во множественном числе Г смягчается и слово женщины произносится – Джай-и. Между ними существует поговорка, показывающая, что эта разница в произношении имеет символическое значение: женщины, взятые вместе, отличаются мягкостью, но порознь – с ними бывает трудно справиться. Джай-и пользуются полной равноправностью с мужчинами.

В детстве они заняты теми же работами, что и мальчики; и в раннем возрасте, когда детям поручается истребление враждебных человеку животных, девочкам даже отдают предпочтение перед мальчиками, потому что в них под влиянием страха или негодования инстинкт бессознательного истребления проявляется еще сильнее.

В промежутке между детством и брачным возрастом не допускаются близкие отношения между двумя полами; но после того молодежи предоставляется полная свобода, в результате которой обыкновенно устраиваются браки. Все роды деятельности открыты одинаково для обоих полов; но Джай-и отвоевали себе почти исключительное право на те области отвлеченного мышления, для которых, по их мнению, менее приспособлен практический, несколько притупленный в делах обыденной жизни ум Ана; подобно тому, как наши молодые барышни считают себя более компетентными, чем поглощенные житейскими делами мужчины, во всех тонкостях современной теологической полемики. Уж не знаю, вследствие ли ранних занятий гимнастикой или по врожденной организации, но Джай-и обыкновенно превосходят мужчин физической силой (что имеет немалое значение при отстаивании женских прав). Они выше их ростом и под их более округленными формами скрываются железные мускулы. Они даже утверждают, что, согласно первоначальному плану творения, женщины должны были превосходить ростом мужчин; и в подтверждение этого учения указывают на насекомых и древнейших из позвоночных – рыб, между которыми самки настолько превосходят размерами и силой самцов, что часто поедают своих супругов. Но что важнее всего, Джай-и отличаются особым искусством в применении той таинственной, между прочим и разрушительной, силы, скрытой во вриле. Причем обнаруживается присущая женщине большая доля проницательности и хитрости. Поэтому они обладают не только могущественным средством обороны против всяких насилий мужчины, но легко могут во всякое время, когда он и не подозревает того, прекратить существование своего деспотического супруга.

В пользу Джай-и следует сказать, что в течение многих веков не было еще примера злоупотребления с их стороны таким опасным преимуществом; и последний такой случай, как гласят их летописи, произошел около двух тысяч лет тому назад. Одна из Джай-и в припадке ревности убила своего мужа; это возмутительное преступление навело такой ужас на мужчин, что все они поголовно эмигрировали и предоставили Джай-и их собственной судьбе. Летописи сообщают, что покинутые своими мужьями, доведенные до отчаяния напали на убийцу во время сна (когда она не была вооружена), убили ее и после того дали торжественную клятву – навсегда отказаться от пользования их преобладающею силою во время брачной жизни, которая бы распространялась и на их женское потомство. Отправленной после того депутации удалось убедить многих из оскорбленных мужей возвратиться к своим семьям; но большая часть из вернувшихся были уже зрелого возраста. Молодые же, может быть, потому, что не доверяли своим супругам или составили о себе очень высокое мнение, – наотрез отказались от всякого примирения и, поселившись в других общинах, поддались чарам новых подруг, с которыми, может быть, жизнь их была не слаще прежней. Такая утрата цвета мужской молодежи сильно подействовала на Джай-и и укоренила их в добром намерении строго держаться своего обета. И как всем здесь известно, у Джай-и вследствие продолжительного неупотребления теперь почти

исчезло то оборонительное и отчасти агрессивного характера физическое превосходство над мужчинами, которым они обладали прежде; подобно тому, как в разных классах животных на земле многие особенности, которыми первоначально снабдила их природа для самозащиты, постепенно исчезли или атрофировались, под влиянием изменившихся условий среды. Но все-таки я не поручусь за исход борьбы между его супругою и представителем Ана, вздумавшим испытать на деле – кто из них сильнее.

Ко времени рассказанного много исторического эпизода, Ана относят некоторые изменения в отношениях между супругами к большой выгоде мужчины... Страх перед разводом или появлением второй жены много способствовал к укрощению агрессивных поползновений Джай-и, несмотря на все их умственное и физическое превосходство; что же касается до Ана, то, будучи во многом рабом обычая, он мало обнаруживает склонности (разве уж доведенный до крайности) к рискованной замене неизвестным новым того знакомого лица и нрава, со всеми недостатками которых уже примирила его привычка. Но одну из своих привилегий Джай-и отстояли во всей ее неприкосновенности; и может быть, стремление к достижению такого преимущества составляет скрытый мотив деятельности многих и из наших защитниц женских прав. Они пользуются правом инициативы в любовных объяснениях, или, другими словами, здесь женщины ухаживают за понравившимся им мужчиной, а не наоборот. Такого феномена, как старая дева, не существует между Джай-и.

Такие случаи, чтобы женщина не соединилась с понравившимся ей мужчиной, бывают очень редко. Доводы, которые они приводят в пользу обратной постановки существующих у нас на земле отношений между полами, не лишены основательности, и они высказывают их с поразительной искренностью. Они говорят, что женщина по своей природе более проникнута чувством любви, чем мужчина, что последняя преобладает в ее сердце и составляет необходимый элемент ее счастья и что поэтому первый шаг должен принадлежать ей; тем более что мужчина в этом случае бывает нерешителен, часто колеблется, иногда даже предпочитает в своем эгоизме одиночество. Одним словом, на его долю в этом деле выпадает пассивная роль. Они прибавляют, что если только Гай не удастся соединиться с предметом ее склонности, то она уже никогда не может быть счастлива с другим, что при этом она делается хуже и прирожденные качества ее сердца не получают должного развития; тогда как Ан представляется менее постоянным в своей привязанности; что если ему не удастся соединиться с избранной им Гай, он легко утешается с другой. И если только найдет в ней любящую и заботящуюся об его покое и удобствах жизни подругу, то скоро забывает о своей первой любви.

Какие бы возражения ни вызывали такие доводы, во всяком случае мужчина при подобной системе остается в выигрыше; раз убежденный в искренности любви своей будущей подруги и что всякая напускная холодность с его стороны только усилит ее, ему почти всегда удастся обставить свой будущий союз такими условиями, при которых становится возможным мирное, если и не блаженное, совместное существование. У каждого отдельного Ана есть свои слабости, привычки и склонности, и он выговаривает при этом полное подчинение им. Увлеченная своею любовью, Гай охотно дает такое обещание, и так как уважение к правде составляет одну из характерных особенностей этого удивительного народа, то раз данное слово свято потом исполняется самою ветреною из Джай-и. Итак, несмотря на все предоставленные им в принципе права, Джай-и представляются мне самыми любящими, кроткими и покорными женами. Между ними даже существует афоризм, что «если Гай полюбила, то покорность составляет ее счастье». До сих пор я только говорил об отношениях двух полов в брачной жизни; но это общество достигло такого нравственного совершенства, что всякое незаконное сожительство представляется у них невозможным явлением.

XI

Ничто так не смущало меня в моих попытках согласить возможность существования близких к нам по своей природе живых существ в этих подземных пространствах, как явное, обнаружившееся при этом, противоречие с общепринятым учением геологов. А именно: хотя солнце и представляет наш главный источник теплоты, но чем ниже мы опускаемся под поверхность коры земной, тем выше становится температура; так что с глубины пяти-десяти футов, она возрастает в размере одного градуса на каждый пройденный фут. Хотя владения племени, о котором я говорю, были на сравнительно небольшой глубине от поверхности, так что я мог еще допустить существо температуры, пригодной для органической жизни; и таким образом объяснить умеренную температуру их долин и горных проходов, которую можно было приравнять к Южной Франции или к Италии. А по всем полученным мною сведениям, обширные территории, на громадной глубине под поверхностью земли, где, кажется, могли существовать только одни саламандры, были обитаемы бесчисленными расами живых существ, сходных с нами по организации.

Я не беру на себя объяснение этого факта, настолько противоречащего всем признанным законам науки; Зи также не могла пособить мне в разрешении этой задачи. Она высказывала только догадку, что нашими учеными недостаточно была принята во внимание чрезвычайная пористость внутренности земли и те громадные внутренние пустоты, пещеры и расщелины, способствовавшие к образованию подземных воздушных токов и ветров, по которым распространялся внутренний жар, частью обращаясь в пары и таким образом постепенно понижаясь в температуре. Она допускала, что на известной глубине существовала температура, не допускавшая органической жизни в том виде, как она была известна жителям Вриль-я. Хотя их ученые верят, что даже в таких местах, если бы только была возможность в них проникнуть, они нашли бы во множестве особые формы сознательной духовной жизни. «Где бы ни созидал Всеблагий, – сказала она, – там, наверное, существует жизнь. Он не допускает пустых жилищ». Она прибавила, однако, что благодаря применению силы вриля им удалось во многих отношениях изменить климат их страны.

Далее она сообщила мне о существовании особой животворной эфирной среды, которую она назвала Лай (подходящей к эфирному кислороду Д-ра Люинса) и в которой действуют все разнообразные проявления одной силы, известной у них под названием вриля. Она также утверждала, что везде, где только возможно было достигнуть достаточного расширения этой среды для благоприятного действия вриля во всем разнообразии его сил, там можно было установить температуру, обеспечивающую существование высших форм жизни. По ее словам, их естествоиспытатели были того мнения, что цветы и растительность (из семян, попавших сюда во время тех ранних переворотов, которым подвергалась земля; а также частью занесенных первыми переселенцами, искавшими в подземных пещерах спасения от потопа), развились здесь под влиянием постоянного света и постепенных усовершенствований в культуре; с тех пор как вриль заменил все другие светила, окраска цветов и листвы сделалась ярче и растительность стала развиваться роскошнее.

Оставляя все эти вопросы на разрешение лиц более меня компетентных в этом деле, я должен теперь посвятить несколько страниц весьма интересному языку народа Вриль-я.

XII

Язык Вриль-я⁵ особенно интересен, потому что, как мне кажется, он представляет ясные следы трех главных переходных стадий, через которые должен проходить каждый язык, пока он достигнет известного совершенства формы.

Один из знаменитейших новейших филологов, Макс Мюллер, в своих доводах о сходстве между стратификацией языка и наслоением горных пород, приводит следующий основной принцип: «Ни один язык не может сделаться инфлекционным, пока он не прошел через два промежуточных слоя – ассимилирующий, или склеивающий (agglutinative), и изолирующий (isolative). Ни один язык не может достигнуть ассимилирующего слоя без того, чтобы он не держался своими корнями за нижний, изолирующий слой» (Макс Мюллер «О стратификации языка» – «On the stratification of language» – с. 20).

По сравнению с китайским, лучшим из существующих типов языка в его периоде или слое изоляции, «этой точной фотографии человека, только что начинающего ходить, впервые пробующего мышцы своего ума, часто падающего и приходящего в такой восторг от своих первых попыток, что он беспрестанно повторяет их» (как говорит Макс Мюллер в своей книге), мы видим в языке Вриль-я, еще удерживающегося своими корнями за нижний слой, все признаки его первоначальной изоляции. В нем множество односложных слов, составляющих основание языка. Переход в ассимилирующую форму отмечает эпоху, продолжавшуюся целые века, от писаной литературы которой сохранились только кое-какие отрывки символической идеологии и несколько кратких изречений, перешедших в народные поговорки. С существующей литературой Вриль-я начинается инфлекционный слой или период. Без сомнения, перед этим действовали и какие-нибудь другие сильные влияния: поглощение разных племен одною господствующею расою, появление какого-нибудь великого литературного произведения, способствовавшие к установлению известных определенных форм в языке. По мере преобладания инфлекционного периода над ассимилирующим, мы ясно видим, как первоначальные корни обнаруживаются из скрывавшего их доселе нижнего наслоения.

В старых отрывках и поговорках предыдущей стадии, односложные, представляющие собою эти корни, пропадают в многосложных словах невероятной длины, которые состоят в целых неразрывно связанных фразах. Но когда инфлекционная форма языка настолько подвинулась вперед, что уже появились ученые и грамматики, все они, по-видимому, соединились в общей борьбе с этими многосложными чудовищами, пожиравшими первоначальные формы, и истребили их. Слова, состоявшие более чем из трех слогов, теперь признавались варварскими, и по мере упрощения языка он приобретал большую красоту, силу и ясность. Перестановкою одной буквы, они теперь придают самые разнообразные значения одному и тому же слову, для чего наши цивилизованные нации должны прибегать к длинным словам или целым фразам. Привожу несколько примеров. Ан (человек), Ана (люди); буква «с» имеет у них собирательное значение; так – Сана обозначает род или племя, а Анса – множество людей. Префикс известных букв их алфавита всегда обозначает усложненное значение слова. Например, звук Гл (представляемый у них одною буквою) приставленный в начале слова, обозначает собрание или союз однородных, а иногда и разнородных предметов. Так оон – значит дом; глоон – город. Ата – горесть; Глата – общественное бедствие, Аран – здоровье или благополучие человека; Глауран – общественное благо; и постоянно употребляемое ими слово А-Глауран, выражающее их, так сказать, политическую заповедь, значит в переводе «основание общества – всеобщее благо».

---

⁵ Переводчик позволил себе сократить эту главу, которая, при всем своем остроумии и даже эрудиции, представляет чисто филологический интерес. Книжку эту, как известно, Бульвер посвятил знаменитому филологу-мыслителю Максу Мюллеру. (Прим. пер.)

В письме они не допускают выражения для обозначения Божества. Они заменяют его символом, имеющим вид пирамиды. Они не открыли мне, как чужестранцу, то воззвание, с которым они обращаются к Нему в молитве, и потому я его не знаю. В разговоре со мною, касаясь Божества, они употребляли такие выражения, как Всеблагой и т. п.

Если жизнь моя продлится, я, может быть, еще сведу в систематическую форму, те сведения, которые мне удалось собрать о языке Вриль-я. Но сказанного, я полагаю, будет достаточно, чтобы показать, как язык, сохранивший в их первоначальном виде многие из своих корней и прошедший чрез промежуточную эпоху, со всеми ее наносными уродливостями, по прошествии бесчисленных веков наконец сложился в свою настоящую инфлекционную форму, отличающуюся простотой и единством.

Но при всем том литература этого языка принадлежит к области прошлого. Я покажу далее, что то общественное благосостояние, которого достигли Ана, не допускает по самому существу своему дальнейшего развития литературы, особенно в двух ее главных отраслях – поэзии и истории.

ХІІІ

Этот народ имеет свою религию, и что бы ни сказали против нее, она отличается следующими странными особенностями: во-первых, они верят в то, что исповедуют, и, во-вторых, строго исполняют то, что внушает им эта вера. Они все нераздельно поклоняются одному Божественному Творцу вселенной и верят, что через посредство этой вездесущей и всепроникающей таинственной силы каждый помысел всякого живого существа достигает общего источника жизни. И хотя они не утверждают прирожденности идеи о божестве, но, по их мнению, насколько то позволяют их наблюдения природы, Ан (человек) – единственное живое существо, которому дана способность воспринять эту идею со всем последующим ее развитием. Они верят, что такое преимущество дано человеку не понапрасну и потому молитва и благодарения должны быть приятны Творцу природы и необходимы для дальнейшего развития человеческого рода. Они молятся в общественном здании и у себя дома; как чужестранца, меня не допускали в их храм...

XIV

...Как ни фантастичны верования Вриль-я, но они до некоторой степени уясняют их социальный строй; их поразительную кротость во всех их сношениях и ту жалостливость ко всем живым существам, истребление которых не требуется для охраны общества. Их понятие о том вознаграждении, которое ожидает помятый цветок или раздавленное насекомое, при их будущих метаморфозах в высшие формы, не заключает в себе ничего вредного, хотя и может вызвать улыбку. Во всяком случае, все эти верования подземной расы наводят на довольно высокие размышления, что и в эти скрытые от нас бездны земли, никогда не освещавшиеся солнцем, проник светлый луч убеждения о всеобъемлющей любви Творца вселенной и той абсолютной, не допускающей конечного зла, справедливости в его законах, которая царит во всем живущем мире и царила во все времена.

XV

Как ни были добры ко мне все члены семейства моего хозяина, но его молодая дочь проявляла особую внимательность в заботах обо мне. По ее совету, я оставил тот костюм, в котором спустился к ним с поверхности земли, и облекся в одежду Вриль-я, за исключением крыльев, заменявших у них во время ходьбы весьма красивый плащ. Но так как многие из Вриль-я во время деревенских работ не носили крыльев, то мой наружный вид ничем особенным не выдавался среди них, и я мог ходить по всему городу, не обращая на себя внимания любопытных. За пределами приютившего меня дома никто не подозревал, что я выходец с поверхности земли; меня просто считали гостем Аф-лина из какого-нибудь отдаленного варварского племени.

Город казался чрезмерно великим по сравнению с окружающей его страной, которая, пожалуй, не превосходила размерами какого-нибудь большого Английского или Венгерского поместья. Но все это пространство, до самого подножия гор, было возделано самым тщательным образом, за исключением небольших участков, оставленных по их скатам и на пашнях для пастбищ прирученных, безвредных животных, которые, однако, не имели никакого применения в их хозяйствах. До того доходит их чувство сострадания к этим низшим существам, что ежегодно из общественной казны ассигнуется определенная сумма для перевозки части их в другие, более отдаленные поселения или колонии Вриль-я (конечно с согласия их обитателей), если вследствие чрезмерного размножения отведенные им пастбища оказывались недостаточными. Но, сколько я знаю, они не размножаются в такой пропорции, как наши, разводимые на убой, животные; кроме того, подчиняясь какому-то особому закону, животные, бесполезные для человека, здесь постепенно покидают занятые им земли и даже вымирают.

Между разными государствами или штатами племени Вриль-я исстари укоренился обычай оставлять невозделанными нейтральные пространства по их границам. В описываемой мною общине такой участок составляла скалистая гряда гор, ранее непроходимая для пешеходов, но через которую легко перелетали на крыльях или в воздушных лодках (я опишу их далее). В этих горах были, однако, пробиты дороги для проезда повозок, приводимых в движение врилем. Такие международные пути постоянно были освещены, и для покрытия расходов по их содержанию существовал особый сбор, в котором принимали участие по раскладке все прочие отрасли племени Вриль-я. Благодаря этому поддерживались постоянные коммерческие отношения между самыми отдаленными штатами. Богатство описываемой мною общины состояло главным образом в земледельческих продуктах, избыток которых они обменивали на предметы роскоши; важнейшие из них были уже упомянутые мною ученые птицы.

Их привозили сюда издалека, и они поражали красотой своих перьев и чудным пением; мне рассказывали, что много трудов было потрачено на их разведение и обучение и что путем тщательного подбора порода эта удивительно усовершенствовалась за последние годы. Я не встречал других домашних животных в этой общине, за исключением чрезвычайно забавных и резвых маленьких зверьков, похожих на лягушек, но с весьма выразительными головками; которых дети держали в своих садах. У них вовсе не существует таких домашних животных, как наши собаки или лошади; Зи, однако, сообщила мне, что подобные животные были когда-то и в этих местах, но что теперь их можно встретить только в отдаленных странах, населенных другими племенами. По словам ее, с открытием вриля они постепенно исчезали в цивилизованном мире; потому что в них уже не было надобности.

Машины и крылья заменили лошадь для перевозки тяжестей; а собака как сторож или для охоты потеряла всякое значение, потому что уже давно прошли те времена, когда праотцы Вриль-я нуждались в них для защиты от своих врагов или охотились с ними за мелкими животными, употреблявшимися в пищу; да кроме того, в этих гористых местах лошадь вряд ли могла

служить для перевозки тяжестей или для прогулок верхом. Единственное животное, употреблявшееся для первой цели, видом похожее на крупную породу козы, мне приходилось встречать на их фермах. Уже самый характер окружающей местности должен был внушить, как мне кажется, необходимость применения крыльев и воздушных лодок. Несоразмерная величина пространства, занимаемого здесь городом по отношению к загородной территории, объясняется тем, что каждый из домов был окружен своим садом. Широкая главная улица, на которой жил мой хозяин Аф-Лин, проходила мимо громадной площади, где находилась коллегия ученых и другие общественные здания; грандиозный фонтан какой-то светящейся жидкости бил в ее центре.

Все эти общественные постройки отличались одним общим характером массивности и прочности; они напоминали мне архитектурные картины Мартина. Их верхние этажи окружали балконы, или, скорее, поддерживаемые колоннами висячие сады, которые были наполнены цветущими растениями и населены прирученными птицами. От главной площади шли, разветвляясь, несколько ярко освещенных улиц, которые постепенно поднимались в гору по обеим сторонам ее. Во время прогулок по городу меня никогда не пускали одного; мне всегда сопутствовали Аф-Лин или его дочь.

Лавок в городе здесь немного; требования покупателей исполняют разного возраста дети, которые отличаются понятливостью и вниманием; но никогда не надоедают покупателю назойливым предложением товаров. Самого хозяина лавки в ней редко можно встретить, и, по видимому, он мало принимает участия в продаже, хотя и занимается этим делом по влечению, будучи независим от него в средствах существования; многие из самых богатых членов общины держат такие лавки.

...Все роды занятий пользуются одинаковым уважением. Ан, у которого я купил пару сандалий, был родным братом Тура – правителя штата; и хотя его лавка не превышала размером сапожных магазинов на Бродвее или в Бонд-Стрит, он был вдвое богаче своего брата, жившего во дворце. Без сомнения, он владел каким-нибудь загородным поместьем.

Вообще члены этого общества после деятельного детского возраста не отличаются энергией. По своему темпераменту или убеждению они признают покой за высшее блаженство жизни...

В обыденной жизни они редко употребляют крылья и предпочитают ходить пешком; но во время их увеселений, воздушных танцев, игр с детьми, а также при посещении своих ферм, которые большею частью расположены в гористых местах, они, конечно, пользуются ими; в молодые годы при путешествиях в другие страны племени Ана они предпочитают крылья всяким другим способам передвижения.

Привыкшие управлять крыльями могут лететь (хотя и медленнее птиц) со скоростью от двадцати пяти до тридцати миль в час, удерживаясь при этом на воздухе в продолжение пяти-шести часов подряд. Но вообще Ана, когда они достигают среднего возраста, не обнаруживают склонности к быстрым движениям, сопряженным с большими мускульными усилиями.

Между ними распространено убеждение, которое, без сомнения, встретит одобрение и со стороны наших врачей, что периодически возбуждаемая испарина, расширяя поры кожи, необходима для здоровья, и они обыкновенно пользуются паровыми ваннами, или так называемыми у нас турецкими банями, за которыми следуют ароматические души. Они приписывают большое значение целебной силе некоторых ароматических эссенций. Между ними также существует обычай в определенные, но редкие периоды (четыре раза в год, когда здоровы) принимать ванны, насыщенные врилем.

Они считают, что эта жидкость, принимаемая в ограниченных размерах, является могучим средством для поддержания жизни; но всякое неосмотрительное пользование ею, особенно при нормальном состоянии здоровья, вызывает реакцию и ослабляет жизненную силу.

Во всех своих болезнях они неизменно прибегают к этому средству, как вызывающему целительное действие самой природы.

По нашим понятиям, Вриль-я, пожалуй, самый изнеженный из всех народов; но все их наслаждения отличаются своим невинным характером. Они, так сказать, живут в атмосфере, проникнутой сладкими звуками и ароматами. В каждой комнате устроены особые механизмы, которые издают тихие мелодические звуки, точно шепот невидимых духов. Они так привыкают к этой постоянной музыке, что она не мешает им вести беседу или предаваться уединенным размышлениям. Они держатся мнения, что дышать воздухом, постоянно наполненным мелодическими звуками и ароматами, способствует смягчению и в то же время возвышению характера и мыслительной способности человека. Хотя они отличаются умеренностью и отрицают всякую животную пищу, кроме молока, и не употребляют никаких возбуждающих напитков, они в то же время чрезвычайно разборчивы в пище и питье. Во всех их увеселениях даже и престарелые обнаруживают почти детскую игривость. Счастье составляет для них конечную цель, – не в виде временного возбуждения, но как преобладающее состояние в течение всей жизни. Что для них также близко и счастье друг друга, видно уже из той замечательной мягкости обращения, которая господствует между ними.

За все время моего пребывания у этого народа я никогда не встретил между ними уроды или калеки. Красота их сказывалась не только в правильности очертаний лица, но и в гладкости кожи, остававшейся без морщин до самого преклонного возраста, и того мягкого, соединенного с величием выражения, источником которого были сознание своей силы и отсутствие всякого страха, нравственного или физического. Это самое величавое спокойствие и навело на меня, привыкшего к борьбе людских страстей, такое чувство ужаса и сознания своего ничтожества при моей встрече с одним из них. Такое выражение художник может дать на картине полубогу, гению или ангелу.

Меня поразило, что цвет кожи не у всех Ана был такой, как у первого виденного мною представителя их расы: у некоторых она была светлее, и даже между ними встречались лица с голубыми глазами и золотистого цвета волосами, хотя в общем преобладал более смуглый тон, чем у жителей северной Европы.

Мне сообщили, что такая разница происходила от смешанных браков с другими, более отдаленными племенами Вриль-я, которые под влиянием климата или вследствие расовой особенности отличались более светлой кожей. Темно-красная кожа обнаруживала чистоту крови семьи Ана; но они не соединяли с этим обстоятельством никакого чувства племенной гордости и, напротив, приписывали красоту существующей породы частым бракам с представителями других, родственных племен Вриль-я. Они даже поощряли такие браки, однако при обязательном условии, чтобы это было родственное им племя. На другие племена, чуждые им по обычаям и учреждениям, неспособные к пользованию теми могучими силами, которые заключались во вриле и употреблению которых они научились только по прошествии многих веков, они смотрели, пожалуй, еще с большим презрением, чем гражданин Нью-Йорка смотрит на негра.

Я узнал от Зи, отличавшейся большею ученостью, чем кто-либо из знакомых мне здесь мужчин, что превосходство Вриль-я над другими племенами приписывалось влиянию той борьбы с природою, которую им пришлось выдержать в местах их первого поселения. «Везде, где в истории первого развития народа, – продолжала при этом рассуждать Зи, – замечается такой процесс, при котором жизнь превращается в одну борьбу и человек должен применить все свои силы, чтобы удержаться в этой борьбе с себе подобными, неизменно следует один и тот же результат: при неизбежной гибели большинства, природа выбирает для сохранения только самые сильные экземпляры. Поэтому из нашей расы еще до открытия вриля остались только высшие организации. В наших древних книгах встречается легенда, когда-то пользовавшаяся верою, что мы были изгнаны из того самого мира, откуда ты, по-видимому, явился к нам, дабы усовершенствоваться и достигнуть высшего развития нашего племени в той жесто-

кой борьбе, которую пришлось выдержать нашим праотцам. Когда срок нашего искуса и развития кончится, нам предопределено опять возвратиться на поверхность земли и заступить место низшей, живущей там расы».

Аф-Лин и его дочь часто наедине беседовали со мною о политическом и общественном положении того верхнего мира, обитатели которого, по предположению Зи (высказываемому, с чрезвычайным спокойствием), должны быть рано или поздно поголовно истреблены при нашествии Вриль-я. В рассказах своих я всеми силами старался (избегая только положительной лжи, которая бы не скрылась от них) представить в самых блестящих красках как наше развитие, так и могущество; и они постоянно находили в них поводы для сравнений между нашими наиболее развитыми национальностями и низшего разряда подземными расами, находившимися, по их мнению, во мраке безнадежного варварства и неминуемо обреченными на постепенное вымирание. Но они твердо решились скрывать от своих сограждан всякое преждевременное указание путей к миру, освещаемому солнцем; они были сострадательны, и их пугала мысль истребления стольких миллионов живых существ; к тому же сильно разукрашенные картины нашей жизни, которые я раскрывал перед ними, только возбуждали в них чувство соболезнования. Напрасно я с гордостью приводил имена наших великих людей – поэтов, философов, ораторов, полководцев – и вызывал на указание равных им между народами Вриль-я. «Увы! – отвечала Зи, и ее величавое лицо смягчилось выражением ангельского сострадания. – Такое выделение нескольких из среды большинства – самый фатальный признак расы, обреченной на вечное невежество. Разве ты не видишь, что первое условие счастья для смертных заключается в прекращении всеобщей борьбы и соревнования, только разрушающих тот покой жизни, без которого немисливо достижение счастья как нравственного, так и физического? Мы думаем наоборот, что чем более наша здешняя жизнь будет приближаться к высшему идеалу загробного существования бессмертных духов, чем более она будет походить на будущее блаженное бытие, тем легче мы перейдем в него впоследствии.

Разве в своем воображении мы можем себе представить жизнь богов или бессмертных иначе, как чуждую всяких страстей, подобных любостыжанию и честолюбию?

Нам кажется, что эта жизнь, при полном развитии умственной и духовной деятельности, должна быть преисполнена ясного покоя; но какова бы ни была эта деятельность, она должна соответствовать склонности каждого, одним словом – это должна быть жизнь, проникнутая одним радостным чувством мира и благоволения, в среде которого должны исчезнуть все страсти – вражды и ненависти, борьбы и соперничества. Таков идеал общественной жизни, к достижению которого стремятся все нации Вриль-я и на котором основаны все наши теории государственного устройства. Ты видишь, как несовместима эта идея прогресса с понятиями, господствующими между твоим неразвитым народом, который в своем бурном движении только стремится увековечить непрерывную борьбу страстей, с их постоянными спутниками – горем и заботой. Далеко за пределами Вриль-я существует нация, самая могущественная из всех живущих в нашем мире, которая считает свое политическое устройство и свою систему управления образцом, достойным подражания для всех прочих. Они поставили за образец благополучия постоянное соперничество во всех вещах, так что среди них страсти не утихают ни на одно мгновение: они в постоянной борьбе из-за власти, богатства, известности, и просто ужасно слышать те поругания и клеветы, которыми осыпают друг друга даже самые лучшие из них, без малейшей совести и стыда...

«Дело в том, – продолжала Зи, – что если разумная жизнь должна стремиться к подражанию ясного спокойствия бессмертных, то уж конечно ничего не может быть дальше от цели, чем подобная система, целиком воплощающая в себе всю ту борьбу и тревоги, которые отличают смертного человека».

XVI

Я столько говорил о посохе или жезле, заряженном врилем, что от меня могут ожидать подробного его описания. Этого я не могу сделать; потому что мне никогда не давали его в руки из опасения какого-нибудь ужасного несчастья, которое могло произойти от моей неумелости. Он пустой внутри, и ручка его снабжена несколькими клапанами, или пружинами, посредством которых можно изменять силу его действия, разнообразить ее или давать ей известное направление, так, например, в одном случае она могла убивать, в другом – исцеляла; она тоже могла сокрушать громадные скалы или рассеивать пары атмосферы; действие ее сказывалось не только на теле человека, но и могло влиять на его умственные способности. Орудию этому для удобства пользования им дана форма посоха или обыкновенной трости; но посредством особых приспособлений оно могло удлиняться. При употреблении ручка его упирается в ладонь руки; причем бывают вытянуты большой и средний пальцы. Мне говорили впрочем, что сила его действия неодинакова во всех случаях и зависит от особого свойства присущего тому лицу, который им пользуется.

У некоторых преобладала разрушительная сила, у других – способность исцеления; многое было также в зависимости от состояния спокойствия и твердой решимости действующего. Они утверждают, что высшие проявления силы над врилем не могут быть усвоены, а составляют, так сказать, прирожденное свойство, передаваемое из поколения в поколение; так что четырехлетний ребенок их племени, первый раз держащий в руках жезл вриля, может достигнуть с ним результатов, которых после долгого упражнения никогда не добьется самый искусный механик из чуждой расы.

Это страшное орудие изменяется в деталях устройства, смотря по его назначению. Так, например, в руках детей, которым поручено истребление вредных животных, оно гораздо проще, чем жезл ученых обоего пола; у замужних женщин и матерей семейств он более приспособлен к целебному действию и т. д. Я бы желал коснуться подробнее этого удивительного проводника жидкости вриля; но детали его механизма настолько же сложны, насколько поразительны достигаемые им результаты.

Здесь следует упомянуть, что этот народ, между прочим, изобрел особого устройства трубки, из которых жидкость вриля может быть направлена почти на бесконечные расстояния к предмету, который требуется уничтожить; и я нисколько не преувеличиваю, подразумевая расстояние в 500 и 600 миль. Их математические расчеты доведены до такой точности, что по получении необходимых сведений от какого-нибудь наблюдателя в воздушной лодке каждый из членов отдела, заведующего применениями вриля, может определить свойство и размер встретившегося препятствия и навести дуло этого орудия с такою непогрешимую точностью на замеченное препятствие, например город, вдвое более Лондона, что в мгновение ока от него ничего не останется, кроме пепла. Из этого примера видно, до какого совершенства доведено у Ана применение их изобретательных способностей к практическим целям.

Я обошел вместе с моим хозяином и его дочерью большой публичный музей, помещавшийся в одном из крыльев здания коллегии ученых, в котором, между прочим, были сложены как любопытные образцы неуклюжих, детских попыток человека в древние времена многие из разных изобретений, составляющих гордость нашего века. В одном отделении музея валялось несколько громадных цилиндров, приспособленных для истребления жизни, посредством метательных снарядов и воспламеняющегося вещества, весьма похожих на наши пушки, но еще с неизвестными у нас усовершенствованиями.

Хозяин мой посмотрел на них с таким же пренебрежением, с каким наш артиллерийский офицер может остановиться перед луком и стрелами каких-нибудь дикарей. В другом отделении были модели повозок и судов, приводимых в движение паром, и воздушный шар. «Таковы

были, – произнесла Зи задумчивым голосом, – первые слабые попытки борьбы с природою наших диких праотцев, пока они еще не достигли хотя бы слабого понятия о свойствах вриля».

Эта молодая Гай представляла удивительный образец того мускульного развития, которого достигает женщина в их стране. Черты лица ее отличались красотой, присущей всей ее расе: никогда еще на поверхности земли мне не приходилось видеть лица такой безупречной правильности и столь величественного; но постоянные занятия наукой вызвали в нем сосредоточенное выражение отвлеченной мысли и придали ему несколько строгий вид, особенно в состоянии покоя; и такое суровое выражение, особенно при ее громадном росте и могучем сложении, производили самое внушительное впечатление. Она превосходила ростом других женщин этого племени и, на моих глазах, приподняла какую-то пушку с такою же легкостью, как я поднял бы пистолет. Зи внушала мне глубокий страх, дошедший до ужаса, когда мы вошли в одно из отделений музея, где находились модели разных механизмов, действующих посредством вриля, и где она, стоя в отдалении, действием своего жезла, приводила в движение большие, тяжеловесные предметы. Она как будто вдыхала в них жизнь и заставляла повиноваться своей воле. Она пускала в ход весьма сложные механизмы, по желанию останавливала или возобновляла их действие, пока в невероятно краткий промежуток времени разных сортов сырой материал обращался в симметрические, законченные произведения искусства. Явления, подобные тем, которые месмеризм, магнетизация, электричество и т. п. возбуждают в нервах и мускулах живых существ, эта молодая Гай производила мановением своей трости в колесах и пружинах бездушного механизма.

Когда я высказал своим спутникам то изумление, в которое приводило меня все виденное, упомянув при этом, что в нашей среде мне случалось быть свидетелем некоторых явлений, доказывающих известное взаимодействие между живыми организмами, Зи, видимо интересовавшаяся подобными вопросами, попросила меня протянуть мою руку и, положив ее рядом со своей, обратила мое внимание на заметную разницу в их типе и характере. Во-первых, большой палец у Гай (то же самое я заметил и у всех других представителей этого племени) был длиннее и массивнее, чем у нас; разница была настолько же велика в этом отношении, как между человеком и гориллой. Во-вторых, ладонь у них гораздо мясистее нашей, кожа гораздо нежнее и температура руки выше. Но что было замечательнее всего, я мог заметить особый нерв, проходивший от запястья руки к основанию большого пальца и потом разделявшийся на две ветви, идущие к указательному и среднему пальцу. «При слабом развитии большого пальца, – сказала ученая молодая Гай, – и отсутствии особого нерва, который, в большей или меньшей степени развития, ты всегда найдешь у нашего племени, вы никогда не достигнете сколько-нибудь сильного влияния над действием вриля; что касается до нового нерва, то его нельзя встретить у наших первых предков, а равно и между грубыми племенами, живущими за пределами Вриль-я.

Для его развития потребовалось множество поколений, начиная с первых, открывших тайну действия вриля и постепенно совершенствовавшихся путем упражнения в пользовании им; может быть, по прошествии одной или двух тысяч лет такой нерв и зародился между совершеннейшими представителями нашей расы, посвятившими себя исследованиям тех высших отраслей науки, при помощи которых приобретает власть над разнообразными проявлениями вриля. Когда же ты говоришь об абсолютной неподвижности, то неужели тебе неизвестно, что не существует ни одной частицы вещества, которая бы находилась в совершенном покое или инерции; каждая из таких частиц находится в постоянном движении и подвергается действию разных сил, из которых теплота заметнее других; но вриль – наиболее проникающая и самая могучая. Так что ток, возбужденный рукой и направляемый моею волею, только способствует к усиленному проявлению того невидимого движения, в котором вечно находятся частицы материи. Хотя в массе металла и не может самостоятельно зародиться мысль, но, благодаря скрытой в нем восприимчивости к движению, в него как бы переходит мысль действу-

ющего на него разумного существа, и под влиянием вриля он приходит в движение, точно движутый видимой внешней силой. В него временно переходит жизнь; он как бы воодушевляется и рассуждает. Без этого разве могли бы мы пользоваться услугами наших автоматов?»

Я слишком трепетал перед мышцами и ученостью молодой Гай, чтобы решиться на какие-либо возражения. Мне вспомнился при этом анекдот, читанный мною еще в детстве, про одного, заспорившего с римским императором, мудреца, который внезапно прекратил свои возражения и отвечал на вопрос императора, не имеет ли он еще чего возразить со своей стороны: «Нет, Цезарь; разве можно спорить с человеком, который повелевает двадцатью пятью легионами».

Хотя я был внутренне убежден, оставляя в стороне вопрос о действительных результатах действия вриля, что Фарадэ легко разбил бы все ее аргументы, о его конечных причинах и сфере влияния; но рядом с этим являлось другое непоколебимое убеждение, что Зи ударом своего кулака легко могла уложить на месте по очереди всех членов нашей королевской академии. Каждому разумному человеку известна вся бесполезность спора с обыкновенною женщиною о близко знакомом ей предмете; но диспутировать с Гай семифутового роста по вопросу о происхождении вриля, пожалуй, все равно что спорить в пустыне с самумом.

Между разными отделами громадного здания коллегии ученых меня особенно заинтересовал музей, посвященный археологии Вриль-я, в котором была собрана коллекция древних портретов. Краски, которыми были написаны эти картины, отличались такою прочностью, что некоторые из них, написанные, по словам летописей, еще в доисторические времена, сохранили известную свежесть колорита. При обзоре этой коллекции меня поразили два обстоятельства: первое, что картины которым, как уверяли меня, было от шести до семи тысяч лет, обнаруживали высшее состояние искусства, чем те, которые были написаны за три или четыре тысячи лет, и что портреты первого периода более подходили к нашему европейскому типу. Некоторые из них даже напоминали мне те итальянские головы, которые смотрят на нас с холстов Тициана, как бы говоря о честолюбии или коварстве, заботах или горе оригиналов, с их глубокими морщинами, проведенными страстями. Это были лица людей, живших во времена борьбы, предшествовавшие открытию чудодейственных свойств вриля, который совершенно изменил общественный строй: они, как в нашем мире, боролись между собою из-за власти и славы.

Спустя тысячу лет после открытия вриля тип лица уже обнаруживает заметную перемену; причем с каждым поколением оно приобретает большее выражение того величавого спокойствия, получает тот отпечаток, который отличает его от лица нашего грешного, трудящегося человека и производит такое потрясающее впечатление. Но по мере того, как развивалась красота нового типа, искусство художника делалось все безличнее и монотоннее.

Но интерес коллекции сосредоточивался в трех портретах, принадлежавших к доисторическому веку и, как гласит предание, написанных по повелению мудреца, самое происхождение которого теряется во мраке мифа, подобно индийскому Будде или греческому Прометею.

Эту таинственную личность – одновременно мудреца и героя – главные отрасли племени Вриль-я считают своим общим родоначальником.

Кроме самого мудреца, сохранились еще портреты его деда и прадеда. Все они написаны во весь рост. Мудрец облечен в длинную хламиду из какой-то особенной материи, напоминающей рыбью чешую или кожу ящерицы; но руки и ноги его обнажены: пальцы их отличаются невероятною длиною и снабжены перепонками. Шеи у него почти не существует, и у него низкий, покатый лоб, совсем не характеризующий мудреца. Он отличается блестящими карими глазами навывкате, очень широким ртом и выдающимися скулами...

XVII

Так как Вриль-я лишены возможности созерцать светила небесные, то их способы определения дня и ночи существенно различаются от наших; к счастью у меня были с собою часы, при помощи которых мне удалось довольно точно определить их счет времени. Я оставляю на будущее, если когда-либо мне придется издать сочинение о науке и литературе Вриль-я, все подробности тех способов, которые они применяют для счисления времени, и ограничусь указанием, что продолжительность их года мало разнится от нашего; но он разделяется иначе. Их сутки (включая и то, что мы называем ночью) состоят из двадцати часов, вместо двадцати четырех, и, разумеется, их год поэтому включает большее число дней. Они разделяют свой двадцатичасовой день таким образом: восемь часов⁶ называемые тихими часами, посвящаются отдыху; восемь часов, называемых рабочим временем, – разным занятиям жизни, и в течение четырех часов, которые носят название вольного времени (им заканчивается день), они предаются разным развлечениям, играм, празднествам или разговорам, смотря по личному вкусу и склонности каждого.

Строго говоря, за пределами их домов не бывает ночи. Как городские улицы, так и вся окружающая страна, до самого предела их владений, одинаково освещается во все часы. Только во время тихих часов они убавляют свет в своих домах до степени сумерек; но полный мрак внушает им чувство ужаса, и они никогда вполне не гасят огней. Во время домашних празднеств, происходящих при полном освещении, они все-таки отмечают различие между днем и ночью, посредством особых механических устройств, соответствующих нашим часам. Они большие любители музыки, и музыкальные звуки, издаваемые в определенные промежутки этими механизмами, определяют время дня. Каждый час такие мелодические звуки разносятся по всему городу и подхватываются другими – в домах и окрестных деревушках, раскиданных по всему ландшафту, что производит самое чарующее и в то же время торжественное впечатление. В продолжение тихих часов эти звуки смягчаются, так что едва улавливаются бодрствующим слухом. У них не существует перемен года, и, по крайней мере, в пределах владений этого племени, климат отличается необычайною равномерностью; он теплый, как итальянское лето, скорее влажный, чем сухой; до полудня обыкновенно бывает тихо, но по временам тишина нарушается сильными порывами ветра с окружающих гор. Подобно тому, как на золотых островах древних поэтов, здесь не существует определенного времени для посева и жатвы; одновременно вы видите более молодые растения в цветах и почках, между тем как другие приносят уже колосья и плоды. Но листья всех плодоносных растений после окончания этого периода меняют цвет или опадают.

Но что меня особенно интересовало в связи с их способами счисления времени, было определение средней продолжительности жизни между ними. После самых тщательных справок я убедился, что она значительно превосходит нашу. Но преимущество их заключалось не в одном этом; весьма немногие между ними умирают ранее ста лет; но в то же время большинство достигает семидесятилетнего возраста; до самых преклонных лет они сохраняют здоровье и свежесть сил, так что жизнь под старость у них не представляется одним тяжелым бременем. Здоровье их не подтачивается алчностью и честолюбием, они равнодушны к славе и хотя способны к глубокой привязанности, но любовь у них принимает вид нежной, радостной дружбы и, составляя их счастье, редко бывает источником страданий. Так как Гай вступает в брак только по своему выбору и здесь (подобно тому, как и на земле) все счастье семейной жизни зависит от женщины, то, выбрав себе по вкусу и влечению супруга, она бывает снисхо-

---

⁶ Употребляемые для ясности слова часы, дни и проч. не вполне соответствуют их понятиям о делении времени. (Прим. авт.)

дительно к его недостаткам, уважает его наклонности и всеми силами старается сохранить его любовь. Смерть близких, как и между нами, – тоже источник горести; но она обыкновенно наступает в самом преклонном возрасте, и оставшиеся в живых находят большое утешение в непоколебимой уверенности, что их ожидает скорая встреча с умершими друзьями и близкими в предстоящей блаженной жизни.

Хотя все эти причины оказывают немалое влияние на продолжительность их жизни, но многое зависит и от наследственной организации. По сохранившимся известиям, средняя продолжительность жизни у них в те ранние времена, когда их общественный строй походил на наш со всеми его тревожениями, – была значительно короче, и они чаще подвергались разным болезням. Они сами говорят, что продолжительность жизни у них увеличилась с тех пор, как были открыты целебные и укрепляющие свойства вриля. Между ними мало специалистов врачей, и этим делом преимущественно занимаются Джай-и (особенно вдовы и бездетные), которые обнаруживают особенную склонность к делу врачевания и отличаются искусством в разных хирургических операциях, вызываемых иногда несчастными случаями.

У Вриль-я есть свои развлечения и забавы, и в вольное время дня они собираются большими обществами и развлекаются воздушными играми, о которых я уже говорил. У них существуют концертные залы и даже театры, где исполняются пьесы, отчасти напоминающие мне китайские драмы; сюжеты этих драм взяты большей частью из самых отдаленных времен, и они отличаются полнейшим нарушением классических единств; так что герой в одной сцене представлен ребенком, вслед за тем стариком и т. д. Пьесы эти весьма древнего происхождения. Они показались мне ужасно скучными, хотя постановка их отличалась удивительными механическими приспособлениями; они были также не лишены известного, отчасти грубого, юмора, и отдельные места текста выдавались своим поэтическим и полным силы языком, хотя ему вредил избыток метафоры. В общем они оставляли, пожалуй, такое же впечатление, какое драмы Шекспира произвели бы на парижанина времен Людовика XV или на англичанина периода Карла II.

Публика, большей частью состоявшая из Джай-и, по-видимому, оставалась очень довольна представлением, что ввиду серьезности этих женщин отчасти удивило меня; но когда я увидел, что все актеры были самого нежного возраста, то мне стало понятно, что матери и сестры приходили сюда, чтобы доставить удовольствие своим детям и братьям. Я уже сказал, что все эти драмы были древнего происхождения. По-видимому, здесь в течение нескольких поколений не появлялось ни одного сколько-нибудь замечательного драматического произведения, а также из области вымысла или поэзии, которое пережило бы свое время. У них нет недостатка в новых изданиях и даже существует то, что мы назвали бы газетами; но все эти издания почти исключительно посвящены научным и техническим вопросам или новым изобретениям. Одним словом, у них преобладает чисто практическое направление. Иногда, впрочем, появится детская книжка рассказов (ребенка же автора) о разных приключениях, или какая-нибудь Гай изольет в форме поэмы разные тревожения и надежды своей любви; но все эти произведения весьма невысокого достоинства и редко кем читаются, кроме детей и женщин. Самые интересные сочинения, чисто литературного характера, посвящены описаниям путешествий и географических исследований мало известных стран этого подземного мира; авторы их большей частью молодые эмигранты, и они читаются с большим интересом их друзьями и родственниками.

Я не мог не высказать своего удивления Аф-Лину, по поводу того обстоятельства, что общество, достигшее таких изумительных успехов в технике и в котором, по-видимому, осуществился тот идеал всеобщего счастья, о котором мечтали у нас на земле и который, только после долгой борьбы, признан неосуществимой мечтой, что такое развитое общество может существовать без современной литературы, при всем совершенстве его языка, отличавшегося таким богатством, сжатостью и звучностью.

На это мой хозяин отвечал следующее:

– Разве тебе не ясно, что литература, как вы ее понимаете на земле, положительно несовместима с тем общественным благополучием, которого, по твоим же словам, мы теперь достигли? После вековой борьбы у нас наконец установился общественный строй, вполне удовлетворяющий нас и в котором не допускается никакого различия состояния, никаких почестей выдающимся общественным деятелям, при чем исчезает всякий стимул к личному честолюбию. Никто здесь не станет читать сочинений в защиту теорий, требующих перемен в нашем общественном или политическом строе; понятно, что никто не станет и писать их. Если какой-нибудь Ан и почувствует недовольство нашим, может быть, слишком спокойным образом жизни, он не нападает на него, а просто уходит в другое место.

Таким образом, все отрасли литературы (и, судя по древним книгам в наших общественных библиотеках, они когда-то составляли весьма значительную ее часть), касающиеся общественного и политического устройства, совершенно исчезли. Громадную часть нашей древней литературы составляют исторические летописи разных войн и революций тех времен, когда человек жил в больших, бурных обществах. Ты видишь нашу ясную, спокойную жизнь: такую она была в течение многих веков. У нас нет событий для летописей. Что же об нас можно сказать, кроме того, что «они родились на свет, прожили счастливо и умерли»? Переходя затем к той отрасли литературы, которая почерпает свои источники в воображении, как например ваша поэзия, то причины ее упадка у нас не менее очевидны.

– Мы находим в сохранившихся у нас великих произведениях этого отдела литературы, которые мы все читаем с наслаждением, хотя они и не допускают подражания, что они заключаются в изображения недоступных нам теперь страстей: честолюбия, мести, неосвященной любви, жажды военной славы и т. п. Древние поэты жили в среде, проникнутой всеми этими страстями, и живо чувствовали то, что служило предметом их неподражаемых описаний. Никто между нами не в состоянии изобразить такие страсти, потому что не чувствует их, да и не найдет сочувствия в своих читателях, даже если б и испытал их. Кроме того, один из основных элементов древней поэзии состоит в обнаружении тех скрытых, многосложных побуждений человеческого сердца, которые приводят к аномальным порокам или к неописанным добродетелям. Но в нашем обществе с исчезновением всяких искушений к особым преступлениям или порокам неизбежно установился средний нравственный уровень, при котором немыслимо и появление выдающихся добродетелей. Лишенная тех образцов могучих страстей, великих преступлений и высокого героизма, которые в старину давали пищу поэзии, последняя если и не совсем погибла у нас, то влачит печальные дни. Остается еще поэзия описательная, картины природы и домашней жизни; и наши молодые Джай-и часто пользуются этою, довольно бессодержательною, формою в своих любовных стихах.

– Такого рода поэзия, – сказал я, – может быть очень привлекательна, и некоторые критики между нами признают ее даже выше той, которая занимается изображением человеческих страстей. По крайней мере упоминаемый тобою бессодержательный род поэзии привлекает к себе большинство читателей между тем народом, который я оставил на поверхности земли.

– Может быть; но я полагаю, что эти поэты обращают большое внимание на язык и сосредоточивают все свое искусство на подборе красивых слов и рифм.

– Конечно, это соблюдается и великими писателями. Хотя дар поэзии может быть прирожденный, но он требует такой же тщательной обработки, как и масса металла, из которой вы строите свои машины.

– Без сомнения, у ваших поэтов есть какие-нибудь побудительные причины к сосредоточению своего внимания на красивой отделке слов.

– Конечно, врожденный инстинкт побуждает их петь, как и птиц; но все эти украшения песни, по всем вероятностям, имеют внешние побуждения, и наши поэты, вероятно, находят их в стремлении к славе, а иногда и в недостатке денег.

– Совершенно так. Но в нашем обществе понятие о славе не связывается ни с каким действием человека во время его земной жизни. Мы скоро утратили бы то равенство, которое составляет основной, благотворительный элемент нашего общественного устройства, если бы стали осыпать выдающимися похвалами кого-либо из его членов: исключительное возвеличение ведет к исключительной силе, и тогда неминуемо должны проснуться все спящие теперь страсти; другие люди тоже пожелают похвал, тогда поднимется зависть, а вместе с нею и недовольство со своими спутниками – злобой и клеветой. Мы видим из нашей истории, что большинство поэтов и писателей, пользовавшихся в древности величайшею славою, в то же время подвергались самому жестокому порицанию, и вся их жизнь была отравлена, отчасти благодаря нападкам завистников, отчасти вследствие развившейся в них болезненной чувствительности к похвале и порицанию. Что касается побуждений нужды, то, во-первых, тебе известно, что в нашей стране никто не испытывает бедности; но если бы это и было, то всякое другое занятие оказалось бы прибыльнее писательства.

– В наших общественных библиотеках можно найти все уцелевшие от времени книги; эти книги, по высказанным уже причинам, – несравненно лучше всего, что могло быть написано в наши дни, и они одинаково доступны всем.

– Между нами, – сказал я, – многих привлекает новизна; и часто читается плохая новая книга, между тем как старая остается без внимания.

– Новизна, без сомнения, имеет свою привлекательность в менее развитых обществах, чающих всего лучшего впереди, но мы лишены способности находить в ней удовольствие; хотя, по замечанию одного знаменитого нашего писателя, жившего четыре тысячи лет тому назад, «читающий старые книги всегда найдет в них что-нибудь новое; а читающий новые книги всегда – что-нибудь старое».

– Но как же подобное равнодушие к литературе не оказывает вредного действия на развитие науки?

– Твой вопрос изумляет меня. Побуждением к изучению науки является простая любовь к истине, независимо от всяких понятий о славе; и кроме того, наука у нас имеет исключительно практическое значение, в видах сохранения нашего общества и ежедневных требований жизни. Наш изобретатель трудится без всякого ожидания славы за свою работу; он просто занят любимым им делом, вдали от всяких тревожений и страстей. Человеку необходимы упражнения, как для тела, так и для ума; и постоянное равномерное упражнение в обоих случаях лучше всяких чрезмерных временных усилий. Люди, занимающиеся у нас наукою, менее всего подвергаются болезням и отличаются своим долголетием. Живопись у нас составляет развлечение многих; но самое искусство далеко не то, что было в прежние времена, когда великие художники из разных обществ старались превзойти друг друга, ввиду тех, почти царских, почестей, которые ожидали победителя. Ты, без сомнения, заметил в отделении древностей музея, насколько, с точки художественности, картины, написанные несколько тысяч лет тому назад, превосходят современные. Из всех изящных искусств одна музыка, – может быть, потому, что она ближе подходит к науке, чем к поэзии, – еще процветает у нас. Но даже и здесь недостаток стимула похвал или славы сказался в отсутствии индивидуального превосходства; мы отличаемся более в оркестровой музыке, где отдельный исполнитель заменяется громадными механическими инструментами, приводимыми в движение водою. В продолжение нескольких веков у нас почти не появилось ни одного выдающегося композитора. Мы пользуемся теперь старинными мотивами, которые обрабатываются современными, искусными в технике музыкантами.

– Нет ли из числа Ана, – спросил я, – обществ, зараженных теми пороками и страстями, допускающими разницу в имущественном, нравственном и общественном положении среди своих членов, которые уже исчезли между племенами Вриль-я? Если существуют такие

народы, то, может быть, поэзия и родственные ей искусства еще пользуются почетом и процветают между ними?

– Такие народы живут в отдаленных от нас странах; но мы не допускаем их в среду цивилизованного общества; по нашему мнению, они недостойны даже названия Ана, не только что Вриль-я. Это варвары, находящиеся на том низком уровне развития, которое даже не допускает надежды на их обновление. Они проводят свое жалкое существование в вечных переворотах и борьбе; если они не воюют со своими соседями, то дерутся между собою. Они все разделены на партии, которые предаются поруганию, грабят и даже убивают друг друга; поводом к этому служат самые ничтожные причины, которые были бы просто непонятны для нас, если бы мы не знали из истории, что сами когда-то прошли через эти ранние ступени варварства и невежества. Сущих пустяков достаточно, чтобы поднялась ссора между ними. Они считают, что у них господствует равенство; но вся та борьба, которую они вели со старыми формами, не привела ни к чему; потому что в громадных обществах, где все основано на соревновании, обратившемся в какую-то постоянную горячку, меньшинство всегда выигрывает в ущерб массе. Одним словом, народ, о котором я говорю, представляет собою дикарей, блуждающих в беспросветном мраке невежества; они были бы достойны нашего сожаления в их бедствиях, если бы, подобно большинству дикарей, сами не навлекали на себя истребления своею наглостью и жестокостью. Можешь себе представить, что эти жалкие создания, с их допотопным оружием, образцы которого ты видел в нашем музее (металлические цилиндры с зарядом селитры), не раз грозили истреблением соседнему с ними племени Вриль-я, – только потому, что у них тридцать миллионов населения, а у последних пятьдесят тысяч, – если те не подчинятся какому-то их установлению в связи с торговлей и наживой денег, которое они имеют нахальство называть «законом цивилизации».

– Но что же сделают пятьдесят тысяч против тридцати миллионов?

Мой хозяин с удивлением взглянул на меня.

– Чужеземец, – сказал он, – разве ты не слышал, что это племя – Вриль-я, которому они угрожают; и стоит только этим дикарям объявить войну, как полдюжины отряженных для этого детей сметут с лица земли все их население!

Я невольно содрогнулся при этих словах, вспомнив, что я стою ближе к этим «дикарям», чем к племени Вриль-я, а также мои похвалы свободным учреждениям Америки, к которым так презрительно отнесся Аф-Лин. Придя несколько в себя, я спросил, существует ли возможность безопасно достигнуть страны этого отдаленного и смелого народа.

– При помощи вриля ты можешь безопасно проехать по владениям всех родственных нам племен; но я не отвечаю за твою безопасность среди варварских народов, где господствуют другие законы и которые дошли до такого умопомрачения, что многие из них живут только воровством; в тихие часы среди них даже нельзя оставить открытыми двери своего дома.

Тут наш разговор был прерван появлением Таэ, сообщившего нам, что, получив поручение уничтожить громадное чудовище, которое я видел при своем спуске, он все время следил за его появлением, но безуспешно. Он уже подумал, что мои глаза обманули меня или что гадина через расщелины в скалах пробралась в более дикую местность, где водятся подобные ей пресмыкающиеся; но близость ее пребывания неожиданно обнаружилась в опустошениях пастбища, прилегающего к озеру. «Я уверен, – сказал Таэ, – что чудовище прячется в этом озере; я подумал, – продолжал он, обращаясь ко мне, – что тебя может быть позабавит посмотреть, как мы истребляем таких неприятных посетителей». Взглянув на ребенка и припомнив размеры чудовища, которое он собирался уничтожить, я пришел в ужас, как за себя, так и за него, при мысли о грозившей нам опасности. Но во мне было возбуждено сильное любопытство, и мне хотелось самому убедиться в восхваляемом могуществе вриля; к тому же я не желал унижить себя в глазах ребенка, выказывая опасения за свою безопасность; и потому,

поборов свое первое чувство страха, я поблагодарил Таэ за его внимание и выразил готовность сопутствовать ему в такой интересной охоте.

XVIII

Когда мы оставили за собою город и, взяв влево от главной дороги, пошли полями, я до того был поражен странною красотою этого изумительного ландшафта, до самого горизонта освещенного бесчисленным множеством фонарей, что мало обращал внимания на разговор моего спутника.

По дороге я заметил, что все сельскохозяйственные работы производились машинами странного вида, но весьма красивой формы; искусство, подчиненное у этого народа требованиям пользы, проявлялось в виде изящных форм, которые они придают разным предметам в обыденной жизни. Драгоценные металлы и камни до того здесь обыкновенны, что применяются для украшения самых простых вещей; между тем, преобладающее между ними значение полезного над красивым побуждает их всячески украшать их орудия труда, что незаметным образом влияет на развитие у них воображения.

Во всех их работах, как в домах, так и снаружи, применяются уже упомянутые автоматические фигуры, которые до того подчинены действию вриля, что кажутся живыми существами. Я едва мог отличить их от людей, в то время как они направляли движение разных громадных механизмов.

По мере того, как мы удалялись, я наконец стал прислушиваться к живым замечаниям моего спутника. Меня поражало необычайно раннее умственное развитие у детей этой расы, может быть, происходящее от того, что они несут на себе все труды и ответственность, которые между нами падают на долю старших. Разговаривая с Таэ, мне казалось, что я беседую не с ребенком, а с развитым, наблюдательным человеком моих лет. Я спросил его, не может ли он сказать, на сколько отдельных общин распадалась раса Вриль-я.

– Точно не знаю, – отвечал он, – потому что число их увеличивается с каждым годом, по мере того, как выделяется избыток населения. Но, по словам отца, за последнее время число отдельных общин, говорящих нашим языком и усвоивших наши обычаи и учреждения, достигало полутора миллионов; о подробностях лучше расспроси Зи. Она знает больше многих Ана, которые вообще мало занимаются тем, что их близко не касается, а Джай-и такие любопытные существа.

– Ограничивается ли каждая отдельная община тем же числом семейств, как у вас?

– Нет; некоторые значительно меньше нашей, другие – больше, смотря по размеру их владений и совершенству их машин. Каждая община держится известного предела, смотря по обстоятельствам, и заботится, прежде всего, чтобы у них не развилось класса бедных, вследствие избытка населения, причем земля не могла бы прокормить всех; кроме того, они строго следят за тем, чтобы община не переросла известного размера, при котором только возможно такое же управление, как в благоустроенной семье. Кажется, ни одна из общин Вриль-я не превосходит тридцати тысяч семей. Но вообще, чем меньше община, если только народу в ней достаточно для хорошей обработки всей ее земли, – тем богаче ее члены, тем больше они вносят в общую казну и, что выше всего, тем счастливее и спокойнее они, как политическое целое, и тем большего совершенства достигают продукты их труда. Община, которую все племена Вриль-я считают за высшую по развитию и которая достигла наибольшего искусства в пользовании силами вриля, пожалуй, самая маленькая. Она не превышает четырех тысяч семей, но каждый клочок их земли обработан, как сад; их машины не имеют себе равных, и все их продукты берутся нарасхват. Все наши племена считают ее своим образцом; потому что достижение высшего идеала, доступного человеку, заключается в соединении наибольшей доли счастья с высшим развитием ума; и понятно, чем меньше общество, тем легче этого достигнуть. Наша община слишком велика.

Эти слова заставили меня задуматься. Я вспомнил о маленьких Афинах, с их двадцатью тысячами свободных граждан и о том умственном влиянии, которое до сих пор оказывает эта маленькая республика на самые могущественные нации мира. Но в Афинах допускалось соревнование и постоянные перемены, и к тому же граждане их далеко не были счастливы. Оторвавшись от моих мыслей, я возвратился к нашему разговору и стал расспрашивать его об эмиграции.

– Но если каждый год, – сказал я, – определенное число между вами соглашается покинуть родину и основывают новые общины, то ведь их все же очень мало и, даже при самых совершенных машинах, они вряд ли в состоянии расчистить дикие места, устроить новые города и водворить всю ту цивилизацию с ее удобствами жизни, к которым они привыкли с детства.

– Ты ошибаешься. Все племена Вриль-я находятся в постоянном общении между собою и ежегодно определяют число эмигрантов из их числа, которые должны сообща основать новую общину; место нового поселения намечается ранее, и каждый год посылаются пионеры от каждой общины для его расчистки, уничтожения скал и постройки домов; так что, когда эмигранты являются на место, они уже находят готовые дома и подготовленную почву. Привыкая с детства к трудовой жизни, мы не боимся путешествий и опасностей. Я сам хочу эмигрировать, когда вырасту.

– Всегда ли эмигранты выбирают ненаселенные места?

– Да, большею частью; потому что мы никогда ничего не истребляем, разве вынужденные к тому необходимостью самосохранения. Конечно, мы не можем поселиться на землях, уже ранее того занятых Вриль-я; если бы мы заняли обработанные земли, населенные другими племенами Ана, то нам пришлось бы уничтожить их. Но иногда случается, что даже при поселении на свободных землях какое-нибудь соседнее племя Ана, если у него господствует система Кум-Пош или особенно Глек-Наз⁷, недовольное нашим соседством, начинает беспричинную войну, тогда, конечно, мы истребим его. Разве можно прийти к какому-нибудь соглашению с подобным народом. Еще Кум-Пош, – продолжал с оживлением ребенок, – как ни плох он, все-таки не лишает их мозга и сердца; но Глек-Наз отнимает у них все человеческое, и у них остаются только пасть, когти и желудок.

– Ты выражаешься сильно. Знай же, что я сам с гордостью называю себя гражданином Кум-Поша.

– После этого я не удивляюсь, – отвечал Таэ, – что ты покинул свою родину. Какое было общественное устройство в твоей стране до перехода в Кум-Пош?

– Поселение эмигрантов, подобное вашим, но с тою разницею, что они были в зависимости от той страны, из которой вышли. Они свергли это иго и учредили Кум-Пош.

– Сколько времени действует у вас эта система?

– Около ста лет.

– Срок жизни Ана – очень молодое общество. Не пройдет и ста лет, как у вас будет уже Глек-Наз.

– Таэ, мне не идет спорить с ребенком твоего возраста. Конечно, я принимаю в соображение, что ты не воспитан среди Кум-Поша.

– И в свою очередь, – отвечал Таэ, с прирожденною мягкою и величавою манерою, отличавшею его расу, – не только принимаю к сведению, что ты не вырос между Вриль-я, но приношу искренние извинения, если я чем-нибудь оскорбил чувства такого любезного Тиша.

Я забыл упомянуть ранее, что в семье моего хозяина я обыкновенно носил прозвище Тиш; это было ласкательное имя, обозначавшее в переносном смысле маленького варвара, а в

---

⁷ Кум-Пош – на языке Вриль-я обозначает политическую систему, сходную с учреждениями Соединенных Штатов; Глек-Наз – противоположную ей. (Прим. пер.)

буквальном – лягушонка. Дети Вриль-я обыкновенно называют так ручных маленьких зверьков вроде лягушек, живущих в их садах.

Этим временем мы приблизились к берегу озера, и Таэ обратил мое внимание на следы опустошения, произведенного в ближайших полях.

– Враг наш, без сомнения, скрывается на дне озера, – сказал Таэ. – Заметь, сколько рыбы собралось у берегов; даже большие рыбы перемешались с маленькими в общем страхе. Это пресмыкающееся, наверное, принадлежит к классу Крек, самому кровожадному из всех, и, как говорят, одному из немногих уцелевших видов тех первобытных чудовищ, которые населяли мир до появления Ана. Крек отличается ненасытной прожорливостью: он безразлично пожирает как растения, так и животных. Его любимое блюдо Ан, когда он может захватить его врасплох; вот почему мы беспощадно истребляем его в наших пределах. Я слышал, что, когда наши предки впервые поселились в этой, еще тогда невозделанной стране, эти чудовища, и также другие подобные им, водились здесь во множестве; и так как употребление вриля было еще неизвестно, то многие из нашей расы были пожраны ими. После того как мы познакомились с употреблением вриля, все эти враждебные нам животные были истреблены. Но по временам какая-нибудь из этих гигантских ящериц заползает сюда из своих логовищ за пределами страны, и я помню случай, когда жертвою ее сделалась молодая Гай, купавшаяся в этом самом озере. Если бы она была на берегу, вооруженная своим жезлом, Крек не осмелился бы показаться ей на глаза; подобно нашим другим диким животным, это пресмыкающееся обладает инстинктом, внушающим ему страх к тем, кто держит в руках жезл вриля. Пока я стою здесь, чудовище ни за что не выйдет из своего логовища; но мы должны приманить его.

– Это будет довольно трудно.

– Нисколько. Садись вот на этот камень (он находился около трехсот фута от берега озера), а я отойду подальше. Животное скоро увидит тебя или почует твое присутствие и, видя, что ты безоружен, двинется к тебе, чтобы тебя пожрать. Как только он вылезет из воды, Крек будет моею жертвою.

– Ты хочешь сделать меня приманкою для этого чудовища, которое в одно мгновение проглотит меня в своей пасти! Прощу извинить.

Ребенок засмеялся.

– Ничего не бойся, – сказал он, – только сиди смирно.

Вместо ответа я отскочил от него и хотел уже бежать со всех ног, когда Таэ слегка прикоснулся к моему плечу и устремил на меня неподвижный взгляд. Я сразу почувствовал себя как бы прикованным к месту; всякая воля покинула меня, и я покорно последовал за ним и сел на камень. Многие из читателей, вероятно, знакомы с явлениями, приписываемыми животному магнетизму⁸; ни один из адептов этого сомнительного искусства никогда не мог произвести на меня ни малейшего впечатления, но я оказался бездушным автоматом в руках этого ребенка. Между тем он распустил свои крылья, поднялся на воздух и скрылся в кустах на вершине холма, в некотором расстоянии от меня.

Я был один; в неопisanном ужасе я повернул голову по направлению к озеру и неподвижно, как очарованный, уставился глазами на его поверхность. Прошло минут десять или пятнадцать, показавшихся мне веками, когда в центре его гладкой поверхности, освещенной отблеском фонарей, стало заметно легкое движение. В то же время рыбы, собравшиеся у берега, почуяв приближение врага, стали метаться во все стороны; послышались всплески, и я заметил, что некоторые даже выбросились на песок. Длинная, волнующаяся борозда показалась на воде и стала приближаться к берегу, все ближе и ближе, пока наконец не вылезла громадная голова чудовища: страшные клыки, как щетина, торчали в его пасти, и оно устало свои голодные, безжизненные глаза на то место, где я сидел как пригвожденный. Вот уже его

---

⁸ Автор еще не был знаком с новейшими явлениями гипнотизма. (Прим. пер.)

передние ноги показались на берегу, потом – грудь, покрытая по сторонам чешуей, точно броней, с тускло желтою кожею посредине; наконец вся эта масса, около ста футов длиною, была уже на земле. Еще один шаг этих гигантских ног, и оно было бы около меня. Казалось, одно мгновение отделяло меня от этой ужасной смерти, когда в воздухе блеснула молния, поразила чудовище и в течение неуловимого момента охватила его огнем. Свет исчез, и предо мною лежала какая-то обугленная, бесформенная масса, еще дымившаяся, но уже быстро рассыпавшаяся в прах. Я сидел как пригвожденный, охваченный смертельным холодом; ужас мой теперь перешел в оцепенение.

Я почувствовал прикосновение ребенка к своему плечу: очарование кончилось, я поднялся с места.

– Теперь ты видишь, как легко Вриль-я уничтожают своих врагов, – сказал Таэ. Потом он подошел к дымившимся останкам чудовища и, взглянув на эту массу, продолжал спокойным голосом:

– Мне случалось уничтожать гадов еще крупнее этого, но никогда это не доставляло мне такого удовольствия. Да, это был Крек; сколько страданий он причинил, пока существовал!

Затем он поднял с земли выбросившихся из воды рыбок и возвратил их родному элементу.

XIX

После рассказанного приключения, в котором мы участвовали вместе с Таэ, этот ребенок стал часто навещать меня в доме Аф-Лина; он, видимо, привязался ко мне, и я платил ему тем же. Ему еще не было двенадцати лет, а серьезные научные занятия, которыми у них завершается период детства, начинаются только после этого возраста; так что по умственному развитию я ближе подходил к нему, чем к взрослым представителям его расы и особенно к Джай-и, из которых выдавалась высокоученая Зи. Дети Вриль-я, облеченные такими многотрудными и ответственными обязанностями, не отличаются особенною веселостью; но Таэ, при всей его даровитости, обладал тем добродушным юмором, который мы часто встречаем между гениальными стариками. Он находил такое же удовольствие в моем обществе, какое наш мальчик, одного с ним возраста, испытывает в товариществе любимой собаки или обезьяны. Ему доставляло такое же удовольствие обучать меня разным обыденным приемам в жизни своего народа, какое испытывал мой племянник, заставляя своего пуделя ходить на задних лапках или скакать через кольцо. Я охотно соглашался на все такие опыты; но никогда не мог сравняться по успехам с пуделем. Вначале, меня очень заинтересовало применение крыльев, которыми пользуются у них с такою же легкостью самые маленькие дети, как мы руками или ногами; но все мои попытки в этом направлении привели только к серьезным ушибам, и я поневоле должен был оставить их.

Эти крылья, как я уже говорил, очень большого размера и достигают до колен; сложенные на спине они образуют род плаща или эпанчи, очень красивой формы. Они делаются из перьев гигантской птицы, которая водится в окрестных горах; цвет их большею частью белый, но иногда с красными полосами. Крылья эти укрепляются к плечам, с помощью весьма легких, но сильных пружин; и когда они распускаются, то руки сами собой входят в петли, приспособленные с их нижней стороны и представляющие как бы части срединной перепонки. Верхняя часть их туники снабжена подкладкою из мелких трубок, которые посредством особого механического приспособления надуваются при подъеме рук и служат как бы пузырями, чтобы поддерживать их на воздухе. Как самые крылья, так и этот поддерживающий прибор сильно заряжены врилем, и при подъеме на воздух тело как бы теряет свою тяжесть. Я не встречал затруднения в подъеме; раз были подняты крылья, это уже достигалось само собою; но тут начиналась опасная часть моих попыток. Мне никак не удавалось регулировать дальнейшее действие крыльев, хотя между своими я считался ловким в разных атлетических упражнениях и искусным пловцом. Все мои попытки ограничивались безуспешными, неуклюжими усилиями. Я был во власти крыльев, а не они – в моей; и когда с помощью отчаянных усилий мне наконец удавалось остановить их движение и приблизить их к моему телу, то исчезала поддерживающая меня сила, и я низвергался на землю, точно воздушный шар, из которого был выпущен газ; и только благодаря спазматическим усилиям, вызванным ужасом, я отделался при этом изрядным, ошеломившим меня ушибом и не разбился в куски. Несмотря на эти неудачи, я готов был продолжать мои попытки; но в этом меня удержала милосердная Зи, сопровождавшая меня во время этих жалких опытов летания; и только благодаря своевременной поддержке ее крыльев я не разможил себе голову о вершину пирамиды во время последней из таких попыток.

– Я вижу, – сказала она при этом, – что все твои попытки безнадежны; причина этому не в каком либо недостатке крыльев или в несовершенстве твоего сложения, но в органически присущем тебе и непоправимом недостатке сосредоточения воли. Ты должен знать, что таинственная связь, существующая между таким сосредоточением воли и силою вриля, не сразу сделалась достоянием нашего племени; потребовалось много поколений, передававших своим детям зачатки этой способности, которая постепенно изошлялась и наконец сделалась у нас как бы прирожденным инстинктом; так что маленькое дитя нашей расы также бессознательно

стремится летать, как и ходить. Неудивительно, что оно при этом с такою же уверенностью пользуется своими искусственными крыльями, как птица – данными ей природой. Я не подумала об этом, когда допустила тебя до таких опасных опытов; но мне хотелось, чтобы ты был моим товарищем в полетах. Конечно, они должны быть оставлены теперь. Твоя жизнь делается слишком дорога для меня.

При этом голос и выражение лица Гай особенно смягчились, и я почему-то почувствовал еще больший страх, чем во время моих неудачных опытов летания.

Говоря о крыльях, я должен упомянуть об одном существующем между Джай-и обычае, под которым скрывается довольно трогательная мысль. Во время своего детства Гай постоянно носит крылья; она принимает участие вместе с Ана в тех грациозных воздушных играх, о которых я говорил, и пускается с необычайною смелостью в дальние воздушные путешествия, в самые дикие страны этого подземного царства; и в этом отношении она превосходит более грубый пол. Но со дня брака она оставляет свои крылья и сама вешает их над супружеским ложем, где они и остаются без употребления до тех пор, пока смерть или развод не разрушают брачного союза.

Когда в глазах и голосе Зи обнаружилась та нежность, которой я так испугался в каком-то предчувствии грозящей мне опасности, Таэ, сопровождавший мне во время полетов и в своей игривости забавлявшийся моими неудачами, засмеялся, услышав ее последние слова, и сказал с детским простодушием: «Если Тиш и не выучится летать, Зи, ты все-таки можешь быть его товарищем, повесив на стену свои крылья».

XX

Я уже несколько времени заметил, что ученая и величественная дочь моего хозяина выказывала ко мне то нежное участие, которое, по бесконечному милосердию Провидения, свойственно всем женщинам, как на земле, так и под землею. До последнего времени я смешивал его с тем чувством любви к домашним животным, которым всегда отличается женщина наравне с ребенком. Теперь же, к моему большому огорчению, я убедился, что то чувство, которым удостаивала меня, ничего не имело общего с питаемым ко мне Таэ. Но это убеждение нисколько не льстило моему тщеславию, как обыкновенно бывает у мужчин, обративших на себя благосклонное внимание прекрасного пола; напротив, оно пробуждало во мне чувство страха. Если из всех женщин этого общества Зи выдавалась своею ученостью и силою, то, по всем отзывам, она, кроме того, отличалась своею кротостью и пользовалась всеобщей любовью. Все ее существо, казалось, было проникнуто одним желанием – оказать помощь, защиту, утешение... Хотя те многосложные горести, начало которых скрыто в бедности и пороке, неизвестны в социальном строе Вриль-я, но еще ни одному ученому между ними не удалось найти во вриле такую силу, которая бы окончательно изгнала из их жизни все те печали, которым бывает подвержен человек; и во всех таких случаях Зи была первою утешительницею. Если какая-нибудь из Джай-и являлась жертвою отверженной любви, Зи употребляла все силы своего ума и сердца, чтобы смягчить ее горесть и доставить ей утешение.

В тех редких случаях, когда кто-нибудь из детей или юношества подвергался опасной болезни или (что еще бывало реже) кто-нибудь из них был поранен во время их довольно опасной службы, она забывала свои научные занятия и развлечения и превращалась в самого внимательного врача и неутомимую сиделку. Она часто совершала полеты к самым отдаленным пределам их владений, где дети занимали сторожевые пункты в виду каких-нибудь неожиданных подземных переворотов или вторжения кровожадных животных, чтобы предупредить их вовремя о грозившей опасности и оказать нужную помощь. Даже в ее научных занятиях преобладало это стремление к благодеянию. Если ей случалось узнать о каком-нибудь новом открытии, могущем быть полезным человеку, специально занимавшемуся известным искусством или ремеслом, она спешила передать ему все новые сведения. Если какой-нибудь престарелый член коллегии ученых изнемогал от чрезмерного труда в разрешении какой-нибудь сложной научной задачи, она приходила к нему на помощь, брала на себя самую кропотливую часть работы, ободряла, помогала ему своими советами, светлыми мыслями, одним словом, делалась как бы его добрым гением и вдохновительницею. То же самое чувство неиссякаемой доброты она проявляла и по отношению к низшим животным.

Я часто видел, как она приносила домой какое-нибудь раненое животное и ухаживала за ним с такою же нежностью, как мать за больным ребенком. Случалось также, что, сидя на балконе или в висячем саду, в который выходило окно моей комнаты, я видел ее парящую в воздухе, и вскоре после того целые толпы детей устремлялись к ней с радостными криками, летая и резвясь вокруг нее, как около своего центра, в самых причудливых и грациозных группах. Когда мне случалось гулять с нею по окрестностям города, местные олени, издали почуяв ее приближение, подбегали к ней в ожидании ласки и следовали за ней по пятам, пока она не отгоняла их понятным им знаком руки. Между незамужними Джай-и в обычае носить на голове небольшой венчик или диадему, украшенную камнями, похожими на опал, которые расположены в виде звезды. Обыкновенно они не издают блеска; но если к ним прикоснется жезл вриля, они загораются ясным, ровным светом. Они служат им украшением во время их празднеств и заменяют лампу, если во время их частых полетов им случается занестись в такое место, куда не достигает свет их фонарей.

Мне случалось видеть Зи, когда ее величественное, задумчивое лицо освещалось этою лучезарною короной, тогда мне казалось, что предо мною неземное существо, и я готов был преклониться в обожании этого чудного видения. Но ни разу еще в моем сердце не пробуждалось чувство земной любви к этому возвышенному идеалу женщины. Может быть, тут сказывалось и влияние гордости, свойственное мужчине моей расы, которое не допускает в нем проявления чувства любви к женщине, настолько превосходящей его во всех отношениях. Но какие чары могли заставить это удивительное создание, эту дочь высокой расы, достигшей такого недостижимого величия и смотревшей с таким презрением на все остальные человеческие племена, что могло побудить ее почтить меня своею склонностью? Хотя я считался довольно красивым между моими соотечественниками, но и красивейший из них показался бы ничтожным и пошлым рядом с мужчинами племени Вриль-я.

Новизна, самые особенности расы, выделявшие меня из среды других, как читатель увидит далее, могли подействовать на юную фантазию другой молодой Гай, едва вышедшей из своего детства и во всех отношениях стоявшей ниже Зи. Но всякий, следивший за моим слабым описанием необыкновенных качеств дочери Аф-Лина, легко поймет, что главная причина ее склонности ко мне заключалась в прирожденном ей стремлении к помощи, защите, к поддержке и, наконец, к возвышению до себя существа слабейшего. Оглядываясь назад, я могу объяснить только подобного рода побуждением эту единственную слабость, которую проявила одна из дочерей Вриль-я в своей привязанности к гостю ее отца. Но какова бы ни была причина этой привязанности, уже одно сознание, что я мог внушить ее такому недостижимому для меня во всех отношениях существу, наполняло меня нравственным ужасом; и к этому ужасу, я должен сознаться, к своему стыду, примешивалось и недостойное чувство страха перед теми опасностями, которым она меня подвергала.

Разве на одно мгновение можно было допустить мысль, чтобы ее родители и родственники могли посмотреть без негодования и омерзения на возможность союза между таким возвышенным существом и презренным Тишем? Конечно, но в их власти было наказать ее или удержать. Насилие одинаково немыслимо, как в их семейной, так и общественной жизни; но они могли прекратить ее увлечение одним взмахом направленного на меня жезла вриля.

Обуреваемый этими печальными мыслями, я все-таки сознавал, что совесть и честь моя не могли с этой стороны подвергнуться какому-либо нареканию. Моя прямая обязанность, если бы Зи продолжала обнаруживать свою склонность, была – сообщить обо всем моему хозяину, конечно, соблюдая при этом всю деликатность воспитанного человека. При этом я буду, по крайней мере, избавлен от всяких подозрений, что я разделяю чувства Зи; и мудрый ум моего хозяина, вероятно, укажет ему, как мне выпутаться из такого опасного положения. Приняв такое решение, я действовал под влиянием обыкновенных побуждений образованного и нравственного человека нашего общества, который, как ни заблуждается он, всегда, однако, поступает по совести, если только его склонности, личные выгоды и безопасность указывают ему именно такой образ действия.

XXI

Как уже, вероятно, заметил читатель, Аф-Лин не одобрял моих непосредственных сношений с его соотечественниками. Хотя он и полагался на мое обещание не сообщать никаких сведений о том мире, из которого я появился, а еще более на обещание других не задавать мне подобных вопросов (как было с Таэ), но он все же не был вполне уверен, что при свободном сношении с посторонними лицами, любопытство которых будет возбуждено моею наружностью, я не буду достаточно осторожен в своих ответах. Поэтому я никогда не выходил один; меня всегда сопровождали кто-нибудь из семейства хозяина или Таэ.

Жена Аф-Лина, Бра, редко выходила за пределы сада, окружающего его дом; она очень любила старинную литературу; ей нравился тот романтический элемент и большая доля фантазии, которым были проникнуты эти сочинения и которые отсутствовали в новейших книгах; ее привлекали говорившие ее воображению картины совершенно чуждой ей жизни, более похожей на нашу и, пожалуй, производившие на нее такое же впечатление, как арабские сказки на нас. Но любовь к чтению не отвлекала Бра от ее прямых обязанностей как хозяйки самого большого дома в городе. Каждый день она обходила весь дом и следила за тем, чтобы автоматы и другие домашние механические устройства были в полном порядке; немало забот она прилагала и к детям, занятым в доме Аф-Лина; она также просматривала все счета по его фермам и с особенным увлечением помогала Аф-Лину в его занятиях как заведующему освещением страны. Все эти занятия не позволяли ей почти выходить из дому. Два их сына оканчивали свое образование в коллегии ученых, старший, питавший склонность к механике, особенно же к устройству часовых механизмов и автоматов, решил посвятить себя этому делу и теперь был занят устройством лавки или склада, где бы он мог выставить и продавать свои изобретения. Младший предпочитал всему земледелие, и все свободное время от занятий в коллегии, где он изучал теорию сельского хозяйства, посвящал практическим работам на ферме своего отца. Из этого видно, насколько равенство установилось в этой стране. Аф-Лин считался самым богатым членом общины, и в то же время его старший сын, вместо какого другого, более видного занятия, предпочитал быть простым часовщиком, не возбуждая таким выбором ничье удивление.

Этот молодой человек очень заинтересовался моими часами, устройство которых было совершенно ново для него; и он был в восторге, когда я подарил их ему. Через несколько времени он ответил мне более ценным подарком в виде часов своей конструкции, которые одновременно показывали наше время и принятое у Вриль-я. Эти часы до сих пор у меня, и они вызывали удивление между лучшими часовщиками Лондона и Парижа. Они золотые, с алмазными стрелками и цифрами, и по прошествии каждого часа играют мелодию, весьма распространенную между Вриль-я, они заводятся только раз в десять месяцев и отличаются верностью. Так как оба молодых человека были заняты, то обычными спутниками в моих прогулках были мой хозяин или его дочь. Во исполнение раз принятого мною благородного решения, я теперь всячески старался уклониться от приглашений Зи на такие прогулки и, воспользовавшись удобным случаем, когда эта ученая Гай читала лекцию в коллегии ученых, обратился к моему хозяину с просьбою показать мне его ферму. Она находилась в некотором расстоянии от города, и так как Аф-Лин не любил ходить пешком, а я благоразумно отказался от всяких дальнейших попыток летания, то мы отправились к месту нашего назначения в одном из воздушных экипажей, принадлежавших моему хозяину. Он был сделан из какого-то чрезвычайно легкого материала и наружным видом походил на нашу лодку с румпелем и рулем, но снабженную большими крыльями, приводившимися в движение особым механизмом, действовавшим врилем. Восьмилетний мальчик сидел на руле; раскинувшись на мягких подушках внутри нашего воздушного экипажа, я находил этот способ передвижения весьма легким и приятным.

– Аф-Лин, – сказал я, – могу ли я просить твоего разрешения посетить некоторые из других общин вашего знаменитого племени? Мне хотелось бы также познакомиться и с другими народностями, которые не признают ваших учреждений и которых вы считаете дикими. Для меня представляет особый интерес уяснить себе разницу, существующую между ними и теми племенами на поверхности земли, которые мы признаем цивилизованными.

– Ты не можешь ехать один в эти места, – сказал Аф-Лин. – Даже между Вриль-я ты подвергаешься опасности. Особенности сложения и цвета кожи и щетинистая растительность на твоих щеках и подбородке, резко отличающие тебя от всех известных видов Ана не только между нами, но и среди варваров, сразу привлекут внимание коллегии ученых во всякой из посещенных тобою общин Вриль-я и дальнейшее решение вопроса, т. е. встретишь ли ты радушный прием, как у нас, или тебя подвергнут диссекции, будет уже зависеть от личного взгляда какого-нибудь ученого. Ты должен знать, что, когда Тур в первый раз привел тебя в свой дом, он собрал во время твоего сна совет ученых; и они разделились во мнении, принадлежишь ли ты к вредным или безвредным животным. Для разъяснения вопроса, во время твоего сна были исследованы твои зубы, и часть их обличала плотоядное животное. Все подобные животные твоего размера признаются у нас вредными и всегда истребляются. Наши зубы, как ты мог заметить, не плотоядной формы. Зи вместе с другими учеными утверждает, что в отдаленные времена, когда Ан еще питался мясом животных, его зубы были приспособлены для такой пищи. Но и допуская это, несомненно, что они совершенно изменились путем долгой наследственной передачи; даже самые необразованные народы, усвоившие себе дикое учреждение Глек-Наз, и те не питаются мясом, подобно кровожадным животным.

Во время диспута, возникшего между учеными, было решено подвергнуть тебя анатомическому исследованию; но Таэ вымолил тебе пощаду, и Тур, будучи, уже по своему официальному положению, противником всяких новых опытов, особенно в связи с уничтожением жизни (допускаемым у нас только в крайности), послал за мною. На моей обязанности, как самого богатого человека в общине, лежит прием путешественников из дальних стран; и мне предстояло решить вопрос, можно ли с безопасностью принять в свой дом подобного чужестранца. Если бы я отказался от этого, тебя передали бы в коллегии ученых, и о дальнейшей своей судьбе ты можешь сам догадаться. Кроме всего указанного мною, ты подвергаешься еще другой опасности во время путешествий; ты можешь встретиться с каким-нибудь четырехлетним ребенком, которому только что дали в руки жезл вриля и который, испугавшись твоего наружного вида, может моментально обратить тебя в пепел. Если бы его не удержал отец, Таэ, при первом свидании, также поступил бы с тобою. Поэтому я и говорю, что для тебя невозможно путешествовать одному; но вместе с Зи ты будешь в полной безопасности; и я уверен, что она согласится, если я ее попрошу, объехать с тобою некоторые из соседних общин Вриль-я. О поездках к диким народам, конечно, и думать нечего.

Так как главная моя цель была именно бежать общества Зи, то я воскликнул с поспешностью:

– Нет, не нужно просить ее! Я отказываюсь от своего намерения ввиду предстоящих опасностей. Да я полагаю, кроме того, вряд ли будет удобно, что бы столь привлекательная молодая Гай, как твоя очаровательная дочь, пустилась в такое опасное путешествие под защитой слабого Тиша.

Аф-Лин, прежде чем отвечать мне, издал какой-то слабый звук, отдаленно напоминавший наш смех:

– Я должен просить извинение моего гостя, что его серьезное замечание вызвало мой смех. Но мне показалось донельзя забавною идея, что Зи, вся отдавшаяся покровительству других и которую дети прозвали своею «защитницей», может нуждаться в охране от опасностей, вызванных поклонением мужчин. Ты должен знать, что наши Джай-и до своего замужества совершают постоянные путешествия между разными племенами Вриль-я с целью найти

Ана, который бы им понравился больше своих. Зи уже совершила три таких путешествия, но сердце ее до сих пор свободно.

Тут, по-видимому, представился удобный случай, которого я искал, и я сказал прерывающимся голосом:

– Простишь ли ты меня, мой добрый хозяин, если то, что я выскажу, оскорбит тебя?

– Говори только правду; и если она оскорбит меня, то извинения должны быть с моей стороны.

– Пособи мне уйти отсюда; как ни поражают меня все виденные здесь чудеса цивилизации, то блаженное существование, которого вы достигли... отпусти меня к моему народу!

– Вряд ли это будет возможно; и, во всяком случае, необходимо разрешение Тура, который вряд ли даст его. Ты не лишен понятливости; ты, может быть, скрыл от нас (хотя я и сомневаюсь в этом) те силы разрушения, которыми обладает твой народ; одним словом, ты можешь навести на нас опасность. Если Тур придет к такому заключению, его прямая обязанность или покончить с тобой, или запереть тебя на всю жизнь в железную клетку. Но что же заставляет тебя покинуть общество, которое, по твоим же словам, достигло высшего предела счастья?

– О Аф-Лин! Ответ мой будет прост. Я не хочу злоупотреблять твоим гостеприимством; если вследствие случайного каприза, и это зачастую бывает между нашими женщинами, и от него не всегда свободны и Джай-и, если твоя божественная дочь, почтила меня, Тиша, своим благосклонным вниманием... и... и...

– И желает вступить с тобой в брак? – добавил Аф-Лин, совершенно спокойно и без признака удивления.

– Ты сказал это.

– Да, это было бы несчастье, – продолжал мой хозяин, помолчав немного, – и ты поступил разумно, предупредив меня. Случается, как ты говоришь, что незамужняя Гай обнаруживает странные склонности; но не существует силы, которая могла бы заставить ее поступить против ее желания. Мы можем только убеждать ее, и опыт показал, что даже убеждения целой коллегии ученых ни к чему бы не привели, если вопрос касается предмета любви Гай. Мне жаль тебя, потому что брак будет противен А-Глауран, или общественному благу, и дети от такого союза будут способствовать к ухудшению расы; они даже могут появиться на свет с зубами плотоядных животных. Этого нельзя допустить; Зи, как Гай, удержать невозможно; но тебя, как Тиша, можно уничтожить. Я советую тебе всякими способами противостоять ее исканиям и прямо объявить, что ты не можешь отвечать на ее любовь. У нас постоянно бывают такие случаи. Ан часто избавляется от преследований влюбленной Гай тем, что женится на другой. Ты можешь поступить так же.

– Нет; потому что я не могу жениться на другой Гай, без вреда для общества и риска появления на свет плотоядного потомства.

– Это правда. Все, что я могу сказать – и я говорю это откровенно и с полным сочувствием к тебе, как моему гостю – остерегайся, или ты будешь превращен в пепел. Я предоставляю тебе самому выбрать лучший образ действия. Пожалуй, ты можешь сказать Зи, что она безобразна. Такого рода мнение, высказанное любимым существом, обыкновенно охлаждает самую пылкую Гай. Но вот и ферма.

XXII

Я должен сознаться, что мой разговор с Аф-Лином, и особенно то равнодушие, с которым он относился к грозившей мне опасности быть обращенным в пепел благодаря безумной любви его дочери, отравили все то удовольствие, которое иначе доставил бы мне обзор фермы моего хозяина с ее удивительными земледельческими машинами, заменившими здесь всякий ручной труд.

Внешний вид дома ничего не имел общего с массивным и несколько мрачным городским жилищем Аф-Лина, частью выдолбленным в скале, как и значительная часть всего города. Стены его состояли из посаженных на известном расстоянии деревьев, в промежутках между которыми были вставлены листы из полупрозрачного металлического вещества, заменяющего у них стекло. Деревья были покрыты цветами, что производило поразительный эффект. У дверей дома нас встретил автомат и проводил в комнату: нечто подобное, как сквозь сон иногда представлялось мне в моих грезах, когда мне случалось лежать летом в саду. Это был какой-то волшебный уголок – не то комната, не то сад; стены ее представляли одну массу выющихся растений, покрытых цветами. В пустые пространства между ними, заменяющие у них окна, открывались самые разнообразные виды: обширные ландшафты с озерами и скалами; другие вели в особые наружные пристройки, вроде наших оранжерей, утопающие в цветах.

По стенам комнаты шли цветочные клумбы с расставленными между ними низкими диванами. Посредине ее бил фонтан той самой светящейся, отливающей розовым цветом жидкости, о которой я уже упоминал; она наполняла комнату каким-то розовым полусветом. Все пространство вокруг фонтана было покрыто толстым слоем самого мягкого мха нежного коричневого цвета (зеленый цвет не встречался мне среди растительности этой страны), на котором глаз отдыхал с таким же чувством успокоения, как на зелени наших лугов. На цветах, в наружных верандах или оранжереях сидела масса поющих птиц, которые наполняли воздух самыми мелодическими звуками. Потолка в комнате не было. Вся эта сцена была полна разнообразной прелести, услаждавшей каждое чувство... пение птиц, аромат цветов, чудные виды повсюду. Она наводила чувство какого-то сладострастного покоя. Вот где можно, подумал я, провести очаровательный медовый месяц, если б Джай-и не были бы так страшны своими женскими правами и мужскою силою! Но когда я представлял себе такую высокую и такую ученую величественную Гай, превосходившую всякий доступный нам идеал женщины – одним словом, Зи... даже если бы не опасность быть превращенным в пепел... нет... и тогда в своей мечте я не мог вообразить ее вместе с собою, в этом уголке, созданном для поэзии любви.

В это время в комнате появился автомат и поставил перед нами один из тех чудесных напитков, которые заменяют вино между Вриль-я.

– Поистине, – сказал я, – это очаровательное жилище, и меня удивляет, отчего ты не поселишься здесь вместо мрачного города.

– Я отвечаю перед обществом за непрерывное освещение страны, и потому я должен жить в городе; сюда я могу приезжать только по временам.

– Но я понял из твоих слов, что эта довольно беспокойная должность не соединена ни с какими почестями; зачем же ты принял ее?

– Каждый из нас беспрекословно повинуетеся Туру. Он сказал: «Просят, чтобы Аф-Лин взял на себя заведывание освещением», – и мне ничего более не оставалось, как исполнить его желание; но, прослужив долгое время в этой должности, я привык к ее обязанностям, и они меня не тяготят. Нас создает привычка; даже различие нашей расы от дикарей является как бы долго передаваемой, укоренившейся привычкой, которая, путем такой наследственной передачи, делается частью нашей натуры. Ты видишь, что между нами находятся Аны, готовые примириться даже с обязанностью правителя; но, конечно, никто не пошел бы на эту долж-

ность, если бы беспрекословное повиновение просьбам Тура не облегчало исполнение этих обязанностей.

– Даже в том случае, если его просьбы неразумны или несправедливы?

– Нам никогда не приходит в голову подобная мысль; у нас все идет так, как будто мы управляемся издревле укоренившимся обычаем, и давление власти не чувствуется.

– Когда правитель умирает или отказывается от своей должности, как вы находите ему преемника?

– Ан, исполнявший в течение многих лет обязанности правителя, лучше всего может найти подходящего человека на эту должность, и большею частью он сам указывает своего преемника.

– Может быть, своего сына?

– Редко; потому что это не такая должность, которая привлекала бы много желающих; и, понятно, отец не пожелает насильствовать склонности своего сына. Но если Тур отказывается выбрать себе преемника, опасаясь возбудить неудовольствие того человека, на котором бы остановился его выбор, тогда трое из членов коллегии ученых бросают жребий, на кого из них падет обязанность сделать такой выбор. Мы вообще держимся того мнения, что ум одного Ана в таких случаях лучше трех, как бы они ни были мудры в отдельности; потому что между тремя наверное возникнут споры, а раз появился спор, страсти неизбежно отуманивают рассудок.

– Не падай духом, мой дорогой маленький гость; Зи не может заставить тебя жениться на себе. Она может только увлечь тебя. Поэтому будь осторожен. А теперь пойдем смотреть мое хозяйство.

Мы вошли в огороженное навесами пространство; хотя Ана и не употребляют в пищу мяса животных, но держат некоторые виды ради молока и шерсти. Они не имеют ни малейшего сходства с нашими коровами или овцами; и, сколько мне известно, подобных видов никогда не существовало на земле. Вриль-я пользуются молоком трех родов животных: первое похоже на антилопу, но значительно больше ее – почти с верблюда ростом; другие два меньше, и хотя разнятся между собою, но не имеют ничего общего ни с одним из виденных мною на земле животных. У них округленные формы и крайне нежная шерсть, цветом напоминающая пятнистого оленя; при этом большие, черные, кроткие глаза. Молоко этих трех пород животных различается по вкусу и густоте; его обыкновенно разбавляют водою и прибавляют к нему ароматический сок плодов какого-то растения; само по себе оно весьма питательно и вкусно. Животное, шерсть которого идет на одежду и имеет множество других применений, более всего походит на итальянскую козу, но свободно от того тяжелого запаха, который отличает последнюю. Шерсть его тонкая и длинная; цвет ее бывает разный, за исключением белого, но преобладает серый, с металлическим отливом и сиреневый. Для платья ее обыкновенно окрашивают по вкусу каждого. Эти животные были замечательно ручные и кроткие; за ними с удивительною нежностью и заботливостью ухаживали маленькие девочки.

Потом мы прошли по громадным амбарам, наполненным зерном и фруктами. Следует тут заметить, что главная пища этого народа заключается в зерне хлебного растения, колос которого походит на нашу пшеницу, но значительно больше и постоянно улучшается во вкусе благодаря непрерывной культуре; и в особом виде плода, величиною с небольшой апельсин, первоначально после сбора весьма твердого и отличающегося горьким вкусом. Его выдерживают в течение многих месяцев в кладовых; после чего он делается сочным и нежным; сок его, темно-красного цвета, составляет основание всех их приправ. У них много сортов плодов, похожих на наши оливки, из которых получают удивительные масла; здесь также встречается растение вроде сахарного тростника, но сок его менее сладок, хотя отличается чудным ароматом.

У них нет пчел и других производящих мед насекомых; но они пользуются сладким соком, вытекающим из ствола хвойного растения, похожего на араукарию. Огороды их изоби-

люют множеством сочных, вкусных овощей и корнеплодов, которые они доводят до высокой степени разнообразия и совершенства благодаря постоянной культуре. Я не помню ни одного раза, когда мне случалось участвовать в их еде, чтобы за столом не появлялось какой-нибудь новости из огородных овощей. Вообще, как уже было сказано, их кухня отличается такою изысканностью, разнообразием и питательностью, что при этом вовсе не ощущается недостатка мясной пищи; и их могучее телосложение достаточно показывает (по крайней мере, при их жизненной обстановке), что развитие мускульных фибр зависит не от одного питания мясом. У них нет винограда: освежительные напитки, приготовляемые ими из разных фруктов, не производят опьяняющего действия. Но их главный напиток все-таки вода, в выборе которой они чрезвычайно прихотливы, замечая малейший признак посторонней примеси.

– Мой младший сын очень интересуется вопросом об увеличении продуктивности наших полей, – сказал Аф-Лин в то время как мы проходили по разным амбарам и кладовым, – и потому он наследует все эти земли, которые составляют главную часть моего богатства. Моему старшему сыну такое наследие причинило бы только горе и беспокойство.

– Разве у вас много таких детей, для которых богатое наследство представляет одно огорчение?

– Без сомнения; большая часть Вриль-я считают богатство, выходящее из ряда обеспеченного благосостояния, тяжелым бременем для себя. Вообще, мы довольно ленивый народ после периода детства и стараемся избавиться от излишнего беспокойства, а богатство приносит с собою много забот. Благодаря ему мы делаемся намеченными кандидатами на общественные должности, от которых мы не можем отказаться. Богатство обязывает нас принимать постоянное участие в делах менее состоятельных из наших соотечественников, чтобы вовремя предупредить их нужды и не допустить их до бедности. Одна старинная наша пословица говорит: «Нужда бедного – стыд богатого...»

– Извини, что я прерву тебя на один момент; ты, следовательно, допускаешь, что и среди Вриль-я встречаются такие, которые знакомы с нуждой и требуют помощи?

– Если под словом нужда ты подразумеваешь нищету, господствующую в вашем обществе, то она невозможна у нас; разве только при условии, чтобы Ан каким-нибудь невероятным образом уничтожил все свои средства к существованию, не может или не хочет эмигрировать и отказывается от помощи своих родных и друзей.

– И в таком случае он занимает место ребенка или автомата, то есть делается рабочим или слугой?

– Нет; мы тогда считаем его несчастным, лишившимся рассудка, и помещаем на средства общины в особое публичное учреждение, где он бывает окружен всевозможными удобствами и роскошью, чтобы, насколько возможно, смягчить постигшее его горе. Но Ану крайне неприятно, когда его считают сумасшедшим; и подобные случаи бывают столь редки, что упомянутое общественное учреждение представляет теперь одни заброшенные развалины. Последнего из его обитателей, как припоминаю, я видел в своем детстве. Он не считал себя помешанным и писал стихи. Говоря о нуждах, я подразумеваю такие потребности, превышающие его средства, которые могут явиться у Ана, например желание завести дорогих певчих птиц или большой дом, загородный сад; очевидный способ для удовлетворения его желаний в таких случаях – это покупка у него тех его продуктов, которые он желает продать. Поэтому подобные мне, богатые Ана обязаны покупать множество ненужных им вещей и жить на широкую ногу, хотя бы они предпочитали скромный образ жизни.

Например, мой большой дом в городе составляет источник постоянных забот и беспокойств для моей жены и даже для меня; но я обязан жить в таком обширном помещении, потому что, в качестве самого богатого члена общины, я обязан принимать всех приезжающих к нам из других обществ; два раза в год происходят большие съезды таких лиц в моем доме, куда стекаются и многие родственники их из разных племен Вриль-я; и я устраиваю при этом

несколько больших празднеств. Такое обширное гостеприимство совсем не по моим вкусам, и поэтому я предпочел бы быть беднее. Но мы все должны нести свое бремя в течение этого краткого промежутка времени, который мы называем жизнью. Да и что значат сто лет, более или менее, сравнительно с теми веками, которые нас ожидают впереди? К счастью, один из моих сыновей любит богатство. Это редкое между нами исключение, и я даже сам не знаю, как объяснить его.

После этого я сделал попытку опять навести разговор на предмет, столь близкий моему сердцу: как мне избавиться от преследований Зи. Но хозяин мой вежливо уклонился от этой темы и пригласил меня следовать за ним в воздушную лодку. На обратном пути нас встретила Зи; не видя меня дома по возвращении из коллегии ученых, она полетела в поиски за нами.

Когда она увидела меня, ее величавое лицо осветилось улыбкою и, держась на своих распростертых крыльях, рядом с нашею лодкою, она сказала с упреком Аф-Лину:

– Отец, как ты мог рисковать жизнью своего гостя в таком непривычном для него положении? Одного неосторожного движения было бы для него достаточно, чтобы упасть; и увы! – у него нет наших крыльев. Упасть отсюда для него – верная смерть.

– Милый мой! – продолжала она, обращаясь с нежностью ко мне. – Неужели ты не подумал обо мне, рискуя столь дорогой для меня жизнью? Обещай мне никогда не пускаться в такие поездки без меня. Как ты напугал меня!

Я бросил тревожный взгляд на Аф-Лина в надежде, что он по крайней мере даст строгий выговор своей дочери за такие несдержанные выражения, которые у нас на земле считались бы положительно неприличными в устах девицы, иначе как в обращении к своему жениху.

Но Аф-Лину, видимо, и в голову не приходило ничего подобного. Так твердо установлены права женщины в этой стране, и особенно – право первого любовного объяснения. Он правду говорил, что обычай у них составляет все.

Аф-Лин только сказал спокойным тоном:

– Зи, никакая опасность не угрожала Тишу; и мне кажется, он сам сумеет побереечь себя.

– Я желаю, чтобы он предоставил эту заботу мне. О жизнь моя! Только при мысли о твоей опасности я почувствовала впервые, как я люблю тебя!

Вряд ли кому приходилось испытать такое неловкое положение! Эти слова были произнесены Зи громко, так что их слышал ее отец и ребенок, правивший рулем. Я покраснел от стыда за нее и не мог удержаться от сердитого ответа:

– Зи, ты смеешься надо мною, гостем твоего отца, что недостойно тебя, если же слова твои серьезны, то крайне неприлично для молодой Гай обращаться в таких выражениях даже к Ану ее племени, если ее родители не дали согласия на их брак. Еще хуже того, если они обращены к Тишу, который не смел бы подумать о твоей любви и который не может питать к тебе иных чувств, кроме почтения и трепета.

Аф-Лин одобрительно кивнул мне головой, но не произнес ни одного слова.

– Как ты жесток! – воскликнула Зи громким голосом. – Разве можно сдерживать порыв истинной любви? Разве незамужняя Гай скрывает когда-нибудь чувство, которое только возвышает ее? Какая непонятная страна – твоя родина!

Тут Аф-Лин сказал с большою мягкостью:

– Между Тишами права вашего пола еще не признаны всеми, и, во всяком случае, моему гостю будет удобнее продолжать этот разговор без присутствия других лиц.

На это замечание Зи ничего не ответила и, бросив на меня нежный, укоризненный взгляд, полетела по направлению к дому.

– Я надеялся, – сказал я с горечью, – что мой хозяин пособит мне выйти из той опасности, которой меня подвергает его собственная дочь.

– Я сделал все, что мог. Всякое противоречие Гай в ее любви только усиливает ее настойчивость. В этих делах они не допускают никакого вмешательства.

XXIII

По выходе из воздушной лодки Аф-Лина встретил ребенок, который передал ему приглашение присутствовать при погребении родственника, покинувшего этот подземный мир.

Я еще ни разу не видел погребения или кладбища у этого народа и, кроме того, был рад случаю отдалить свидание с Зи, поэтому я просил позволения Аф-Лина сопровождать его на похороны его родственника, если только присутствие чужестранца при подобной священной церемонии не было противно их обычаям.

– Переселение Ана в лучший мир, – отвечал мой хозяин, – особенно если он прожил так долго в этом, как мой родственник, представляется скорее тихим радостным торжеством, чем священной церемонией; а потому ты можешь сопутствовать мне, если желаешь.

Следуя за ребенком, мы скоро вошли в один из домов на главной улице; нас провели в большую комнату нижнего этажа, где на кровати, окруженное родными, лежало тело умершего. Это был старик, проживший, как мне говорили, более 130 лет. Судя по спокойной улыбке на его лице, он умер без всяких страданий. Старший сын, бывший теперь главою семейства и имевший бодрый вид человека среднего возраста, хотя ему было за семьдесят лет, подошел к Аф-Лину и сказал с радостным выражением в лице:

– За день до своей смерти отец мой видел во сне свою покойную Гай, его сердце было полно стремления скорее соединиться с нею и возродиться к новой жизни, озаренной улыбкою Всеблагого.

Пока они разговаривали, я обратил внимание на какой-то темный, по-видимому, металлический предмет в дальнем конце комнаты. Он был около двадцати футов в длину, узкий и плотно закрытый со всех сторон, кроме двух круглых отверстий в крыше, через которые просвечивало красное пламя. Из внутренности его распространялся запах ароматического курения; и пока я ломал голову о назначении этого таинственного прибора, в городе раздался мелодический бой механизмов, обозначающих время дня; когда они затихли, в комнате и за пределами ее полились мягкие звуки какого-то торжественного радостного хора, с которым слились и голоса присутствующих. Слова их гимна отличались своею простотой. Они не выражали горести или прощания, но скорее приветствовали тот новый мир, в который перешел умерший. На их языке самый погребальный гимн называется «песнь рождения». После того тело, обвитое длинным покровом, было бережно поднято шестью из ближайших родственников, и они понесли его к описанному мною темному предмету. Я подошел ближе, чтобы следить за происходившим. Находившаяся в конце его откидная дверь открылась, и тело было осторожно положено внутрь; дверь опять закрылась; кто-то прикоснулся к пружине, находившейся сбоку; послышался какой-то тихий шипящий звук, и через мгновение в открывшуюся крышку с другого конца, высыпалась не более горсти пепла, упавшего в заранее подставленную патеру⁹. Старший сын поднял ее и произнес обычные в таких случаях слова:

– Преклонитесь пред величием Творца! Он дал форму, жизнь и душу этой кучке пепла. Он возродит к новой жизни покинувшего нас, с которым мы скоро увидимся.

Каждый из присутствующих склонил голову и приложил руку к сердцу. После того маленькая девочка открыла дверь в стене, и я увидел нишу с полками, на которых уже стояло множество таких патер, но снабженных крышками. С такою же крышкою в руках теперь подошла Гай и плотно накрыла ею маленькую вазу. На крышке было вырезано имя умершего и следующие слова: «Дан нам» (следовало время рождения) и «Отозван от нас» (и время смерти).

Дверь в стене закрылась, и все было кончено.

---

⁹ Patera – чаша, употребляемая для хранения пепла трупов умерших, предаваемых сожжению. (Прим. пер.)

XXIV

– И это, – сказал я, пораженный виденной мною сценой, – ваша обычная форма погребения?

– Наша неизменная форма, – отвечал Аф-Лин...

На меня действует успокоительно самая мысль, что воспоминание о близком мне существе сохраняется в пределах моего дома. Мы как бы чувствуем, что жизнь его продолжается, хотя и в невидимой форме. Но наше чувство в этом случае, как и во всем прочем, создается привычкой. Ни один разумный Ан, как и ни одно разумное общество, не решится на перемену укоренившегося обычая, не обсудив ранее все его последствия и не убедившись в необходимости такой перемены. Только при подобных условиях такой перемене не грозит опасность превратиться в легкомысленную переменчивость, и раз сделанная, она уже стоит потом твердо.

Когда мы возвратились, Аф-Лин позвал некоторых из находящихся у него в доме детей и разослал их между своими родными и друзьями с приглашением на праздник, устраиваемый в его доме во время вольных часов дня по случаю отозвания Всеблагим его родственника. Это было самое многолюдное и оживленное собрание из виденных мною во время моего пребывания между Ана, и оно затянулось до поздних часов времени отдыха.

Пир был устроен в громадной зале, служившей только для подобных торжеств. Обстановка его разнилась от наших банкетов и скорее походила на роскошные пиршества времен Римской империи. Гости сидели не за одним общим столом, но отдельными группами за небольшими столами, по восьми за каждым. Здесь считается, что при большем числе собеседников ослабевают разговор и пропадает оживление. Хотя Ана никогда громко не смеются, как я уже заметил, но шум веселых голосов за разными столами доказывал оживление гостей. Так как они не употребляют опьяняющих напитков и весьма умеренны (хотя и крайне изысканны) в пище, то самый пир не был продолжителен. Столы исчезли сами собою, и затем следовала музыка для любителей; многие, однако, покинули залу: некоторые из молодежи поднялись на своих крыльях (крыши здесь не было) и со свойственным им весельем предались своим грациозным воздушным танцам; другие разбрелись по разным комнатам, рассматривая собранные в них редкости, или занялись разными играми; любимую их была довольно сложная игра, похожая на шахматы, в которой принимали участие восемь человек. Я ходил между толпою; но мне не удавалось вступить в разговор, потому что все время меня не покидали тот или другой из сыновей моего хозяина, которым было поручено наблюдать, чтобы меня не беспокоили излишними вопросами. Но гости вообще мало обращали на меня внимания, они уже пригляделись ко мне на улицах, и наружность моя перестала привлекать всеобщее любопытство.

К моему большому облегчению, Зи избегала меня и, видимо, старалась возбудить мою ревность заметною любезностью с одним красивым молодым Аном, который (хотя и отвечал ей с тою скромностью, которая отличает молодых девиц наших образованных стран, кроме Англии и Америки) был, видимо, очарован этой величавой Гай и готов был проронить робкое «да», если бы она сделала признание. Утешая себя надеждою, что она поступит так, и еще более проникнутый отвращением к «обращению в пепел» (особенно после созерцания адского процесса, моментально превращавшего человеческое тело в горсть золы), я развлекал себя наблюдением нравов окружавшей меня молодежи. Все убеждало меня, что не одна Зи пользовалась драгоценнейшею из привилегий, принадлежавших здесь ее полу. Все, что только я видел и слышал, несомненно показывало, что здесь Гай ухаживает за предметом своей страсти; между тем как Ан, со всею кокетливою скромностью нашей молодой барышни, является более пассивною стороною. Оба из моих спутников неоднократно подвергались таким чарующим нападениям во время нашей прогулки, и оба вышли с достоинством из своего искуса.

Я обратился к старшему, который предпочитал занятия механикой управлению большим имением и отличался философским направлением ума, и сказал:

– Я просто не в силах понять, как при твоей молодости и при всей этой чарующей обстановке звуков, света и ароматов цветов ты можешь оставаться равнодушным к этой любящей молодой Гай, которая только что оставила нас со слезами на глазах, вызванными твоею холодностью.

– Любезный Тиш, – отвечал мне со вздохом молодой Ан, – нет большего несчастья в жизни, как жениться на какой-нибудь Гай, в то время как любишь другую.

– Так ты влюблен в другую?

– Увы! Да.

– И она не отвечает на твою любовь?

– Я не знаю. Иногда ее взгляд, тон голоса... дает мне надежду; но она ни разу не сказала, что любит меня.

– А разве ты сам не можешь шепнуть ей на ухо, что любишь ее?

– Что ты! Откуда ты явился к нам? Разве я могу так унижить достоинство моего пола? Разве я могу до такой степени позабыть, что я мужчина... забыть всякий стыд и первому признаться Гай в любви!

– Прошу извинить меня: я не подозревал, что скромность вашего пола доходит до такого предела. Но разве никогда не случалось Ану первому объясниться в любви?

– Я не могу отрицать этого; но если и бывали такие случаи, то Ан чувствовал себя опозоренным в глазах других, да и Джай-и относились к нему после того со скрытым презрением. Ни одна хорошо воспитанная Гай не стала бы разговаривать с ним; так как, по ее мнению, он нарушил права ее пола и в то же время уронил свое достоинство мужчины.

Все это еще тем досаднее, – продолжал молодой человек, – что она ни за кем не ухаживает и мне кажется, что я ей нравлюсь. Иногда мне приходит подозрение, что ее удерживает боязнь слишком подчиниться моим требованиям. Но если это так, то она не может искренно любить меня; потому что если Гай полюбит кого, она забывает о всех своих правах.

– Здесь ли эта Гай?

– Как же. Вот она разговаривает с моею матерью.

Я посмотрел в указанном направлении и увидел молодую Гай, одетую в ярко-пунцовый цвет, что у них обозначает предпочтение девической жизни. Если Гай одевается в серые или нейтральные цвета, то значит, она ищет себе супруга; в темно-пурпуровый – если выбор уже сделан. Пурпуровый и оранжевый цвета носят замужние и невесты; светло-голубой обозначает разведенную жену или вдову, которая не прочь вторично выйти замуж. Конечно, голубой цвет встречается очень редко. Среди народа, вообще отличавшегося своею красотою, трудно найти выдающиеся в этом отношении личности. Избранная моего друга по красоте принадлежала к среднему уровню; но что мне особенно понравилось в ее лице – это отсутствие выражения того сознания своих прав и своей силы, которым отличались лица других молодых Гай. Я заметил, что во время разговора с Бра она иногда бросала взгляды по направлению моего молодого приятеля.

– Утешься, – сказал ему я, – эта молодая Гай любит тебя.

– Но какая же мне от того выгода, если она ничего не говорит?

– Знает ли твоя мать об этой привязанности?

– Может быть. Я никогда не говорил ей об этом. Было бы недостойно мужчины сделать свою мать поверенною такой слабости. Впрочем, я говорил отцу; может быть, он передал ей.

– Не позволишь ли ты мне на минуту оставить тебя и подслушать разговор твоей матери и возлюбленной. Я уверен, что они говорят о тебе. Не бойся. Я обещаю, что не допущу никого до расспросов.

Молодой Ан положил руку на сердце, в то время как другою прикоснулся к моей голове и позволил мне уйти от него. Я незаметно подошел к его матери и молодой Гай и, остановившись позади их, стал прислушиваться к их разговору.

– В этом не может быть сомнения, – говорила Бра, – или мой сын будет вовлечен в брак одною из его многочисленных поклонниц, или он присоединится к эмигрантам, и мы навсегда лишимся его. Если ты в самом деле любишь его, милая Лу, отчего же ты не скажешь ему.

– Я люблю его, Бра; но я боюсь, что мне не удастся сохранить его любовь. Он так увлечен своими изобретениями и часовыми механизмами; а я не такая умная, как Зи, и не могу войти в его любимые занятия; он соскучится со мною и через три года разведется... я не могу выйти за другого... никогда.

– Нет надобности быть знакомым с устройством часов, чтобы составить счастье Ана, хотя бы и увлекающегося этим занятием; тогда он скорее бросит свои часы, чем разведется со своей Гай.

Видишь ли, милая Лу, – продолжала эта почтенная женщина, – мы господствуем над ними, потому что мы сильнейший пол, только не следует показывать этого. Если бы ты превосходила моего сына в искусстве устройства часов и автоматов, тебе как жене никогда не следовало бы показывать этого. Ан охотно признает превосходство своей жены во всем, кроме излюбленного им занятия. Но если бы она стала выказывать равнодушное презрение к его искусству, он, наверное, охладел бы к ней; может быть, даже развелся с нею. Когда любовь Гай искренна, она скоро научится любить и все то, что правится ее мужу.

Молодая Гай ничего не отвечала на это. Несколько времени она оставалась в задумчивости; потом на ее лице появилась улыбка, она встала и подошла к влюбленному в нее молодому Ану. Я незаметно следовал за нею, но остановился в некотором расстоянии в созерцании этой сцены. К моему удивлению (пока я не вспомнил о кокетливых приемах, отличающих в таких случаях Ана), влюбленный отвечал на ее любезности с напускным равнодушием. Он даже отошел от нее; но она следовала за ним, и вскоре после того оба развернули свои крылья и унеслись в освещенное пространство.

Как раз в это время меня встретил правитель страны, ходивший в толпе других гостей. Я еще ни разу не видел его после моего первого появления в его владениях; и при воспоминании о тех колебаниях, которые он (по словам Аф-Лина) обнаружил при этом, относительно анатомического исследования моего тела, я невольно почувствовал холодную дрожь при взгляде на его спокойное лицо.

– Мой сын Таэ много рассказывает мне о тебе, чужестранец, – вежливо приветствовал он меня, положив свою руку на мою голову. – Он очень полюбил тебя, и я надеюсь, что тебе понравились обычаи нашего народа.

Я пробормотал несколько неразборчивых слов, с выражением благодарности за доброту Тура и моего восхищения страной; но мелькнувшее в моем воображении лезвие анатомического ножа сковало мой язык.

– Друг моего брата должен быть дорог и мне, – произнес чей-то нежный голос, и, подняв глаза, я увидел молодую Гай, лет шестнадцати на вид, стоявшую около Тура и смотревшую весьма благосклонно на меня. Она еще не достигла полного роста и едва была выше меня; должно быть, благодаря этому обстоятельству она показалась мне самою привлекательною из всех здесь виденных мною представительниц ее пола. Вероятно, нечто подобное сказалось в моих глазах; потому что выражение ее лица стало еще благосклоннее.

– Таэ говорит мне, – продолжала она, – что ты еще не привык к употреблению крыльев. Я сожалею об этом, потому что желала бы летать с тобою.

– Увы, – отвечал я, – это счастье недоступно для меня. Зи говорит, что пользование крыльями у вас наследственный дар и что потребуется много поколений, прежде чем кто-либо из моей бедной расы может уподобиться птице в ее полете.

– Это не должно слишком огорчать тебя, – отвечала эта любезная принцесса, – потому что настанет время, когда и нам с Зи придется покинуть наши крылья. Может быть, когда придет этот день, мы обе были бы рады, если бы избранный нами Ан не мог пользоваться своими.

Тур теперь оставил нас и скрылся в толпе гостей. Я почувствовал себя свободнее с очаровательной сестрой Таэ и даже удивил ее неожиданностью моего комплимента «что вряд ли найдется Ан, способный воспользоваться своими крыльями, чтобы улететь от нее». Говорить любезности Гай, пока она не призналась в своей любви и не получила согласие на брак, до того противно обычаю, укоренившемуся между Ана, что молодая девица после моей фразы в течение нескольких секунд не могла выговорить ни одного слова от изумления. Наконец, придя в себя, она пригласила меня пройти, где было свободнее, и послушать пение птиц. Я последовал за нею, и она привела меня в маленькую комнату, где почти никого не было. Посредине ее бил фонтан, кругом были расставлены низкие диваны, и одна из стен комнаты открывалась в оранжерею, откуда доносились очаровательные звуки птичьего хора. Мы сели на одном из диванов.

– Таэ говорит мне, – сказала она, – что Аф-Лин взял обещание, чтобы никто в этом доме не расспрашивал тебя о твоей стране и зачем ты посетил нас. Так ли это?

– Это правда.

– Могу ли я, не нарушая данного слова, узнать, все ли Джай-и в твоей стране имеют такие же бледные лица, как у тебя, и выше ли они тебя ростом?

– Я думаю, прелестная Гай, что с моей стороны не будет нарушением данного слова, если я отвечу на такой невинный вопрос. Джай-и на моей родине еще блее меня и по крайней мере на голову ниже ростом.

– Поэтому они должны быть слабее Ана в вашей стране. Но, вероятно, они в большей степени владеют силами вриля?

– Они не пользуются силами вриля в том виде, как они известны между вами. Но власть их, тем не менее, очень велика, и только Ан, более или менее подчиняющийся своей Гай, может рассчитывать на спокойную жизнь.

– Ты говоришь с чувством, – сказала сестра Таэ, с каким-то сожалением в голосе. – Ты, конечно, женат?

– Нет.

– И не обручен?

– И не обручен.

– Неужто ни одна Гай не сделала тебе признания?

– В моей стране в таких случаях первым говорит Ан.

– Какое непонятное извращение законов природы! – воскликнула молодая девица. – Какой недостаток скромности между вашим полом! Но разве ты сам никогда не делал признания, никогда не любил одну Гай более других?

Я почувствовал крайнее затруднение от таких наивных вопросов и сказал:

– Прости меня; но мне кажется, что мы уже нарушаем слово, данное Аф-Лину. Вот все, что я могу ответить тебе, и молю тебя не спрашивать меня более. Я действительно раз сделал такое признание, и сама Гай была согласна; но не согласилась ее родители.

– Родители! Неужто ты думаешь, я поверю, чтобы родители могли препятствовать выбору своих дочерей?

– Могут и часто препятствуют.

– Я не желала бы жить в такой стране, – сказала простодушно Гай, – но я надеюсь, что и ты никогда не вернешься туда.

Я опустил в молчании голову. Гай приподняла ее своей правой рукой и с нежностью посмотрела в мои глаза.

– Останься с нами, – сказала она, – останься, и будь любим.

Не знаю, что бы я отвечал; я трепещу при мысли о той опасности – превращения в пепел, – которая теперь уже, несомненно, грозила мне, когда тень крыльев упала на сверкающую струю фонтана и Зи внезапно спустилась около нас. Она не произнесла ни одного слова, но, схватив меня за руку, увлекла за собою, как мать своего непокорного ребенка, через целый ряд комнат в коридор, откуда на элеваторе мы поднялись в мою комнату. Когда мы вошли в нее, Зи подула в мое лицо, прикоснулась своим жезлом к моей груди, и я погрузился в глубокий сон.

Когда я проснулся несколько часов спустя и услышал пение птиц в соседнем авиарии, мне живо припомнилась сестра Таэ, с ее нежными словами и ласкающим взглядом; и тут, благодаря нашему воспитанию, которое с самого раннего возраста вкореняет в нас идеи честолюбия и мелкого тщеславия, я невольно стал строить самые фантастические, воздушные замки.

«Хотя я и Тиш, – так складывались мои мысли, – ясно, что не одна Зи очарована моей наружностью. Очевидно, меня любит принцесса, первая девица в стране, дочь самодержавного монарха, которому они для вида только дают название выборного правителя. Если бы не помешала эта ужасная Зи, дочь короля, наверное, сделала бы мне формальное предложение своей руки. Пусть Аф-Лин, занимающий только подчиненную должность, грозит мне смертью, если я приму руку его дочери; но одного слова этого неограниченного владыки Тура будет достаточно, чтобы уничтожить их бессмысленный обычай, воспреещающий браки с чуждою расою, который является таким противоречием с их хваленою равноправностью.

Трудно допустить, чтобы дочь Тура, только что выражавшаяся с таким презрением о вмешательстве родителей, не имела достаточного влияния на своего отца, чтобы спасти меня от сожжения, которым грозит мне Аф-Лин. И раз я породнюсь с монархом... что помешает ему избрать меня своим преемником. Почему же нет?.. Немногие из его изнеженных ученых прельстятся этою тяжелою обязанностью; и, может быть, для них будет даже приятно видеть высшую власть в руках чужестранца, знакомого с более подвижными формами общественной жизни. Если только меня выберут... каких реформ я ни введу! Какое оживление я могу внести в эту приятную, но слишком монотонную жизнь, благодаря моему знакомству с обычаями цивилизованных народов! Я большой любитель охоты; после войны какая же форма развлечения для монарха достойнее ее? Какое обилие и разнообразие дичи в этом подземном царстве! Что может сравниться с интересом такой охоты за допотопными существами? Но как? Неужто при помощи этого ужасного вриля, который даже недоступен мне. Нет, мы приспособим заряжающуюся с казны винтовку, которая может быть значительно усовершенствована здешними искусными механиками; да я и видел такую – в музее древностей. Как неограниченный монарх, я искореню употребление вриля, оставив его только для военных целей.

Кстати, вспомнив о войне... неужели такой способный, богатый и хорошо вооруженный народ должен ограничиться жалкою территорией, способной прокормить только десять или двенадцать тысяч семей. Разве подобное стеснение не есть только результат философских фантазий, противных основным стремлениям человеческой природы, и в попытках к осуществлению которых у нас на земле уже потерпел такую неудачу покойный м-р Роберт Оуэн. Конечно, я не начну войны с соседними нациями, которые также хорошо вооружены, как и мои подданные; но ведь остается множество народов, незнакомых с употреблением вриля, демократические учреждения которых, по-видимому, очень похожи на политическую систему моих соотечественников. Нисколько не раздражая союзных племен Вриль-я, я могу вторгнуться в страну этих народов и завладеть их обширными территориями... громадными пространствами... может быть, до крайних известных пределов земли... и я буду царить над империею, в которой никогда не заходит солнце (в своем увлечении я даже позабыл, что в этом подземном царстве вовсе нет солнца). Что же касается до фантастического понятия, будто слава и знаменитость, составляющие между нами неоспоримый удел выдающегося деятеля, разжигают страсти и борьбу и способствуют к нарушению благ мира и тишины, то это дикое понятие рас-

ходится с основными элементами не только человеческой, но и животной природы, потому что самое приручение животного возможно только под влиянием похвалы и соревнования. Какая же слава ждет повелителя, завоевавшего целую империю! Я сделаюсь для них полубогом.

Что касается до другого фантастического понятия, что жизнь их во всем должна сходиться с учениями их веры (мы тоже отчасти признаем это, но принимаем в соображение разные исключаяющие обстоятельства), то под влиянием просвещенной философии я решил искоренить это языческое, проникнутое суеверием учение, стоящее в таком противоречии с современными движениями мысли и практической жизни.

Занятый этими разнообразными проектами, я подумал, как бы хорошо было теперь выпить для прояснения мыслей хороший стакан грога. Хотя я и не любитель крепких напитков, но бывают моменты, когда небольшое количество алкоголя вместе с сигарою оживляют воображение. Конечно, между их плодами и фруктами найдутся такие, из которых можно получить великолепное вино; также, какую вкусную, сочную котлету можно вырезать из этого откормленного подземного оленя (какая бессмыслица – отвергать мясную пищу, значение которой признается нашими первыми докторами)... при такой обстановке можно приятно провести лишний час за обедом. Вот также эти скучные устарелые нравы, разыгрываемые их детьми; когда я буду царствовать, я непременно введу у них оперу и балет, для которого, наверное, можно найти среди покоренных наций подходящих молодых женщин, умеренного роста и без таких внушительных мускулов, как у их Джай-и, не угрожающих врилем и не требующих, чтобы на них непременно женились».

Я до того погрузился в созерцание этих реформ – общественных, политических и нравственных, – которыми я думал облагодетельствовать этот подземный народ, незнакомый с благами нашей цивилизации, что и не заметил вошедшей Зи, когда ее глубокий вздох обратил мое внимание и я увидел ее возле своей кровати.

По обычаю этого народа, Гай, нисколько не нарушая приличий, может посетить Ана в его комнате, хотя обратное считалось бы крайне нескромным поступком со стороны последнего. К счастью, я был совершенно одет... в том самом виде, как Зи уложила меня на постель. Но все же я был неприятно поражен ее посещением и грубо спросил, что ей от меня нужно.

– Умоляю тебя, не сердись, мой возлюбленный, – сказала она, – потому что я сильно страдаю! Я не спала с тех пор, как мы расстались с тобою.

– Одного сознания твоего возмутительного поступка с гостем твоего отца было бы вполне достаточно для этого. Где же была та привязанность, которую ты высказывала мне; где ваша хваленая мягкость обращения, когда, злоупотребляя ни с чем не сообразной силой своего пола, ты унизила меня в присутствии всех гостей, в присутствии ее высочества, дочери вашего правителя, я хотел сказать, и уложила меня в постель, точно капризного ребенка?

– Неблагодарный! Ты упрекаешь меня за то самое, в чем я проявила мою любовь? Неужели ты думаешь, что даже совершенно свободная от того чувства ревности, которое исчезает в блаженном сознании обладания сердцем любимого существа, что я могла быть равнодушным свидетелем той опасности, которой ты подвергался, благодаря необдуманному поступку этого глупого ребенка?

– Остановись! Раз ты коснулась опасностей, я должен сказать, что самая большая из них грозила мне, если бы я отвечал на твою любовь. Твой отец прямо объявил мне, что в этом случае смерть моя была бы так же неизбежна, как истребление гигантской ящерицы, которую Таэ обратил в пепел одним взмахом своего жезла.

– Неужели это охладило твое сердце! – воскликнула Зи, она опустилась на колени возле меня и взяла мою правую руку. – Это правда, что такой брак, как между людьми одной расы, невозможен между нами; наша любовь должна быть так же чиста, как у двух любящих сердец, соединяющихся в загробной жизни. Но разве не довольно счастья быть всегда вместе, в тесном союзе сердца и мысли? Слушай: я только что оставила моего отца. Он соглашается на наш союз

при таких условиях. Я пользуюсь достаточным влиянием в коллегии ученых, чтобы через них испросить невмешательство Тура в свободный выбор Гай, если ее брак с чужеземцем будет только союзом душ. Разве для истинной любви недостаточно такого чистого союза? Сердце мое рвется к тебе не для одной этой жизни, где я буду делить с тобою все ее радости и печали: я предлагаю тебе вечный союз, в мире бессмертных духов. Разве ты отринешь меня?

В то время как она говорила, ее лицо совершенно изменилось; отчасти строгое выражение его исчезло, и эти чудные человеческие черты сияли теперь почти небесной красотой. Но она скорее наводила на меня трепет как ангел, пред которым я готов был преклониться, и не могла пробудить во мне тех чувств, которых требовало сердце женщины. После неловкого молчания, длившегося несколько моментов, я стал высказывать ей мое чувство благодарности и в уклончивых выражениях, соблюдая всякую деликатность, старался дать ей понять всю унижительность моего положения между ее соотечественниками как мужа, лишённого права быть отцом.

– Но мир, – сказала Зи, – не ограничивается одною нашею общиною или племенем Вриль-я. Ради тебя я готова покинуть мою страну и мой народ. Мы улетим с тобою в какую-нибудь отдаленную страну, где ты будешь в полной безопасности. У меня хватит силы, чтобы перенести тебя на моих крыльях через все дикие пустыни, которые нам встретятся на пути. Я сумею пробить долину среди скал для постройки нашего жилища, где ты один заменишь для меня целый мир. Но, может быть, ты непременно хочешь возвратиться в твой дикий мир, с его непостоянным климатом, освещаемый его переменчивыми светилами? Только скажи мне слово, и я открою тебе обратный путь; и там я буду верною подругою твоего сердца, пока мы не соединимся в том вечном мире, где нет ни смерти, ни разлуки.

Я был до глубины души тронут этим страстным выражением самой чистой, искренней любви, этим нежным голосом, доходившим до глубины сердца. На мгновение мне казалось, что я мог бы воспользоваться могуществом Зи для своего возвращения на поверхность земли. Но самого краткого размышления было достаточно, что бы показать всю низость такого поступка в возврат за всю ее бесконечную преданность; я увлекался это удивительное существо из родного дома, где меня принимали с таким радушием, в чуждый и ненавистный ей мир; и разве ради этой возвышенной духовной любви я в силах был навсегда отказаться от привязанности более близкой мне по природе земной женщины. Но, думая о Зи, я не должен был забывать при этом и о той расе, к которой я принадлежал по рождению.

Разве я мог ввести в наш мир существо, обладающее такими могучими, почти сверхъестественными силами, которое одним взмахом своего жезла могло обратить в пепел целый Нью-Йорк со всеми его удивительными учреждениями? Да кроме той опасности, которая в лице ее угрожала бы целому миру, разве я сам мог быть уверен в своей личной безопасности с такою подругою, в случае какой-либо перемены в ее привязанности или малейшего повода к ее ревности. Все эти мысли быстро пронеслись в моей голове и послужили основанием моего ответа.

– Зи, – сказал я с чувством, прижимая ее руку к своим губам, – у меня нет слов, чтобы высказать, как я тронут, как я почтен твоей высокой самоотверженной любовью. Я отвечу тебе с полною искренностью. У каждого народа свои обычаи. Обычай твоего народа не позволяет тебе быть моею женою; точно так же, по условиям нашей жизни, я не могу вступить в подобный союз. С другой стороны, хотя я и не лишен известного мужества при встрече со знакомыми мне опасностями, но я без ужаса не могу себе представить того брачного жилища, о котором ты говорила... среди вечного хаоса борющихся между собою стихий... огня, воды, удушающих газов... в постоянной опасности быть съеденным какой-нибудь гигантской ящерицей. Я, слабый Тиш, недостойн любви Гай столь высокой, мудрой и могучей, как ты. Да, я недостойн этой любви, потому что я не могу отвечать на нее.

Зи оставила мою руку, встала и отвернулась, чтобы скрыть свое волнение; она сделала несколько шагов к выходу и остановилась на пороге. Внезапно какая-то новая мысль поразила ее; она вернулась ко мне и сказала шепотом:

– Ты сказал мне, что слова твои искренны. Так ответь мне совершенно искренно на этот вопрос. Если ты не можешь любить меня, не любишь ли ты другую?

– Никого.

– Ты не любишь сестру Таэ?

– Я в первый раз видел ее вчера.

– Это не ответ. Любовь быстрее вриля. Ты колеблешься сказать мне. Не думай, что только одна ревность побуждает меня предостеречь тебя. Если дочь Тура признается тебе в любви... если она, по своей необдуманности, скажет своему отцу, что ты отвечаешь ей, он должен немедленно истребить тебя; это его прямая обязанность; потому что благо общества не допускает, чтобы дочь Вриль-я вступила в брак с сыном Тиша (если это не один духовный союз). Увы! Тогда уже для тебя нет спасенья. У нее не хватит сил, чтобы унести тебя на своих крыльях; у нее нет тех знаний, чтобы устроить ваше жилище в пустыне. Верь мне, что это предостережение вызвано только моею дружбою, а не ревностью.

С этими словами Зи оставила меня. И с ее уходом разлетелись в прах все мои мечты о троне Вриль-я, а также и о всех тех политических и социальных реформах, которыми я хотел благодетельствовать эту страну в качестве ее неограниченного государя.

XXV

После описанного разговора с Зи я впал в глубокую меланхолию. Тот интерес, который возбуждали во мне жизнь и обычаи этого удивительного общества, совершенно пропал. Меня теперь постоянно преследовала мысль, что я нахожусь среди народа, который, при всей своей внешней доброте ко мне и мягкости, во всякую минуту и без малейшего колебания может подвергнуть меня смерти. Добродетельная и мирная жизнь этих людей, вначале казавшаяся мне столь привлекательною, по сравнению с бурными страстями и волнениями нашего мира, теперь удручала меня своей скукою и однообразием. Даже ясная тишина этой, вечно освещенной, атмосферы способствовала к упадку моего духа. Я жаждал какой-нибудь перемены, все равно – будь то зима, буря, мрак. Я начинал сознавать, что мы, смертные, населяющие верхний мир, как ни мечтаем мы об усовершенствовании человека, как ни стремимся мы к высшей, более справедливой и мирной жизни, не подготовлены для того, чтобы долго наслаждаться тем самым счастьем, которое составляет наш идеал.

Общественное устройство Вриль-я было весьма характерно в том отношении, что здесь было соединено в одном гармоническом целом все то, к чему стремились разные философы нашего мира и что они представляли людям в своих утопиях будущего человеческого счастья. Это было общество, незнакомое с войной и всеми ее ужасами; общество, где была обеспечена полнейшая свобода всех и каждого, без проявления той вражды, которая у нас составляет неизбежное следствие борьбы партий, добивающихся этой свободы. Равенство здесь было не одним пустым звуком: оно действительно существовало. Богатство не преследовалось, потому что не возбуждало зависти. Громадный вопрос о труде, до сих пор считающийся у нас неразрешимым и ведущий к ожесточенной борьбе между классами, здесь был разрешен самым простым образом: упразднением рабочих как отдельного класса общества.

Удивительные механизмы, приводимые в движение новой силой, по своему могуществу и легкости управления далеко превосходившей все результаты, полученные нами от применения пара или электричества, под надзором детей, нисколько не утомлявшихся этой работой, скорее похожей для них на игры и развлечения... всего этого оказывалось достаточным, чтобы создать народное богатство, которое исключительно применялось к осуществлению общественного блага. Для развития пороков наших больших городов здесь не было почвы. Развлечений было множество; но все они были самого невинного характера. Увеселения не приводили к пьянству, буйствам и болезни. Любовь здесь существовала самая пылкая; но раз было достигнуто обладание любимым предметом, верность ее никогда не нарушалась. Разврат представлялся таким небывалым явлением в этом обществе, что слова для обозначения разных его видов приходилось искать в забытой литературе, существовавшей несколько тысяч лет тому назад. Всем, знакомым с нашими философскими и социальными науками, хорошо известно, что многие из приведенных здесь уклонений от обычаев цивилизованной жизни, представляют только воплощение идей, давно известных, осмеянных одними и горячо защищаемых другими; причем они частью были испробованы и еще чаще облекались в форму фантастических книг, но до сих пор не получили практического применения в жизни.

Описываемое общество сделало несколько других крупных шагов на пути к тому совершенствованию, о котором мечтали наши мыслители. Декарт был убежден, что жизнь человеческая может быть продолжена до так называемого возраста патриархов, и определял ее от ста до ста пятидесяти лет. И они не только достигли осуществления этой мечты великого мыслителя, но даже превзошли ее; потому что люди сохраняли здесь всю бодрость среднего возраста даже за пределами ста лет. С этим долголетием было соединено еще большее благо – постоянное здоровье. Все встречавшиеся между ними болезни легко поддавались целебному действию открытой ими силы природы, как разрушающей, так и восстанавливающей жизнь, известной у

них под именем вриля. Эта идея уже отчасти известна у нас на земле в виде разнообразных лечебных применений электричества и животного магнетизма, хотя ею много злоупотребляют легковверные энтузиасты и шарлатаны. Не распространяясь о сравнительно легком применении крыльев к летанию (подобные попытки с древних времен известны каждому школьнику), я перехожу теперь к самому чувствительному вопросу, от разрешения которого, судя по мнениям, высказанным за последнее время, со стороны двух самых влиятельных и беспокойных элементов нашего общества – женщин и философов, – зависит все дальнейшее счастье рода человеческого. Я подразумеваю женский вопрос.

Многие юристы допускают, что всякие разговоры о правах при отсутствии достаточной силы, чтобы отстоять их, являются одним из видов празднословия; и у нас на земле мужчина, по той или другой причине обладающий большею физическою силою, а также лучше владеющий оружием, как оборонительным, так и наступательным, если дело доходит до личной борьбы, в большинстве случаев может одолеть женщину. Но среди этого народа не может быть вопроса о правах женщин уже потому только, что Гай выше и сильнее своего Ана; к тому же, обладая в большей степени способностью сосредоточения воли, необходимой для полного проявления действия вриля, она вдобавок может еще подвергать его могучему влиянию этой силы, почерпнутой из самой природы. Поэтому все, что требуют наши передовые женщины для своего пола, в этом счастливом обществе уже неотъемлемо принадлежит им по праву сильного. Кроме такого физического превосходства, Джай-и (по крайней мере в молодости) превосходят мужчин и в своем стремлении к научному образованию; и из них состоит большая часть ученых, профессоров – одним словом, самая образованная часть общества.

Конечно, при таком общественном строе женщина (как я уже показывал) удержала за собою и самую главную привилегию – инициативу в выборе мужа. Без нее она, пожалуй, отказалась бы и от всех других. У меня являются не вполне безосновательные опасения, что если б и у нас на земле женщина обладала такими необыкновенными преимуществами, то, взяв себе мужа, она, пожалуй, обращалась бы с ним с крайним самовластием и тиранством. Не так поступали Джай-и: раз выйдя замуж и повесив свои крылья, они обращались в самых милых, покорных и нежных жен, забывающих о своих преимуществах и всеми силами старающихся угодить своему супругу; одним словом, превосходили все, что только могло создать пылкое воображение поэта в его картинах супружеского благополучия.

Перехожу к последней характеристической черте Вриль-я, отличающей их от нас и наиболее повлиявшей на сохранение мира и тишины в их общественной жизни, – это всеобщее между ними убеждение в существовании милосердного Божества и будущей жизни, перед которой их настоящее существование кажется столь кратковременным, что им просто жаль тратить его на помыслы о богатстве, власти и силе. С этим убеждением у них неразрывно связано другое: что им доступно только понятие о необъятной доброте этого Божества и невыразимом блаженстве будущей жизни, что делает невозможными всякие богословские диспуты по поводу неразрешимых в сущности вопросов. Таким образом, этому подземному обществу удалось достигнуть того, чего еще не достигала ни одна из существующих стран, озаренных солнцем: счастья и утешения, доставляемых религиею, при полном отсутствии всех тех зол и бедствий, которые обыкновенно сопровождают религиозную борьбу.

На основании всего этого следует признать, что жизнь Вриль-я, взятая в целом, несравненно счастливее нашей, на поверхности земли; и, представляя собою осуществление самых смелых идей наших филантропов, почти приближается к понятию о высших существах. Но, если бы взять тысячу из самых лучших и развитых граждан Лондона, Парижа, Нью-Йорка и даже Бостона и посадить их в это удивительное общество, я уверен, что менее чем через год они или умрут от скуки, или сделают попытку революции, направленной против общественного блага, и по просьбе Тура будут обращены в пепел.

Конечно, у меня в мыслях не было путем этого рассказа бросить какую-либо тень на расу, к которой я принадлежу по рождению. Напротив, я старался выяснить, что принципы, на которых держится общественный строй Вриль-я, не допускают появления тех великих исключений, которые украшают наши летописи. Где не существует войны, не может быть Аннибала, Вашингтона или Джексона; где общественное благополучие и всеобщий мир не допускают каких либо перемен или опасений, не могут явиться Демосфен, Вебстер или Сомнер; где общество достигает такого нравственного уровня, что в нем не существует ни горя, ни преступлений, из которых трагедия или комедия могли бы почерпнуть свои материалы, там не может быть ни Шекспира, ни Мольера, ни Бичер-Стоу. Но если у меня нет желания бросить камнем в моих ближних, показывая, насколько побуждения, вызывающие чувства энергии и самолюбия в обществе, установленном на началах борьбы и соревнования, исчезают в среде, задавленной мыслью достигнуть всеобщего покоя и благополучия, отчасти напоминающих жизнь неземных существ, тем менее я стремлюсь представить общину Вриль-я, как идеальную форму того политического устройства, к достижению которого должны быть направлены все наши усилия и все реформы.

Напротив, в течение многих веков характер нашей расы сложился в такую форму, при которой нам немислимо приспособить себя, со всеми нашими страстями, к образу жизни Вриль-я. И я пришел к убеждению, что этот народ, хотя он первоначально произошел от общих с нами предков и, судя по сохранившимся у них книгам и по их истории, прошел чрез все знакомые нам фазы общественного устройства, но путем постепенного развития превратился в другую, чуждую нам расу, слияние которой с существующими на земле обществами никогда не будет возможно. И если они когда-нибудь, как гласит их собственное предание, выйдут из-под земли на свет солнца, то они неизбежно должны истребить и заместить собою все существующие человеческие племена.

Можно еще допустить, пожалуй, что если Вриль-я и покажутся на поверхности земли, то мы избегнем окончательного истребления путем смешанных браков, благодаря той склонности, которую их Джай-и (как то было в моем случае) оказывают представителям нашей расы. Но на это мало надежды. Примеры такого *mesalliance* будут также редки, как браки между англо-саксонскими эмигрантами и краснокожими индейцами. Да и недостаточно будет времени, чтобы могли установиться сношения между обоими племенами. Прельщенные видом нашего неба, озаренного солнцем, Вриль-я, конечно, захотят поселиться на поверхности земли, и дело истребления начнется немедленно, так как они захватят возделанные территории и уничтожат все население, которое будет противиться им. Если Вриль-я первоначально появятся в свободной Америке (и в этом не может быть сомнения, потому что их, конечно, привлечет эта избранная часть земного шара) и объявят жителям: «мы занимаем эту часть земли, граждане Кум-Поша, очищайте место для развития высшей расы Вриль-я!» – то, конечно, мои дорогие соотечественники, известные своей задорной храбростью, вступят с ними в борьбу, и по прошествии недели не останется ни одной души под славным знаменем со звездами и полосами.

Теперь я мало встречался с Зи, за исключением того дня, когда все семейство собиралось за столом, и тут она была крайне сдержанна и молчалива. Мои опасения, возбужденные ее склонностью ко мне, теперь исчезли, но уныние все-таки не покидало меня. Меня одолевало страстное желание выбраться на поверхность земли; но, как я ни ломал голову, все подобные попытки ни к чему бы не привели, меня никуда не пускали одного; так что я не мог дойти до места моего первого спуска и посмотреть, не представлялось ли возможности подняться в рудник. Даже в тихие часы, когда весь дом был погружен в сон, я не в состоянии был спуститься из моей комнаты, помещавшейся в верхнем этаже. Я не умел повелевать автоматами, которые, как бы издеваясь надо мною, неподвижно стояли около ближайшей стены; я был также незнаком с устройством механизма элеватора. Все это намеренно держали от меня в тайне. О, если б я только владел крыльями, доступными здесь каждому ребенку! Я вылетел бы из окна, пере-

несся бы к той скале с расщелиною, и тут, невзирая на ее отвесные бока, крылья пособили бы мне выбраться на землю.

XXVI

Однажды я сидел, задумавшись, в моей комнате, когда в окно влетел Таэ и сел около меня на диване. Я всегда был рад посещениям этого ребенка, так как в его обществе я чувствовал себя менее подавленным их высшим умом и развитием, чем с взрослыми Ана. Как уже было говорено, мне позволяли гулять с ним, и, желая воспользоваться этим, чтобы обозреть место моего спуска, я предложил ему пройти за город. Мне показалось, что лицо его было серьезнее обыкновенного, когда он отвечал:

– Я нарочно здесь, чтобы пригласить тебя со мною.

Мы скоро очутились на улице и еще не успели далеко пройти от дому, когда встретились с целой группой молодых Джай-и, возвращавшихся с полей с корзинами, наполненными цветами, и певших хором. Молодая Гай чаще поет, чем говорит. Они остановились и заговорили с нами, обращаясь ко мне с тою почти галантною любезностью, которая отличает Джай-и в их обращении с нашим, здесь более слабым полом.

Во время этого разговора нас увидела из верхних окон дома ее отца сестра Таэ и, устремившись на своих крыльях с этой высоты, опустилась посреди нас. Она прямо обратилась ко мне с довольно неуместным вопросом:

– Отчего ты никогда не приходишь к нам?

Пока я собирался ей ответить, Таэ быстро сказал с выражением строгости:

– Сестра, ты забываешь, что чужестранец принадлежит к моему полу и ему неприлично унижать свое достоинство в погоне за обществом Гай.

Этот ответ видимо произвел хорошее впечатление на прочих, но бедная сестра Таэ была сильно сконфужена.

В это время какая-то тень упала между мною и стоявшею против меня группой; повернув голову, я увидел правителя, приближающегося к нам тою мерною величавою походкою, которая отличает Вриль-я. При взгляде на его лицо меня охватил тот же ужас, который я испытал при своей первой встрече с ним. В этих глазах, во всем выражении лица скрывалось что-то необъяснимое, враждебное нашей расе; в нем был и ясный покой, и сознание высшей силы, спокойной и непреклонной, как у судьи, изрекающего свой приговор. По всему моему телу пробежала дрожь; поклонившись ему, я взял за руку моего друга-ребенка и хотел продолжать путь. Тур остановился на одно мгновение перед нами и безмолвно посмотрел на меня; потом он перевел взгляд на свою дочь, и с приветствием, обращенным к ней и другим Гай, прошел далее через их группу, не сказав ни одного слова.

XXVII

Когда мы с Таэ очутились одни на большой дороге, лежавшей между городом и тою расщелиною в скале, через которую я спустился в этот мир, я сказал ему почти шепотом:

– Дитя, меня привело в ужас лицо твоего отца. Я точно прочел в нем свой смертный приговор.

Таэ не отвечал мне сразу. Он, по-видимому, испытывал беспокойство и как будто подыскивал слова, чтобы сообщить мне неприятное известие. Наконец он сказал:

– Никто из Вриль-я не боится смерти. А ты?

– Ужас смерти свойствен всей моей расе. Мы можем побороть его под влиянием чувства долга, чести или любви. Мы можем умереть за правду, за родину, за тех, которые нам дороже себя. Но если смерть действительно угрожает мне, то где же здесь те причины, которые могли бы победить этот естественный ужас человека при наступлении того рокового момента, когда тело отделяется от души?

Таэ посмотрел на меня с изумлением, но глаза его светились нежностью, когда он отвечал:

– Я передам твои слова моему отцу. Я буду молить его пощадить твою жизнь.

– Значит, он уже решил уничтожить ее?

– В этом виновато безумие моей сестры, – произнес Таэ с некоторым раздражением. – Она говорила с ним сегодня утром; после этого он позвал меня, как старшего из детей, которым поручено истребление всего, что грозит общественному благу, и сказал: «Таэ, возьми твой жезл вриля и найди дорогого тебе чужестранца. Смерть его должна быть легкая и быстрая».

– И ты, – воскликнул я, отпрянув с ужасом от ребенка, – и ты предательски заманил меня на прогулку, с целью убийства? Я не в силах поверить этому. Я не считаю тебя способным на такое ужасное преступление!

– Истребить то, что вредит обществу, – не преступление. Вот было бы преступлением убить какое-нибудь безвредное насекомое.

– Если ты этим хочешь сказать, что я угрожаю обществу, потому что твоя сестра оказывает мне такого же рода предпочтение, как ребенок, увлекающей его игрушке, то еще нет надобности из-за этого убивать меня. Дай мне возможность возвратиться к моему народу тем же путем, по которому я спустился к вам; ты можешь теперь же пособить мне в этом. Тебе стоит только подняться на твоих крыльях в расщелину и укрепить к выступу скалы конец той самой веревки, которую ты здесь нашел и которая, вероятно, у вас сохранилась. Сделай только это; пособи мне добраться до того места, откуда я спустился; и вы более не увидите меня, как будто я никогда не существовал!

– Расщелина, по которой ты спустился? Взгляни наверх; мы как раз стоим под тем самым местом, где она была. Что же ты видишь? Одну сплошную скалу. Она была уничтожена по распоряжению Аф-Лина, как только он узнал от тебя о природе покинутого тобою мира. Ты помнишь, когда Зи воспретила мне всякие расспросы о тебе самом и о твоём племени? В тот же день Аф-Лин сказал мне: «Между родиной чужестранца и нами не должно быть никакого сообщения, иначе все то горе и зло, которыми полна эта страна, проникнут к нам. Возьми с собою других детей и громите вашими жезлами свод пещеры, пока осколки камня не заполнят малейшей трещины».

При последних словах, произнесенных ребенком, я бросил отчаянный взгляд на свод пещеры. Предо мною подымались громадные гранитные массы, носившие еще следы расколов; от основания до верху – один сплошной каменный свод без признаков малейшей щели или отверстия.

– Последняя надежда пропала, – прошептал я, опускаясь на землю, – и я более не увижу солнца.

Я закрыл лицо руками и стал молиться Тому, чье присутствие я так часто забывал среди Его творений. Теперь я сознавал Его и в недрах земли. Наконец я поднял голову... молитва успокоила меня... и я сказал ребенку:

– Если тебе велено убить меня, я готов... рази!

Таэ тихо покачал головою.

– Нет, – сказал он, – решение моего отца не бесповоротно. Я буду говорить с ним, и, может быть, мне удастся тебя спасти. Мне странно видеть, что ты боишься смерти; мы думали, что это только инстинкт низших созданий, которые лишены сознания о другой жизни. Самый маленький ребенок между нами не знает такого страха.

Скажи мне, мой дорогой Тиш, – продолжал он, после минутного молчания, – будет ли для тебя легче переход от этой жизни в другую, если я буду сопутствовать тебе? Если это так, то я спрошу отца, разрешается ли мне следовать за тобою. Когда я вырасту, мне предстоит вместе с другими эмигрировать в новую неизвестную страну, я готов теперь же уйти с тобой в неизвестные страны другого мира. Всеблагой присутствует и там. Где Его нет?

– Дитя, – сказал я, увидев по его лицу, что он говорит серьезно, – убивая меня, ты делаешь преступление; я сделаю не меньшее, если скажу: «убей себя». Всеблагой дает нам жизнь и Сам отнимает ее, когда приходит время. Теперь вернемся назад. Если отец твой останется при своем решении, постарайся заранее предупредить меня, чтобы я мог подготовиться к смерти.

На обратном пути в город разговор наш часто прерывался. Мы не в состоянии были понимать друг друга; идя рядом с этим прелестным ребенком с его мягким голосом и чудным лицом, я все-таки не мог подавить в себе впечатления, что я направляюсь к месту казни со своим палачом.

XXVIII

Среди ночи, или тех часов, которые посвящены отдыху у Вриль-я, в то время, как я только что стал забываться во сне, меня разбудило прикосновение чьей-то руки к моему плечу; я проснулся и увидел Зи, стоявшую около моей кровати.

– Тише, – прошептала она, – никто не должен слышать нас. Неужели ты думаешь, что я перестала заботиться о твоей безопасности, потому что ты не отвечал на мою любовь? Я видела Таэ. Он не имел успеха у своего отца, который ранее (как всегда он делает в затруднительных случаях) совещался с тремя членами ученой коллегии и, по их совету, приговорил тебя к смерти с наступлением дня. Я спасу тебя. Вставай и одевайся.

Она указала на стол около кровати, где лежало то платье, которое было на мне при спуске в подземный мир и которое я потом заменил более живописным костюмом Вриль-я. Пока я одевался, полный невыразимого удивления, она стояла на балконе. Когда я присоединился к ней, она взяла меня за руку и сказала тихим голосом:

– Видишь, как благодаря искусству Вриль-я сияет обитаемый ими мир. Завтра он будет полон одного мрака для меня.

Потом, не дожидаясь моего ответа, она повела меня из моей комнаты в коридор, откуда мы спустились в выходной зал. Мы шли по опустелым улицам и скоро достигли той большой дороги, которая извивалась у подножия гор. Здесь, где не существует ни дня, ни ночи, эти тихие часы полны особой торжественности: в этом громадном пространстве, освещенном искусством человека, не было заметно малейшего признака человеческой жизни. Как ни тихо ступали мы, звук наших шагов неприятно поражал мой слух: он был дисгармонией с окружающей нас тишиной. Я решил в своем уме, что Зи хочет содействовать к моему возвращению на поверхность земли и что мы идем к тому месту, откуда я к ним спускался. Молчание ее действовало заразительно и на меня. В полной тишине мы подошли к месту бывшей расщелины в скале. Она была возобновлена, хотя уже представляла теперь другой вид; в громадном каменном своде, под которым я недавно стоял с Таэ, было пробито новое отверстие, обугленные бока которого местами еще дымились и сверкали искрами. Но зрению моему была доступна только небольшая часть этой громадной, зиявшей мраком пустоты, и я не мог себе представить, каким способом я могу совершить этот ужасный подъем.

Зи угадала мои мысли.

– Не бойся, – сказала она с тихой улыбкой, – твое возвращение обеспечено. С самого наступления тихих часов, когда все погрузилось в сон, я начала эту работу: будь уверен, что я не оставила ее, пока не был открыт тебе свободный путь в верхний мир. Я еще пробуду с тобой несколько времени. Мы не расстанемся, пока ты не скажешь: «Иди, ты мне не нужна более».

Я был тронут до глубины сердца этими словами.

– О! Если бы мы были с тобой одного племени, – воскликнул я, – никогда не сказал бы я: «Ты мне не нужна более!»

– Я благословляю тебя за эти слова и буду помнить их, когда мы расстанемся, – сказала с нежностью Гай.

В то время как мы обменивались этими словами, Зи стояла, отвернувшись от меня, и голова ее была опущена на грудь. Теперь она остановилась передо мной, выпрямившись во весь рост. Она зажгла прикосновением жезла вриля диадему с опалами, бывшую на ее голове, и она сияла теперь, как звездная корона. Не только ее лицо и фигура, но и все пространство вокруг нее были освещены блестящими лучами, исходящими от этой диадемы.

– Теперь, – сказала она, – обними меня... в первый и в последний раз. Вот так; держись за меня крепко и не бойся.

При этих словах громадные крылья раскрылись, грудь ее расширилась, и, крепко обняв ее, я стал подниматься в этой ужасной пропасти. Ровно, спокойно, окруженная ясным сиянием, подобно ангелу, уносившему из могилы в своих объятиях человеческую душу, летела Гай. Наконец до меня стали доноситься слабые звуки человеческих голосов и человеческого труда. Мы остановились в одной из галерей рудника; вдали, в наполнявшем ее мраке, слабо мерцали лампы рудокопов. Тут я опустил мои руки. Гай нежно поцеловала меня в лоб и сказала, в то время как слезы выступили у нее на глазах:

– Прощай навсегда. Ты не захотел, чтобы я последовала в твой мир; тебе нельзя было остаться в моем. К тому времени, как проснется наш дом, эти скалы сомкнутся опять; я более не открою их... может, так они и останутся... на множество веков. Думай иногда обо мне. Когда кончится эта краткая жизнь, я буду ждать встречи с тобой.

Голос ее замолк. Я слышал удаляющийся шум ее крыльев и видел, как постепенно исчезал во мраке бездны светлый луч ее диадемы.

Несколько времени сидел я в глубокой задумчивости; наконец я поднялся и тихо пошел в том направлении, откуда слышались человеческие голоса. Попавшиеся мне навстречу рудокопы были иностранцы; они с изумлением посмотрели на меня; но, видя, что я не понимаю их языка, принялись за свою работу и больше не обращали на меня внимания. Одним словом, почти без дальнейших задержек мне удалось выбраться из шахты. На пути я встретил одного из знакомых мне штейгеров; но он был очень занят и потому не задерживал меня. Конечно, я не показался на свою старую квартиру и поспешил оставить это место, где я не мог бы избежать многих затруднительных расспросов.

Я благополучно вернулся на родину, где окончательно поселился и занялся делами; три года тому назад, вполне обеспеченный, я оставил свои занятия. За все это время мне редко приходилось распространяться о путешествиях и приключениях моей юности. Разочарованный, как и большинство между нами, в своей семейной жизни, я часто, сидя один вечером, вспоминаю о молодой Гай и удивляюсь, как я мог отвергнуть такую любовь, несмотря на все ее опасности и стеснительные условия. Но чем более я думаю об этом народе, продолжающем свое развитие в этом неведомом нашим ученым подземном мире, со всеми открытыми ими новыми применениями грозных сил природы, с их удивительным общественным строем, с их добродетелями и обычаями, которые все более и более расходятся с нашими, по мере движения нашей цивилизации, тем в больший я прихожу ужас. И только молю Творца, чтобы прошли еще многие века, прежде чем эти будущие истребители нашего племени появятся на поверхности земли.

Мой доктор как-то откровенно высказал мне, что я подвержен неизлечимой болезни сердца, от которой без всяких предварительных страданий я могу неожиданно умереть. Поэтому я считал своим долгом оставить моим близким это письменное предостережение о «Грядущей расе».

Эдвард Беллами Через сто лет

Предисловие

*Историческое отделение
Шоумет-колледжа в Бостоне
28 декабря 2000 года*

Для нас, живущих в последнем году двадцатого столетия и пользующихся благами общественного строя, который до того прост и логичен, что кажется лишь торжеством здравого смысла, для нас, без сомнения, трудно представить себе, что современный порядок вещей в своей законченности не старше одного столетия. Но, как известно доподлинно, еще в конце XIX столетия все верили в то, что прежней индустриальной системе со всеми ее дурными последствиями суждено было, разве только при некоторого рода незначительных улучшениях, продолжаться до скончания веков. Крайне странным и почти невероятным кажется, что столь удивительный нравственный и материальный переворот, как установившийся с тех пор, мог совершиться в столь короткий период времени. Не служит ли это самым разительным доказательством той легкости, с какой люди привыкают, как к естественному ходу вещей, к улучшениям в своем положении, которое раньше казалось им не оставляющим желать ничего лучшего. Это соображение всего ярче способно умерить восторги новаторов, рассчитывающих на живейшую благодарность грядущих поколений.

Цель моей книги – помочь тем, кто желал бы составить себе определенное понятие о контрастах между XIX и XX столетиями, но избегает сухости исторических трактатов, посвященных этому предмету. Зная по опыту учителя, что сухое изучение предмета считается утомительным, автор постарался смягчить назидательный тон книги, облекши его в форму романа, который, как он полагает, небезынтересен сам по себе, безотносительно.

Читатель, для которого наши новейшие учреждения и положенные в основу их принципы являются вполне в порядке вещей, может признать иногда разъяснения доктора Лита слишком обыденными; но надо помнить, что гостю доктора Лита эти учреждения не казались такими; к тому же книга эта написана с явной целью заставить читателя позабыть о том, что они известны и ему.

Еще одно слово. Почти всеобщей темой писателей и ораторов, прославившихся в эту двухтысячелетнюю эпоху, бывало грядущее, а не прошедшее; не прогресс, который уже достигнут, а прогресс, какого желательно достигнуть, стремясь вперед и вперед до тех пор, пока род человеческий не завершит своего неисповедимого назначения. Это отлично; но мне кажется, что для смелых гаданий о человеческом развитии в последующем тысячелетии нигде не найдется более прочной основы, как в ретроспективном взгляде на прогресс последнего столетия.

В надежде, что этой книге посчастливится найти читателей, интерес которых к избранной мною теме заставит их снисходительно смотреть на недостатки в моем изложении, я отхожу в сторону и предоставляю мистеру Юлиану Весту говорить самому за себя.

Э. Беллами

Глава I

Я родился в Бостоне в 1857 году.

– Что-о! В 1857 году? – скажет почтенный читатель. – Это явная обмолвка. Конечно, он разумеет 1957 год.

– Прошу извинения, но это вовсе не ошибка. Около 4 часов пополудни 26 декабря, на второй день Рождества в 1857-м, а не в 1957 году, впервые пахнуло на меня бостонским восточным ветром, который, могу уверить читателя, и в те времена отличался тою же резкостью, как и в нынешнем 2000 году.

Если прибавить еще, что и по наружности мне не более тридцати лет, то приведенная справка о моем рождении каждому, наверное, покажется настолько нелепой, что никого нельзя было бы осудить за нежелание дальше читать книгу, которая обещает быть таким посягательством на легкоеверие читателя. Тем не менее, однако, я совершенно серьезно заверяю читателя, что вовсе не намерен его вводить в заблуждение и постараюсь вполне убедить его в этом, если он подарит мне еще несколько минут внимания. Затем, если мне не возбраняется допустить предположение Беллами с обязательством доказать его, что мне лучше читателя известно время моего рождения, я буду продолжать свой рассказ. Всякий школьник знает, что к концу XIX века не существовало ни такой цивилизации, как теперь, ни чего-либо подобного ей, хотя элементы, из которых она развилась, и тогда уже были в брожении. Ничто, однако, не изменило существовавшего с незапамятных времен разделения общества на четыре класса или – как удобнее их было бы назвать – нации. И действительно, классы общества различались между собою гораздо резче, нежели любые из современных наций, а именно делились на богатых и бедных, образованных и невежд. Я сам был богат и тоже образован и, следовательно, обладал всеми условиями для счастья, каким пользовались в те времена в большинстве случаев одни баловни судьбы. Я жил в роскоши и гонялся только за приманками и приятностями жизни. Средства для собственного содержания я получал от труда других, хотя взамен этого сам не оплачивал никому ни малейшей услугой. Родители и предки мои жили точно так же, и я ожидал, что и потомки мои, если бы я их имел, должны наслаждаться таким же легким существованием.

Читатель спросит, пожалуй, как же я мог жить, не оказывая никому ни малейшей услуги? С какой стати люди должны были поддерживать в туеядстве того, кто в состоянии приносить пользу? Ответ очень простой. Прадед мой скопил такую сумму денег, на которую жили потомки его. Конечно, ложно подумать, что сумма эта была очень большой, если не иссякла от содержания трех ничего не делавших поколений. Но это не так. Первоначально сумма эта не была велика. Фактически она стала гораздо значительнее, сравнительно с первоначальным размером ее, после того как ею поддерживались три поколения в туеядстве. Эта тайна потребления без истребления, теплоты без горения кажется почти чародейством. Но тут не было ничего иного, кроме ловкого применения искусства, которое, к счастью, теперь уже исчезло, но предками нашими практиковалось с большим совершенством, именно искусства взваливать бремя собственного существования на плечи других. Кто постигал его – а это было целью, к которой стремились все, – тот жил, как говорили тогда, процентами со своего капитала. Было бы слишком утомительно останавливаться здесь на объяснении того, каким образом старая организация общества делала это возможным. Замечу только, что проценты с капитала являлись своего рода постоянным налогом, который взимался с продуктов промышленного труда в пользу лиц, так или иначе обладавших деньгами. Нельзя предположить, чтоб учреждение, по нашим современным воззрениям, столь неестественное и нелепое, никогда не подвергалось критике нашими предками. Напротив, с давних времен законодатели и пророки постоянно стремились уничтожить проценты или, по крайней мере, низвести их до возможного минимума. Но все

эти стремления оставались безуспешными, как это и было вполне естественно до тех пор, пока царила старая социальная организация. В то время, о котором я пишу, в конце XIX века, правительства большей частью отказались вообще от попытки урегулировать данный предмет.

Чтобы дать читателю общее понятие о способе и образе совместной жизни людей того времени, я ничего лучшего не могу сделать, как сравнить тогдашнее общество с исполинской каретой, в которую впряжена масса людей для того, чтоб тащить ее по очень холмистой и песчаной дороге. Возницей был голод, и он не позволял отставать, хотя вперед продвигались по необходимости очень медленно. Невзирая на трудности, с какими приходилось тащить эту карету по столь тяжелой дороге, она была наполнена пассажирами, которые никогда не выходили из нее, даже на крутизнах. Сидеть внутри экипажа было очень привольно. Пыль не попадала туда, и пассажиры могли на досуге любоваться видами природы или критически обсуждать заслуги надрывавшихся упряжных. На такие сиденья, само собой разумеется, был большой спрос, и они брались с боя, так как каждый считал первейшей целью своей жизни добыть для себя место в карете и оставить его за своим потомством. По каретному регламенту каждый мог предоставить свое сиденье кому угодно, но, с другой стороны, бывали случайности, от которых любое сиденье во всякое время могло быть утрачено совершенно. Несмотря на удобства этих сидений, они все-таки были весьма не прочны, и при всяком внезапном толчке кареты из нее вылетали люди, падая на землю, и тогда они немедленно должны были хвататься за веревку и помогать тащить карету, в которой еще недавно ехали с таким комфортом. Весьма естественно, что считалось страшным несчастьем утратить свое место в карете и забота о том, как бы это не случилось с ними или с их близкими, постоянно тяготела, как туча, над счастьем тех, кто ехал в карете.

Но позволительно спросить: неужели люди эти думали только о себе? Неужели их роскошь не казалась им невыносимой при сравнении ее с участью их братьев и сестер или при сознании того, что от их собственного веса увеличивался груз для упряжных?

О да! Сострадание часто выказывалось теми, кто ехал в экипаже, к тем, кому приходилось тащить его, особенно когда он подъезжал к дурному месту на пути или к очень крутому подъему, что повторялось почти беспрестанно. Но в таких случаях пассажиры криками ободряли трудившихся у веревки, увещевали их терпеливо сносить свой жребий, обнадеживая их перспективой возможного возмездия на том свете, тогда как другие делали складчины на покупку мази и пластыря для увечных и раненых. При этом выражалось сожаление о том, что так тяжело тащить карету, а когда удавалось выбраться с дурной дороги, то у всех являлось чувство облегчения и успокоения. Это чувство не вполне вытекало из сострадания к тащившим карету, ибо всегда бывало некоторое опасение, что в таких скверных местах экипаж может совсем опрокинуться и тогда всем бы пришлось лишиться своих сидений.

Справедливость требует сказать, что вид страданий напрягавшихся у веревки особенно сильно действовал главным образом потому, что возвышал в глазах пассажиров цену их сидений в карете и побуждал их еще отчаяннее цепляться за эти сиденья. Если бы пассажиры были уверены, что ни они, ни их близкие никогда не выпадут из экипажа, то, вероятно, они, ограничившись своими взносами на мази и бандажи, крайне мало беспокоились бы о тех, кто тащил экипаж.

Я знаю, конечно, что мужчинам и женщинам XX столетия это должно казаться неслыханным бесчеловечием, но есть два факта – и оба весьма любопытные, – отчасти объясняющие эту притупленность чувства человеколюбия.

Во-первых, существовало искреннее и твердое убеждение в том, что человеческое общество не могло идти вперед иначе, как при условии, чтобы большинство тащило экипаж, а меньшинство ехало в нем.

Другой факт, еще более знаменательный, заключался в отрадной иллюзии пассажиров насчет того, что они некоторым образом принадлежали к высшему сорту людей, которые по

праву могли рассчитывать на то, чтобы везли их на себе другие. Это кажется невероятным, но так как я когда-то сам ехал в этом экипаже и разделял ту же иллюзию, то мне можно поверить в настоящем случае.

* * *

В 1887 году мне минуло тридцать лет. Я еще не был женат, но был обручен е Юдифью Бартлет. Подобно мне, она занимала место внутри экипажа, т. е. семья ее была зажиточная. В те времена, когда только за деньги доставали все, что считалось приятным в жизни и что принадлежало к области культуры, для девушки достаточно было обладать богатством, чтобы иметь женихов. Но Юдифь Бартлет к тому же отличалась красотой и грацией. Я знаю, что мои читательницы станут протестовать. Я уже слышу, как они говорят: «Красивой еще куда ни шло, но грациозной ни в каком случае она быть не могла в костюмах того времени, когда постройка в целый фут вышины служила головным убором, а позади платье, невероятно взбитое с помощью искусственных аксессуаров, гораздо больше уродовало всю фигуру, чем какие-либо измышления прежних портних. Можно ли представить себе кого-нибудь грациозным в подобном костюме?»

Упрек вполне уместный, и мне остается только возразить, что в то время, как дамы XX столетия своим примером свидетельствуют, что ловко сшитое платье рельефнее обрисовывает женскую грацию, мои личные воспоминания об их прабабушках позволяют мне утверждать, что самый уродливый костюм не в состоянии совершенно обезобразить женщину.

Свадьба наша должна была состояться по окончании постройки дома, который готовился мною для нашего житья в лучшей части города, т. е. в части, населенной главным образом богатыми людьми. Я должен прибавить, что выбор места жительства в той или другой части Бостона зависел не от самой местности, а от характера местного населения. Каждый класс или нация жили особняком в своих кварталах. Богатый, селившийся среди бедных, образованный, попадавший в среду необразованных, походил на человека, которому приходится жить в одиночестве среди завистливого и чуждого ему племени.

Когда началась постройка дома, я рассчитывал, что он должен быть окончен к зиме 1886 года. Однако ж и весна следующего года застала его неготовым, и свадьба моя все еще оставалась делом будущего. Причиной замедления, которое неминуемо должно было выводить из себя пылкого жениха, являлся ряд стачек или забастовок, т. е. одновременное прекращение работы каменщиками, плотниками, малярами и всякого рода рабочими, необходимыми при постройке дома.

Из-за чего собственно возникали эти стачки, сейчас не припомню. Забастовки в то время стали таким заурядным явлением, что людям надоело доискиваться каких-либо особенных причин их. Не в той, так в другой отрасли промышленности они повторялись почти беспрерывно со времени большого промышленного кризиса 1873 года. Дело дошло до того, что считалось исключительной случайностью, если в какой-нибудь отрасли промышленности рабочие не прерывали работы в течение нескольких месяцев.

Читатель нынешнего 2000 года, без сомнения, признает в этих забастовках первый и не ясно определившийся фазис того великого движения, которое завершилось установлением новой промышленной системы со всеми ее социальными последствиями. При ретроспективном взгляде на дело кажется все так ясно, что даже ребенок в состоянии понять его, но мы, люди того времени, не будучи пророками, не имели точного представления о том, что должно постигнуть нас. Отношения между работником и нанимателем, между трудом и капиталом, каким-то непостижимым образом нарушились и пошатнулись. Рабочие классы совсем внезапно и почти повсеместно заразились глубоким недовольством к своему положению; у них зародилась мысль, что положение их могло бы улучшиться, если бы только они знали, как

взяться за дело. Со всех сторон стали предъявляться требования большей заработной платы, сокращения рабочих часов, лучших жилищ, лучшего образования и известной доли участия в удобствах жизни. Исполнить такие требования казалось возможным лишь в том случае, если бы свет стал гораздо богаче, чем он был тогда. Рабочие сознавали смутно, что им нужно, но не знали, как достигнуть этого, и восторг, с каким толпились они около всякого, кто только мог, казалось им, просветить их на этот счет, внезапно возводил иного вожака партии на пьедестал славы, хотя в действительности он столь же мало был способен помочь им. Как бы химеричны им ни казались стремления рабочего класса, но та преданность, с какой они поддерживали друг друга во время стачек, служивших им главным орудием, и те жертвы, какие приносились ими для успешности этих стачек, не оставляют никакого сомнения в серьезности этих стремлений.

Относительно конечной цели этих рабочих беспорядков – таким именем большею частью обозначалось описанное мною движение – мнения людей моего класса очень различались, смотря по их личному темпераменту. Сангвиник сильно напирал на то, что по самому существу вещей невозможно удовлетворить новые вожеления рабочих, так как мир не имеет средств к их удовлетворению. Только потому, что массы предавались тяжкому труду и довольствовались скудным существованием, не было повального голода, и никакое крупное улучшение в их положении не представлялось возможным, пока свет в своей совокупности оставался таким бедным. Рабочий класс восставал не против капиталистов, говорили эти сангвиники, а против железных оков нужды, державших человечество в тисках, и вопрос заключался только в том, долго ли еще тупоумие их будет мешать им уразуметь такое положение дел и успокоиться на необходимости покориться тому, чего изменить невозможно.

Люди менее пылкого темперамента тоже признавали это. Надежды рабочих представлялись неосуществимыми по естественным причинам; но было основание опасаться, что сами рабочие придут к такому заключению не раньше чем произведут опасный переворот. Они могла бы это сделать, если бы захотели, так как обладали правами голосования, и вожди их полагали, что они должны это сделать. Некоторые из этих наблюдателей, представлявших все в мрачном свете, заходили так далеко, что предсказывали неминуемую социальную катастрофу.

Человечество, рассуждали они, достигло высшего предела цивилизации и теперь готово кувырком ринуться вниз в хаос. Это, без сомнения, образумит его, и оно снова станет карабкаться кверху. Повторявшимися попытками этого рода в исторические и доисторические времена, быть может, и объясняются загадочные шишки на человеческом черепе. История человечества, подобно всем великим движениям, вращается в кругу и всегда снова возвращается к первоначальной точке. Идея бесконечного прогресса по прямой линии есть химера, созданная воображением, а не имеет никакой аналогии в природе. Парабола кометы может служить еще лучшей иллюстрацией исторического хода развития человечества. Направляясь вверх и к солнцу от афелия варварства, человечество достигло перигелия цивилизации, и затем снова спустилось к противоположному концу в низшие сферы хаоса.

Это, конечно, являлось крайним воззрением, но я помню, как серьезные люди в кругу моих знакомых впадали в подобный тон, когда поднималась речь о знамениях времени. Без сомнения, все мыслящие люди держались того взгляда, что общество приближается к критическому периоду, который может привести к крупным переменам. Рабочие беспорядки, их причины и направление, а также способы избавления от них были главным предметом толков и в печати, и в серьезных беседах.

Нервное напряжение общественного мнения в то время ничем так ярко не подтверждалось, как тем возбуждением, которое вызывалось в обществе небольшим числом людей, именовавших себя анархистами. Эти люди пытались терроризировать Америку и навязать ей свои идеи угрозами и насилиями, точно могучая нация, только что подавившая восстание половины своих собственных граждан для упрочения своей политической системы, могла бы принять из боязни какую бы то ни было навязываемую ей социальную систему.

Как один из богатых, весьма заинтересованный в сохранении существующего порядка, я естественно разделял опасения того класса, к которому принадлежал. Личное раздражение, какое я питал в то время против рабочего класса, которого стачки заставляли отсрочивать мое супружеское счастье, без сомнения, придавало моим чувствам к нему еще большую враждебность.

Глава II

Тридцатое мая 1887 года пришлось в понедельник. В последней трети XIX столетия в этот день происходило одно из национальных празднеств, именно так называемое празднование Дня отличий, который чествовался в память солдат Северных Штатов, участвовавших в войне за сохранение союза Штатов. В этот день ветераны в сопровождении военных и гражданских властей с хором музыки во главе обыкновенно собирались на кладбищах и возлагали венки на могилы своих товарищей, павших в бою. Церемония эта была очень торжественная и трогательная. Старший брат Юдифи Бартлет пал на войне, и вся семья ее в День отличий обыкновенно посещала в Маунт-Обере место его упокоения.

Я попросил позволения отправиться с ними, и по возвращении в город под вечер остался обедать в семействе моей невесты.

После обеда в гостиную я взял вечернюю газету и прочел о новой стачке рабочих, которая, по всей вероятности, еще более должна была замедлить окончание моего злополучного дома. Помню ясно, как это рассердило меня, и я стал проклинать и рабочих вообще, и эти стачки в особенности в таких резких выражениях, насколько это допускалось в присутствии дам.

Собеседники вполне соглашались со мной, и замечаний, какие делались в последовавшем затем разговоре о безнравственном образе действий агитаторов, было столько, что этим господам они могли вполне все уши прожужжать. Все единодушно поддерживали мнение, что дела становятся все хуже и хуже с каждым днем и что едва ли можно предугадать, чем все это кончится.

– При этом ужаснее всего, – сказала миссис Бартлет, – что рабочие классы, кажется, одновременно во всем свете походили с ума. В Европе даже еще хуже, чем здесь. Там бы я жить вообще не рискнула. Еще недавно я спрашивала мужа, куда нам придется переселиться, если совершатся те страхи, какими угрожают эти социалисты. Он сказал, что не знает теперь ни одной местности, где существовал бы прочный порядок вещей, за исключением разве Гренландии, Патагонии и Китайской империи.

– Эти китайцы очень хорошо знали, чего хотели, – прибавил кто-то, – когда отказались открыть доступ к себе западной цивилизации. Они лучше нас знали, к чему она должна привести. Они видели, что это не что иное, как замаскированный динамит.

Помню, как я отвел Юдифь в сторону и старался убедить ее, что было бы лучше повенчаться сейчас же, не дожидаясь окончания дома, и что мы даже могли бы провести в путешествии то время, какое потребуется на приведение в порядок нашего жилья. В тот вечер Юдифь была особенно хороша. Черное платье, надетое ею по случаю печального праздника, очень выгодно оттеняло ее прекрасный цвет лица. Вот и сейчас я мысленно вижу ее такой, как она была в тот вечер. При уходе моем она провожала меня в переднюю и я, по обыкновению, поцеловал ее на прощание. Ничем особенным не отличалось это расставание от прежних, когда мы разлучались друг с другом днем или вечером. Ни малейшее предчувствие того, что это нечто большее, чем обыкновенная разлука, не омрачало ми моего, ни ее сердца.

Увы, однако, это так и было...

Час, когда мне пришлось проститься со своею невестой, для влюбленного был слишком ранний, но это обстоятельство не имело никакого отношения до моей любви к ней. Я страдал упорной бессонницей, и хотя, вообще, не мог жаловаться на нездоровье, но в этот день, однако, чувствовал себя совершенно изнеможенным, так как почти совсем не спал две предыдущие ночи. Юдифь знала это и настойчиво выпроводила меня домой, строго-настрого наказав мне, чтобы я немедленно лег спать.

Дом, где я жил, уже в течение трех поколений принадлежал моей фамилии, в которой я был последним и единственным представителем. Это было большое старое деревянное здание,

внутри убранное со старомодным изяществом, но помещавшееся в квартале, который вследствие размножения в нем фабрик и постоянных домов уже давно перестал считаться достойным поселения для людей хорошего тона. В такой дом я не мог и подумать привезти молодую жену, особенно столь изящное существо, как Юдифь Бартлет. Я уже сделал публикацию о продаже его и пользовался им лишь для ночлега, а обедал в клубе. Мой слуга, верный негр по имени Сойер жил при мне и исполнял мои немногие требования. С одной особенностью этого дома мне трудно было расстаться, именно со своей спальней, которая была устроена в фундаменте. Если бы мне пришлось занимать комнату в верхнем этаже, то я, наверное, не мог бы уснуть от не смолкавшего по ночам шума на улицах. Но в это подземное помещение не проникал ни один звук сверху.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.